М. СУХАЧЕВ

НЕБО ДЛЯ СМЕЛЫХ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Повесть рассказывает о жизни и боевой деятельности одного из первых генералов нашей страны, Герое Советского Союза генерал-лейтенанте авиации Евгении Саввиче Птухине.

- М. СУХАЧЕВ
  - Предисловие
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
    - Глава V
    - Глава VI
    - Глава VII
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
    - Глава V
    - Глава VI
    - Глава VII
    - Глава VIII
    - Глава IX
    - Глава X
    - Глава XI
  - ОТ РЕДАКЦИИ

М. СУХАЧЕВ
НЕБО ДЛЯ СМЕЛЫХ
(Повесть о Птухине)

Предисловие
СЛОВО О КРЫЛАТОМ ГЕНЕРАЛЕ

Рассказывать о жизни и боевой деятельности одного из первых генералов Страны Советов, Герое Советского Союза, генерал-лейтенанте авиации Евгении Саввиче Птухине довольно сложно.

Всю сознательную жизнь он посвятил беззаветному служению революции и своей великой Родине. Постоянная учеба, поиск новых путей применения авиации, воспитание мужественных крылатых бойцов — в этом он видел свою главную задачу. На его короткую, но яркую жизнь выпало четыре войны. Гражданская война, пылающая Испания, война с Финляндией и, наконец, Великая Отечественная война — таковы огненные вехи становления этого авиационного командира.

Е. С. Птухина характеризует твердая воля, бесстрашие, неиссякаемая энергия, высокое чувство товарищества, безграничная преданность делу партии Ленина, в которую он вступил в 1918 году, верность интернациональному долгу. Все, кто хорошо знал и общался с ним, отмечают его отцовскую заботу и внимание к подчиненным, особенно к воздушным бойцам. И люди отвечали ему любовью и уважением. Как командир-руководитель, летчик-истребитель, отлично владевший боевыми самолетами, генерал Птухин пользовался заслуженным авторитетом и уважением в Военно-Воздушных Силах.

Пятнадцатилетним пареньком он добровольцем вступил в один из первых авиационных отрядов молодой Советской Республики, участвовал в боях на польском фронте, в Крыму при разгроме барона Врангеля. Общение с выдающимися красвоенлетами У. Павловым, Н. Васильченко, И.Спатарелем и другими пробудило у юноши жажду к полету. После окончания гражданской войны он с большим упорством ликвидировал пробелы в школьном образовании и овладел профессией летчика-истребителя. В 22 года его зачисляют летчиком известной эскадрильи имени Ф. Э. Дзержинского.

Незаурядные способности быстро выдвинули Е. С. Птухина в число передовых командиров Военно-Воздушных Сил.

С середины 30-х годов промышленность нашей страны приступила к выпуску новых самолетов конструкций более совершенных по тому времени. Советская авиация приобрела значение оперативно-стратегического фактора и стала одним из основных видов Вооруженных Сил СССР. Партия поставила задачу

овладеть новой техникой в кратчайшие сроки. За большие успехи в боевой подготовке и овладении новой техникой командир бригады Птухин в 1936 году был награжден орденом Красной Звезды.

В июле 1936 года вспыхнул мятеж против законного правительства Испанской республики. Восстание сразу было поддержано фашистскими правительствами Италии и Германии. Антифашисты многих стран устремились на помощь испанскому народу, который первым вступил в открытый бой с фашизмом. Среди них были и советские добровольцы. Естественно, что такие люди, как комбриг Птухин, не могли стоять в стороне. Он едет в Испанию. Командуя истребительной группой республиканских ВВС, принимает участие в Брунетской операции. Он считал, что командир является полноценным лишь после личной встречи с противником в воздушном бою, где можно проверить его тактику и боевые качества. Неоднократно вылетая на фронт, принимал участие в воздушных боях, сбивал самолеты противника. Вскоре генерал Хосе, как называли Птухина в Испании, становится главным советником командующего республиканской авиацией И. Сиснероса. Птухин участвовал в планировании и проведении операций на Мадридском, Арагонском и Теруэльском фронтах. Организованная им операция по разгрому авиации противника на аэродроме Гарапинильос стала в то время предметом изучения в академиях ВВС многих стран мира.

За мужество и отвагу, проявленные в боях за свободу республиканской Испании, Е. С. Птухин был награжден орденами Ленина и Красного Знамени.

Те, кто впервые столкнулся с фашизмом на земле и в небе Испании, приобрели неоценимый опыт. Это была проверка готовности к предстоящим, еще более жестоким схваткам.

После возвращения из Испании партия назначила Е. С. Птухина на ответственный пост командующего ВВС Ленинградского военного округа. С присущей ему энергией, партийной настойчивостью и принципиальностью он руководил боевой подготовкой авиационных частей округа. И когда началась война с Финляндией, летный и технический состав ЛВО встретил врага во всеоружии. В этой войне, проходившей в тяжелых погодных условиях суровой зимы, наши авиаторы совершили десятки героических подвигов. За храбрость и отвагу шестидесяти восьми из них было присвоено звание Героя Советского Союза. Родина высоко оценила заслуги командующего авиацией Северо-Западного фронта комкора Е. С. Птухина, удостоив его звания Героя Советского Союза.

В мае 1940 года Е. С. Птухину в числе первых присваивается

звание генерал-лейтенанта авиации. По решению ЦК ВКП(б) его назначают командующим ВВС Киевского особого военного округа. Хорошо понимая неизбежность скорого столкновения с фашистской Германией, Евгений Саввич вложил весь свой опыт и энергию в подготовку авиации этого важнейшего округа. Там он и встретил Великую Отечественную войну.

Всем, чего достиг Е. С. Птухин, он обязан Коммунистической партии, советскому народу, своим наставникам и соратникам П. И. Баранову, Я. И. Алкснису, И. П. Уборевичу, С. К. Тимошенко, А. А. Жданову, К- А. Мерецкову, Г. К. Жукову, И. Х. Баграмяну, С. А. Красовскому, Ф. А. Агальцову и многим другим. С большой теплотой отзываются о нем все, кому пришлось с ним работать и общаться.

Книга о Е. С. Птухине — это страница истории создания и развития Военно-Воздушных Сил Советского государства. Думаю, что ее с интересом прочтут не только те, кто участвовал в защите нашей Родины, но и каждый советский человек, особенно наша славная молодежь. Эта книга учит мужеству и бесстрашию, преданности великим идеалам партии Ленина, беспредельной любви к Родине.

Дважды Герой Советского Союза генерал армии П. И. Батов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ОТ МЕЧТЫ ДО РЕАЛЬНОСТИ

Глава I
ДЕТСТВО ВОРОБЫШКА

Так и не привыкнув за дорогу к поездам, старший, Васятка, шарахнулся в сторону от паровоза, пустившего пары, когда все семейство Птухиных. гуськом, держась друг за дружку, шло за отцом по платформе к зданию вокзала Московско-Курской железной дороги.

У привокзальной ограды, где народу было поменьше, Савва Федорович Птухин в изнеможении свалил с плеча два больших узла, посадил на них трехлетнего сына Женю. Приказал всему семейству не двигаться, пока не отыщет Сомова, бывшего хозяина Ялтинской городской почтовой конторы, вызвавшего его в Москву.

Выйдя на привокзальную площадь, Савва Федорович был поражен множеством пролеток: у них на всю Ялту столько не было, сколько здесь на одной площади. Зачарованный зрелищем, начисто забыл о своей заботе. Опытным взглядом он мгновенно оценил, что здешние лошади значительно крупнее. «Видно, орловских племенных заводов!» Расчесанные гривы громадной шалью спадали вдоль коротких широких шей. «Хороши, но не для нас. — Птухин еще не отвык причислять себя к ялтинцам. — Для нас не сгодятся. Тяжела такая лошадь для горных дорог, и грива при крымской жаре — чистая помеха». Залюбовался Савва Федорович и сбруями, отделанными медными надраенными бляхами. Да и ямщик под стать экипажу, крупный, осанистый. По Крыму так предводитель дворянства, да и только!

Налюбовавшись, Птухин спохватился: ждут же его, сидя на узлах, домочадцы.

— Слышь-ка, мил человек, — обратился он к ближайшему извозчику, — ты не знаешь ли Сомова, что на… — Савва Федорович запнулся и лихорадочно стал искать письмо, где был указан адрес, — что на Трубной площади… — облегченно закончил он.

— А он кто, твой Сомов, губернатор, фабрикант, а может, он родственник царя? — хамовато осклабился тот. Вокзальный ямщик признал в приезжем незадачливого провинциала, над которым можно безнаказанно позубоскалить… — Эй, Кондратыч! Вот спрашивает… может, ты знаешь Сомова с Трубной площади?

— Знаю, знаю, — с готовностью включился в розыгрыш тот, кого назвали Кондратычем. — Это Сухаревский вор, его еще зовут Бычий Глаз, — нарочито громко под общий смех объяснил Кондратыч.

Савва Федорович обиделся.

— Сам ты вор, если над приезжим человеком вместо помощи зубы скалишь! — И в сердцах повернул в сторону.

— Эй, погоди! Нешто шуток не понимаешь. — Извозчик схватил его за рукав. — Давай путем расскажи, кто твой Сомов, где живет.

— Да он На паях с Ечкиным держит конный двор на Трубной площади, а живет… — Савва Федорович опять полез за письмом, — на Цветном бульваре… А у меня, понимаешь, жена с детишками малыми за вокзалом на холоду зябнут, — закончил он, показав в сторону привокзальной ограды.

— Э-э-э! Так бы и сказал — к Ечкину! Ечкина-то все знают. Здесь половина извозчиков от Ечкина. Сей секунд кто-нибудь из ечкинских тебя к нему на конный двор доставит.

Плотно прижавшись друг к другу, испуганно смотрели дети на непривычно большие, без ограды и огородов, дома, когда они пересекали Земляной вал. На выезде с Большой Казенной улицы возница осторожно направил лошадь на тротуар, где был узкий проход между домом и завалом, перегородившим улицу.

— Это что же, дом обвалился аль так хлам вываливают в Москве? — поинтересовался Савва Федорович.

— Нет, это рабочие настроили баррикад, чтоб, значит, воевать против полиции и солдат.

Непрестанно удивляясь рассказу ямщика о происходивших октябрьских волнениях 1905 года, выехали они со стороны Рождественского бульвара на Трубную площадь. А вскоре вкатили под широкие ворота на большой, заставленный пролетками двор. Чавкая копытами в конском навозе, лошадь, натужно упираясь, подтащила тарантас к крыльцу и остановилась точно напротив ступенек. Пригревшиеся в куче дети нехотя зашевелились, испуганно и с любопытством озираясь вокруг.

— Ну, пошли, — сказал возница и прямо с облучка прыгнул на ступеньки крыльца, не рискуя оставить галоши в грязи.

* * *

Нет, не ошибся в Птухине Сомов, когда рекомендовал вызвать его из Крыма своему двоюродному брату Ечкину. За пятьдесят рублей жалованья в месяц да квартиру на Цветном бульваре,

возле цирка, Птухин, назначенный управляющим конным двором, служил не за страх, а за совесть. Уже давно нет во дворе той непролазной грязи, в которую они когда-то въехали. Все пролетки исправны, и у каждой свое место, несмотря на лихое упорство, с которым некоторые извозчики противились птухинским порядкам. И к мужикам Савва Федорович имел подход: не шумит, не матерится, а как-то со спокойной настойчивостью заставляет извозчиков делать что нужно. Бывало, бросит подвыпивший ямщик пролетку посреди двора, на замечание Саввы Федоровича понесет его мать в перемать, а Птухин ему спокойно говорит: «Не хочешь убрать — бог тебе судья. Я сам управлюсь. Вася, Женя, помогите бричку закатить на место». Стоит пьяница посредине, широко расставив ноги, и, набычившись, глядит исподлобья на то, как мальчишки, упираясь руками в задок пролетки, помогают отцу водворить ее под навес. Потом срывается — и с каким-то утробным, нарастающим звуком «Э-э-эх» оглобли под мышки! Тут только успей отскочить. Единым духом загонит пролетку на место.

— Тебя как зовут? — спросил кто-то трехлетнего Женю вскоре после их приезда.

— Воробышек, — назвался он именем, которым нарекла его старшая сестра матери тетка Агафья.

— Стало быть, Воробей?

— Стало быть, Воробей, — согласился малыш. Так и звали извозчики Женю — Воробей-воробышек.

Он давно уже стал общим любимцем за свой добрый характер, услужливость, любовь к лошадям, голубям и собакам.

— Эй, Воробышек! — крикнет, бывало, какой-нибудь возница, не въезжая во двор. — Погляди-ка за лошадью!

Женя карабкается на облучок и с серьезным видом держит поводья, пока не возвратится извозчик. Тот же, выйдя из конторы, запустив руку в глубокий карман поддевки, доставал леденцового петушка, обтирал его рукавом от налипшей махорки, протягивал в знак благодарности Жене.

Матери не нравилось, что Воробей пропадает все дни на конном дворе. Но и возле дома игры не сулили ничего хорошего. Однажды стайка соседских мальчишек обступила во дворе смущенного Женю.

— Ты знаешь, кто я? — спросил его один из них, смуглый красивый мальчик, одетый в черный бархатный костюмчик.

— Нет.

— А это ты знаешь что? — показал он на здание цирка.

— Нет, — опять ответил Женя.

— Это цирк, там работает мой отец. Хочешь, покажу фокус?

Женя утвердительно кивнул. Мальчик встал в театральную позу, поднял правую руку и почти профессионально красиво объявил:

— Выступает сын знаменитого артиста-иллюзиониста Антонио Жиляди, — закончил он в полупоклоне.

Поскольку аплодисментов не последовало, наследник знаменитого артиста-иллюзиониста быстро сунул Жене в руку винтовочный патрон без пули с забитой горловиной, в основании которого была пропилена маленькая дырочка, закрытая двумя привязанными спичками.

— Держи крепко, — скомандовал он и, чиркнув по серным головкам спичечным коробком, быстро побежал прочь.

Еще не понимая, в чем заключается фокус, видя убегающего, Женя инстинктивно бросил ему вслед патрон. Раздался взрыв, а вслед за ним истошный крик потомственного иллюзиониста.

* * *

Прижились Птухины в Москве. Пошли один за другим дети в школу.

В классе казенной трехлетней школы на углу Трубной и Большого Сергиевского переулка, куда привели Женю, было пятьдесят учеников. Савва Федорович с трудом усадил испуганного мальчика за парту, но тот, ухватившись за полу отцовского пиджака, никак не хотел расстаться с ним.

— Ну, будет, будет, — как мог успокаивал отец, настойчиво отдирая ручонки сына от своей одежды, — не срами меня. — И, увидев слезы, наполнившие большие голубые глаза, тихо прошептал: — Ты здесь поучись, а я тебя обожду за дверью.

Однако, когда дядька с деревяшкой вместо ноги, с Георгиевским крестом на солдатском мундире пробирался через толпу, вызванивая медным колокольцем, отец, перекрестив дверь класса и тех, кто за ней остался, вместе с другими взрослыми вышел из школы.

Весь первый урок монотонно и нудно учитель, похожий на старого стриженого пуделя в пенсне, требовал:

— Повторяйте за мной, балбесы: «Начальные народные школы имеют целью утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания…»

Из этого нагромождения длинных фраз Женя понял только одно, что они теперь балбесы. Учитель же на одной и той же ржаво-скрипучей ноте продолжал:

— Предметами изучения являются: а) закон божий; б) чтение по книгам гражданской и церковной печати; в) письмо; г) первые четыре действия арифметики; д) церковное пение.

После первого урока Женя поспешил к отцу — коридор был пуст! К тому же после звонка на следующий урок он обнаружил, что его место на четвертой парте занято, а сумка, сшитая отцом из кусков хомутной кожи, засунута между последней свободной партой и стеной. Женя поднял сумку и, не спросив разрешения у учителя, медленно вышел из класса с твердым намерением больше никогда сюда не возвращаться.

Вечером, несмотря на Женины слезы и упрашивания не водить его больше в школу, отец твердо сказал, что завтра Женя опять пойдет в «казенку». Но, припомнив полные ужаса глазенки Воробышка, добавил:

— Отведи-ка завтра его ты, Марья.

Наутро, часов в шесть, Савва Федорович, переступив порог конторы, замер на месте от изумления. Возле круглой чугунной печки на брошенном овчинном тулупе спали, прижавшись друг к другу, Женя и извозчичий любимец пес Сверчок. Чтобы не идти в ненавистную школу, Женя, не спавший всю ночь, под утро сбежал из дома! Глядя на сына, Савва понял, что в эту школу Женя действительно больше не пойдет.

Посмеявшись проделке Воробышка, Ечкин посоветовал направить его в техучилище, благо оно совсем рядом, на Рождественке.

— И грамоте научат, и ремесло в руки дадут, а это в теперешние взбаламученные времена самое верное дело, — заключил Ечкин.

Время действительно было неспокойное. После поражения первой русской революции положение рабочего класса катастрофически ухудшалось. Московский «Дом трудолюбия» трещал под натиском безработных. Уже стало системой полное увольнение рабочих с фабрик на пасхальные праздники, с тем чтобы через десять праздничных дней набрать новых людей на еще более урезанную зарплату, оставив за воротами «крикунов» и «смутьянов».

Социальные контрасты достигли апогея.

«Торжественный обед, которым московское купечество чествовало английских гостей, был обставлен роскошно. Распорядителями заказаны ледяные фигуры медведя и льва, которые в лапах держали по пудовой чаше зернистой икры. Меню включало: уху из стерляди с на-лимовыми печенками, расстегаи городские, ланж из телятины по-русски, рябчики сибирские, салат, пудинг московский, десерт. Все входные билеты

стоимостью 60 рублей были распроданы. Известный успех имел «Ухарь-купец», исполненный тенором г. Садовниковым», — взахлеб восторгается купеческим обжорством газета «Русское слово». И, будто посмотрев в перевернутый бинокль, газета «Раннее утро» в тот же день сообщает, что «…в одной из квартир дома Ечкина на Неглинной отравился нашатырным спиртом квартирант В. Я. Кабанов, 25 лет. Причина — крайняя нужда».

Страна была похожа на штормовой океан, готовый поглотить прогнившее суденышко самодержавия.

Как спасение восприняла буржуазия весть о начале первой мировой войны. Горе поползло в рабочие и крестьянские семьи. Не миновало военное лихо и дом на Нижней Красносельской, куда недавно переехала семья Птухиных. Через неделю должны были забрать на фронт старшего сына Василия. Вслед за этим известием в семью Птухиных пришло новое горе — неожиданно слег отец…

Как-то утром Савва Федорович, едва повернув к жене голову с широко открытыми от испуга глазами, каким-то не своим голосом сказал, что не может встать. Не может, и все тут. Не слушаются ни ноги, ни руки.

— Да полно, Савва, отлежал небось. Давай я подсоблю, — спокойно прошептала жена. Но как ни старалась Мария Яковлевна, грузное туловище мужа безвольно перегибалось, не в состоянии без опоры сохранить вертикальное положение даже сидя.

Приехавший вслед за врачом всегда шумный Ечкин на этот раз деланно-веселым голосом заметил:

— Да ты скоро поправишься, старина. Давай не залеживайся… Трудно без тебя. Много лошадей и мужиков забрали на войну. А с теми, что остались, сладу нет, тоже в революцию ударились, требования выставляют, забастовками грозятся…

На другой день Савва уже не мог говорить. Он только слышал и понимал, как Марья объясняла, что Василий пришел за благословением — забирают на войну. По лицу Саввы пробежала судорога, и от сильного напряжения из горла вырвался какой-то клокочущий звук. А по вискам скатились две крупных слезы.

С уходом Василия не стало кормильца в семье. Жить становилось все труднее и труднее. Цены по сравнению с довоенными возросли в три-четыре раза. Многие продукты исчезли совсем. Хлеб можно было купить, выстояв длинную очередь. Вчера Женя вместо хлеба принес сорванную с двери булочной картонку-объявление: «Хлеба нет и не будет». Чтобы свести концы с концами, Мария Яковлевна стала шить с утра до

ночи.

Женя решил идти работать.

Как ему пришла эта мысль в голову, он и сам не знает. Скорее всего надоумили его мамины слова, когда она, накормив с ложечки отца, положив руку на голову Воробышка, сказала: «Ты у нас в доме остался один мужчина». Да, он мужчина, а мужчины — это ему хорошо было известно — должны кормить семью.

Ранним осенним утром Женя надел доставшееся ему от старшей сестры пальто с серым, выношенным до кожи кроличьим воротником и вышел из дома. В школу теперь ходить не надо, она занята под госпиталь для раненых. Женя еще не знал, где и как будет работать, но твердо был уверен, что это теперь необходимо.

Порыв холодного ветра взметнул мусор с тротуара и, обогнув афишную тумбу, неистово хлестал обрывками объявления о том, что… «Правление товарищества поставлено в тяжелую необходимость сократить производство на фабрике, следствием чего является дополнительное увольнение рабочей силы». Объявлений о найме не было.

Женя поднял воротник и, наклонившись навстречу ветру, двинулся на Каланчевскую площадь, где на вокзале надеялся что-то заработать.

На Казанский вокзал его просто не пустили. Туда прибыл воинский эшелон, а солдатам, как известно, носильщики не нужны. Он пересек площадь и вышел на перрон Николаевского вокзала. Прибыл поезд. Не зная, как предложить свои услуги, Женя остановился возле фонарного столба и стал наблюдать, как громадный рыжий детина, способный перенести чемоданы вместе с их скромно одетым хозяином и даже паровозом, пыхтевшим рядом, торговался за лишний пятиалтынный. Добившись своего, носильщик легко перекинул через плечо чемодан, связанный ремнем с саквояжем, два чемодана взял в руки.

Когда носильщик скрылся за углом, Женя перевел взгляд на перрон, на котором почти никого уже не было, и медленно пошел вдоль вагонов.

— Мальчик, мальчик! — настойчиво раздалось позади. — Ты не поможешь мне донести вещи до извозчика? — спросила его пожилая дама, одетая в длинное черное с таким же черным, необыкновенно пушистым воротником пальто.

— Да, да, — так быстро согласился Женя, что даме это показалось подозрительным.

— А ты случайно не воришка?

— Нет, нет, что вы, а разве я похож?.. — опешил Женя.

— Ну да, конечно, непохож, извини, голубчик.

— Не беспокойтесь, я вам помогу просто так, и мне ничего не

надо. — Женя обрадовался тому, что его не подозревают, по домашним птухинским понятиям, в самом ужасном. Женя вспомнил рыжего верзилу и попытался так же легко закинуть за плечо чемодан, забыв, что под девчоночьим пальто укрыты худенькие, воробьиные плечи. В тот же момент, потеряв равновесие, упал на перетянувший его набок чемодан. Женя готов был от стыда провалиться сквозь доски перрона, когда дама сочувственно предложила нести чемодан вдвоем, а картонку и саквояж взять каждому в руку.

— Нет, нет, вы только помогите мне закинуть за плечи, — не соглашался он, — я донесу.

Выйдя на привокзальную площадь, они увидели, что ни одного извозчика нет. С началом войны их в Москве стало значительно меньше.

— Как же я доберусь до Домниковки? — растерянно оглядывалась по сторонам дама.

Женя предложил дойти пешком. Так, словно родственники, по силам распределив груз, они двинулись в путь. Возле квартиры дама достала из ридикюля бумажку. «Право, не знаю, как тебя отблагодарить», — подала мальчику деньги.

Женя никак не думал, что принимать вот так деньги, даже заработанные, ужасно стыдно. Ему они казались милостыней. Нагнув голову, словно провинившийся, стоял он перед женщиной.

— Постой, на-ка еще, — протянула дама вторую бумажку. Видя, что мальчик не протягивает за деньгами руку, она сунула ему купюры за манжету рукава пальто, добавив: — Ну-ну, не будь глупенышем, а теперь беги.

— Спасибо вам, — еле выдавил Женя. Держа деньги в кулаке, он примчался домой.

— Вот, мама, я заработал на вокзале, — опять смущенно протянул он две трехрублевые купюры.

— Господи, Воробышек ты мой милый! — закрывшись передником, заплакала Мария Яковлевна. — Видишь, Савва, еще кормилец подрос…

— Ничего, мама, проживем. Я буду подрабатывать каждый день. — Женя едва удерживал от волнения слезы.

Это был конец Воробышкиного детства.

Через неделю по объявлению «Нужен мальчик грамотный, из приличной семьи для посылок. Жалованье 6 рублей, квартира и харчи. Обращаться в контору газеты «Вече». Женя был принят на службу.

Глава II
ПО ЭТУ СТОРОНУ БАРРИКАДЫ

«Здравствуйте, дорогие мать, отец, сестры и братья. В первых строках своего письма сообщаю, что я жив и здоров…» С удивлением слушала вся семья первое письмо брата Василия, написанное им откуда-то из-под Тернополя. Женя чуть не прыгал от восхищения, когда сестра читала строки, где Василий писал, что служит при авиации, и нисколько не сомневался в том, что брат, конечно же, летчик.

Весь день Воробей ходил под впечатлением этого известия. Уже лежа в постели, он, закрыв глаза, представлял, как брат не спеша подходит к аэроплану, надевает краги, громадный шлем, какой он видел на старых афишах, извещавших о «летании авиатора Уточкина над ипподромом…». Улыбаясь, брат садится в аэроплан, и… здесь воображение упиралось в тупик, потому что Воробышек не знал, что нужно делать дальше, чтобы аэроплан оказался в воздухе. Досадуя, он снова возвращался к исходной точке:…Василий надевает шлем, потом… ну да, конечно же, он берет заводную ручку и, как это делается у автомобиля, заводит мотор.

Теперь мысли об авиации не оставляли ни на минуту. Бегая по поручениям конторы, он непременно осматривал каждую тумбу в поисках сообщений об аэропланах. Очень скоро Женя знал наперечет всех выдающихся авиаторов русских и иностранных. Ближайшей мечтой стало попасть на Ходынку — единственное место, где можно было увидеть настоящий аэроплан.

Главным источником сведений об авиации для Жени стали военные сводки в газетах, а это неизменно связывалось с войной. Значит, нужно попасть на фронт! К тому же там, на фронте, казалось, так просто разыскать брата, от которого уже много недель не было писем. И мама на вопросы девочек, приходивших с работы, нет ли вестей от Васи, молча качала головой, нередко прикладывая передник к глазам.

Нет, он, конечно, никому не проговорится о своем намерении, но готовиться уже нужно!

— Зин, а Зин, ты не знаешь, далеко ли отсюда до Тернополя?

— Неужто контора посылает тебя сбегать в Тернополь? — пошутила ничего не подозревавшая сестра. — Тогда заодно проведай Васю.

— Скажешь тоже. Глупости, — поспешил насупиться Женя, почувствовав, как краска заливает лицо. — Если не знаешь, так нечего смеяться, грамотная какая.

— Ну что ты, Воробышек, не сердись. Я пошутила, сама не знаю, где находится Тернополь. Девчонки на работе говорят, поезда туда ходят с Белорусского вокзала.

«Все, стоп!» Какое-то чутье подсказало Воробышку, что если он задаст уже висевший на языке следующий вопрос: «А сколько туда ехать?» — то Зина насторожится.

Теперь каждый день Женя что-нибудь готовил в дорогу. Деньги, которые перепадали иногда за услуги от конторских адресатов, он прятал в сумке среди ненужных теперь учебников. По воскресеньям Женя с утра уходил подрабатывать на вокзал, подносил приезжим вещи и получал еще несколько монет.

Женя и не думал раньше, что сбежать из дома так трудно. А вот сейчас, поднявшись среди ночи с постели, одевшись и взяв свою бывшую ученическую сумку, он нерешительно стал напротив кровати, на которой, примостившись возле парализованного отца, спала умаявшаяся за день мама. Женя вдруг почувствовал себя взрослым, ответственным за семью, очень обязанным перед мамой, сестрами и больным отцом. Что-то сильно сдавило грудь. Хотелось сесть и разреветься. Он понимал, что побег очень огорчит самых близких, самых дорогих ему на свете людей.

Еле сдерживая рыдания, Женя вышел в прихожую. Постоял, решил, что надо все-таки сообщить о своем намерении. На клочке газетки, сильно послюнявив химический карандаш, вывел по чистому краю: «Я уехал на фронт к Васе».

Сравнительно легко добравшись до Белорусского вокзала, Женя обогнул здание и вышел на пути. Сколько здесь поездов! Какой же из них пойдет в Тернополь?

В нерешительности Женя шел вдоль темных вагонов, иногда между колес перебирался с пути на путь. Все вагоны были наглухо закрыты. Уже стала закрадываться в сердце безнадежность, когда он подошел к последним вагонам одного из эшелонов и почти рядом услышал речь: «Давай-ка подсобь… Да не расплескай котелок, ты, дурья башка, это же тебе не водица». Сильно окая, командовал, по всей вероятности, деревенский парень. Кто-то перелезал под вагоном — щебень хрустел под его тяжелыми коваными сапогами. Бежать было некуда. Оглянувшись, Женя увидел, что дверь последнего вагона слегка приоткрыта. Не раздумывая, он в следующий миг, словно мышь, юркнул в темное его чрево.

— Ну, Никита, твоя очередь караулить, а мы с Вишняком за твое бычье здоровье выпьем, — проговорил кто-то голосом приятного тембра и влез в этот же вагон, что и Женя.

— Ну-ну, не могите без меня, — возразил тот же окающий голос.

— С кем ты разговариваешь на посту, скотина! — словно из-под земли выросла фигура ротного.

— Второй караульный Вишняков, ваше благородие, — отчеканил высоким голосом солдат. — Сдаю пост рядовому Храпину. С вашего позволения, добегу до водокачки…

— Никаких водокачек. Сейчас отправляемся, — круто повернувшись, офицер тотчас растворился в темноте.

— Ух, обомлел я от страху, — переводя дыхание, признался Храпин. — А ну, думаю, учует своим сучьим носом их благородие, чем из котелка пахнет.

Теперь стало ясно, что все они поедут в этом последнем вагоне.

Толкнув состав назад, как бы освобождая место для разбега, паровоз с силой рванул и стал набирать скорость.

Улавливая в шуме дребезжащего вагона отдельные слова, Женя понял, что солдаты устраиваются на ужин. Вскоре неуверенно затрепетало пламя в трехлинейке, поставленной на ящике, заменяющем стол. Появилась буханка хлеба, кусок сала, репчатый лук. Почетное место на ящике занял котелок.

…Застолье затянулось. Женя почувствовал усталость. Затекли ноги от неподвижного стояния. Он попытался присесть на корточки… Падающие ящики с грохотом посыпались к ногам захмелевших солдат.

— Кто здесь? — осторожно, держа винтовку наперевес, направился Храпин в угол вагона. И через несколько секунд выволок, держа за ухо, Воробышка.

— Ты как сюда попал? — тупо уставился на съежившегося мальчика другой солдат.

— Я еду к брату на фронт, в Тернополь.

— Знаем мы этих «фронтовиков», небось залез украсть что-нибудь. А ну покажь. — Храпин рванул из рук Жени сумку.

— Что будем с ним делать? — как бы рассуждая, спросил Вишняков. — Ведь если ротный узнает, что в вагоне с боеприпасами пассажир, упечет под трибунал. — Он стал медленно расстегивать Женину сумку.

— А что с ним думать! Чем ждать, пока тебе ротный в рыло заедет, вышвырнуть его, и делов всех. — Храпин одним махом, с кулацкой жестокостью рванул дверь и… вытолкнул мальчика.

— А-а-а! — с замиранием донеслось из-за двери.

Почти две недели пролежал сильно разбитый и простуженный Женя. Часто он в беспамятстве звал то Василия, то какого-то Храпина, то господина офицера, который бьет солдат.

После выздоровления Женя как-то сразу стал взрослее, молчаливее. Маме только и сказал, что нечаянно свалился с подножки поезда, и все.

Вскоре по просьбе сестер, работавших в «Деловом дворе», что

на Варваровской площади, Женю приняли туда же учеником телефониста.

* * *

Вместе с таким же учеником Семкой Камешковым, прозванным Булыжником, которому Женя рассказал свою историю, они стали разрабатывать новый план побега на фронт.

Хороший друг Булыжник, одно огорчает — нет у него страсти к авиации, не увлекают его рассказы об аэропланах. Зато Семка лучше разбирался в политике. Это у него от отца, рабочего завода Гантера. Да и сам Семка был агитатором хоть куда. Женя вскоре убедился в этом.

Как-то выйдя после работы из конторы, друзья направились вместе с дядей Кондратом, истопником «Делового двора», к его брату Анисиму в госпиталь, расположенный в Анненгофской роще. Взял их с собой дядя Кондрат для того, чтобы обученные грамоте ребята прочитали письма, присланные из деревни. Оба брата, и Кондрат и Анисим, были неграмотные, а доверять семейные тайны чужим взрослым по своей деревенской застенчивости не решались.

Найти брата в госпитале было нетрудно. Он был из «ползунов», тех, кто после ампутации обеих ног передвигался в основном на руках и не дальше своей палаты.

Пока братья, обнявшись, плакали, Женя с Семкой обошли несколько палат и уже подружились с солдатом, у которого на исподней серой застиранной рубахе был приколот Георгиевский крест.

Потом, несмотря на нежелание дяди Кондрата, письма слушала вся палата. Семка читал громко и с выражением. На каждой строчке разгорались споры, которые иногда сводились к попытке утвердить свое мнение костылем.

— …А кому она нужна, война-то… — складывая прочитанное письмо, по-взрослому спросил Семка. — Вот ты, дядя Анисим, — обратился Семка к брату Кондрата, — за кого ты отдал свои ноги? — Сам же Семка и пояснил: — За помещика-кровопийцу!

— Ты штой-то брешешь тут, гаденыш, — накинулся на Семку чубатый, громадного роста солдат-кубанец. — Тя што, отец-большевик сюда прислал, да? Я те щас задницу разделаю, неделю на карачках ползать будешь.

Женя с Семкой съежились, придвинулись к дяде Кондрату.

— Ну ты, глотку-то не раздирай, а то враз костылем заткну, — взъерошенным петушком накинулся на Семкиного

притеснителя один из раненых с большой болванкой гипса на ноге. — Это тебе не на фронте, офицерский прихвостень. Правильно парнишка говорит, за мироедов — дышло им в глотку — воюем. Ты слышал, что в письмах-то пишут? Голод! Детишки пухнут. А ты что нам после обеда читал? Что, я тебя спрашиваю, об заботе государевой, да? Слезу волчью пустил, — тряс он перед носом опешившего чубатого газетой «Новое время». — Во, послухайте, — расправил он одной рукой газету на плече раненого, сидевшего на его койке. — «Ее императорское высочество княгиня Елизавета Федоровна пожаловала в Староекатерининскую и 1-ю городскую больницы по пятьдесят бутылок коньяку. Позвольте поблагодарить ее императорское высочество за ее постоянные заботы о бедных и нуждающихся»… Вона, позаботилась! А где она их заработала, а? Отвечай, кулацкое мурло! Где, я тебя спрашиваю?

— Исподнее продала!

— На паперти насобирала! — стали раздаваться голоса.

— Пойдем отсюда от греха подальше, — тронул Женю за плечо дядя Кондрат, впервые слышавший такие слова о царской семье.

Они уже пробирались сквозь шумящую толпу больных, одинаково одетых в грубые серые халаты, когда перед ними вырос уже знакомый георгиевский кавалер.

— А вы, пострелята, — обратился он к мальчишкам, — заходите почаще, может, газетку какую принесете. Интересно знать, как и чем занимается тутошний рабочий люд… Не бойтесь, в обиду не дадим. Идет?..

Вечером ребята рассказали о своих приключениях Семкиному отцу, дяде Феде, которого служащие «Делового двора» в открытую называли большевиком. Он внимательно выслушал все подробности и расхохотался, когда узнал, что чубатый раненый обещал выдрать ребят.

— Это дело хорошее, ребята. Раз солдат просит, а он, наверное, не один. там такой, стоит поработать, если даже разок-другой и выдерут. Раненые же там, в госпитале, не век будут, поправятся и двинут кто на фронт, кто в деревню, а мысли — это не больничное белье, где снял, там и оставил. Правдивая мысль сейчас приравнивается к оружию.

С тех пор ребята стали частыми гостями в госпитале.

После работы, запихнув за пазуху листовки и газеты, приготовленные Семкиным отцом, они отправлялись на «революционную работу», как говорил Семка, — в госпиталь.

* * *

Женя усердно отряхивал хлопья пушистого снега перед тем, как войти в вестибюль телефонной станции, когда его сильно дернули за рукав. Почти уткнув в Женино лицо свой вздернутый конопатый нос, Семка таинственно прошипел:

— Дело есть, Птаха. Отец сказал, что сегодня они всем заводом в память 9 Января идут на демонстрацию по Тверскому бульвару. Я с рабочими пойду.

— Ну, — протянул Женя.

— Вот те ну, — передразнил Семка. — А ты как?

— А как же работа? — неуверенно спросил Женя, вспомнив, что в последнее время хозяин Мархлевский постоянно шныряет по телефонному залу.

— Трус ты, Птаха! — крикнул Семка и повернулся к двери.

— Постой! Сам ты трус! Пошли!

Толпы народа увеличивались по мере приближения к центру. На Театральной площади, над морем женских платков, студенческих и рабочих картузов, солдатских папах, в облаках выдыхаемого морозного воздуха колыхались кумачовые полотнища с наспех написанными белыми буквами: «Долой войну!», «Долой самодержавие!»

Ребята пробрались к ступенькам Большого театра, чтобы послушать оратора, энергично размахивающего черной каракулевой шапкой, зажатой в руке. После его речи демонстранты медленно двинулись в сторону Охотного ряда. На углу Тверской, совсем недалеко от ребят, поднятый на руках, заговорил еще один оратор, в котором ребята тотчас узнали их больничного знакомца — георгиевского кавалера. Работая локтями, они стали пробираться к нему, когда по толпе понеслось: «Полиция! Фараоны!» Вслед за этим со стороны Тверской раздалось зычное: «Разойди-ись!» — перемежающееся криками и конским ржанием.

Народ снова стал пятиться в сторону Охотного ряда.

— Долой царя! — совсем рядом выкрикнул молодой рабочий, сложив рупором ладони.

— Долой фараонов! — тонко заорал Семка. — Птаха, три-четыре!

— Долой фараонов! — раздались два звонких мальчишеских голоса.

Вдруг, круто повернув, толпа понесла ребят к тротуару.

Гонимый людским потоком, Воробышек потерял Семку и вернулся домой один, голодный, оборванный и усталый.

— Господи, где ты ходишь? На улице-то страх что творится, не ровен час, придавят или в полицию попадешь, — запричитала Мария Яковлевна, — отцу все хуже, помрет без тебя, потом

жалеть будешь, посидел бы дома, — уже поглаживая по голове сына, уговаривала мать.

— Ладно, не буду ходить, — снимая с головы ее руку, ответил сын.

В конце марта 1917 года, когда утренняя смена еще не приступала к работе, Семка громко сообщил, что на заводе отца установили восьмичасовой рабочий день.

— А мы работаем по десять, надо бастовать!

— Правильно, мы не верблюды, — с расстановкой для убедительности поддержал своего друга Птаха. И тотчас почувствовал, как кто-то вцепился ему в ухо.

Женя развернулся и встретился с искаженной злобой физиономией Мархлевского, который правой рукой точно так же за ухо держал второго забастовщика — Семку.

— Нет, вы не верблюды, вы сукины щенята!.. Если я еще раз услышу подобное, выгоню вон, мерзкое отродье. — Он брезгливо толкнул ребят.

Вечером за Семкой зашел отец.

— Ну, как дела, орлы-соколы? — обратился Федор к друзьям, как только они сошли со ступенек «Делового двора».

Семка долго сопел, но потом рассказал об угрозе

Мархлевского. Незаметно от разговора о хозяине телефонной станции перешли к меньшевикам, эсерам, кадетам, большевикам, революции, Ленину. Увлекшись рассказом Федора, ребята не заметили, как оказались на Красносельской у дома Жени.

— Все хотел спросить, дядя Федя, — начал Женя. — Большевик ты или нет, а теперь вижу — не надо спрашивать, ясно. Мне тоже хочется стать большевиком.

— Это хорошо, Женя, что ты так думаешь. Сейчас такое время, что каждый во всей России должен определиться, где, по какую сторону баррикады. он будет. Вдоль баррикады нельзя — убьют не те, так другие. Вот так-то. — Дядя Федя подтолкнул мальчика к двери. — Отец у тебя крепко болен. Поэтому сейчас твое место при нем.

* * *

С тревогой уходил по утрам Женя на работу, видя, что отцу с каждым днем все хуже.

В начале октября, вернувшись со своей «революционной работы» в госпитале, он хотел порадовать маму продуктами, полученными от раненых в знак благодарности, но застал ее плачущей у постели отца. Он лежал с закрытыми глазами, далеко

запрокинув голову на низко положенной подушке. На худой и длинной, как у гуся, шее неестественно высоко выпирал кадык. Отец дышал часто, с каким-то булькающим хрипом… Казалось, в горле у него комок стружек, через которые трудно пробиться воздуху, особенно на выдохе. Тесно прижавшись друг к дружке, всхлипывая, сидели сестры.

Рано наступившая темнота усиливала в комнате гнетущую атмосферу. Становилось жутко.

Отец умирал долго и мучительно. В течение целой недели он то терял сознание и успокаивался, то приходил в себя, и тогда с первым булькающим хрипом гримаса боли искажала его лицо. Страшно было смотреть на вконец измучившуюся мать. Она уже не могла плакать, а только отрешенно причитала: «Господи, смилуйся над ним, возьми быстрее его душу грешную, чтобы он так не страдал…»

К отцовскому хрипу привыкнуть было нельзя. Особенно тяжко было слушать его ночью. Все засыпали мгновенно, едва только Савва Федорович терял сознание, и просыпались с первым его хрипом. Поэтому никто, даже мать, не почувствовали, когда он умер. Ближе к утру хрип прекратился, и все заснули. Проснувшись, Мария Яковлевна, спавшая на стуле у стола, издали увидела, что отец мертв.

— Вставайте, дети, — почти спокойно сказала она, — отец отмучился.

Сестра Зина с матерью поехали в контору Ечкина, который бежал за границу во время октябрьского восстания. Многое здесь изменилось. Но старые ямщики, хорошо знавшие отца, дружно откликнулись помочь похоронить бывшего управляющего конным двором.

* * *

Исподволь, понемногу, ненастойчиво Женя начал уговаривать мать отпустить его в Красную Армию.

— И не думай, мал еще, хватит большевикам и одного Васи, — как бы оправдывала Мария Яковлевна свое нежелание отпустить Женю. Старший сын уже служил в авиационных частях Красной Армии и слал письма теперь из-под Твери.

После того как отца не стало, казалось, отпало основное препятствие на пути осуществления давнишней Жениной мечты. Желание усиливалось каким-то недетским чувством ответственности перед революцией; каким-то осознанием вины из-за того, что в самые ответственные дни вооруженного

восстания он в отличие от Семки просидел дома у постели умирающего отца.

А сейчас разве мама поймет, что со всех сторон и афишных тумб прямо в сердце, как в десятку, нацелен вытянутый палец красноармейца с пробойным, как пулеметная очередь, вопросом: «Ты записался в Красную Армию?» Это воззвание звучит набатом, обвиняя в нерешительности. Нет, дальше так нельзя, надо что-то делать.

Вечером забежал Семка и рассказал, что его отец проводил запись добровольцев в Красную Армию на бывшем заводе Гантера, а теперь сам назначен комиссаром автоброневого отряда и отправляется на фронт под Псков.

Вся ночь прошла в раздумьях, как записаться в Красную Армию. Едва рассвело, Женя выбежал на улицу. Ему казалось, что эти проклятые трамваи еще никогда не тащились так медленно, как сегодня. Не доходя до проходной завода Гантера, Женя остановился и, воровато озираясь, стал подкладывать под пятки в старые отцовские сапоги большие комья ваты. Идти было неудобно, но зато теперь он был выше ростом. Потом достал из кармана сверток с промасленной ветошью, тщательно вымазал руки, почти с удовольствием протер лицо и вошел в помещение вслед за двумя рабочими.

В дальнем углу комнаты стоял длинный стол, за которым сидели двое мужчин: один с виду рабочий, другой, постарше, в полувоенной одежде. Справа от них, на куске фанеры, размашисто-крупно было написано: «Да здравствует рабочая и крестьянская Красная Армия!» Ниже, уже на куске серого картона, тем же шрифтом: «Запись в Красную Армию». Еще ниже были наклеены какие-то печатные и рукописные листки.

Оттого, что Женя грохал своими неудобными для ходьбы сапогами, оба мужчины разом подняли от бумаг головы, видимо предполагая, что в комнату въехал броневик. Женя почувствовал, как смелость вместе с сердцем покинула свое достойное место в груди и завязла где-то в пятках.

Не увидев ничего интересного, мужчина, стоявший первым в очереди, возобновил прерванный спор.

— …Ты, Минька, не дури и не корчи из себя начальника, а то враз дам по шее, как прежде. Я ведь тебя, сопляка, слесарить учил, а ты… Пиши в Красную Армию!

— Дядя Семен, я же тебе который раз объясняю, что по решению заводского комитета ты, как опытный мастер, остаешься на заводе.

Воспользовавшись накаляющейся обстановкой, Женя, подобно цапле, высоко поднимая ноги, дотопал до конца очереди.

Постепенно успокаивалось волнение.

— А тебе чего? — обратился к Жене еще не остывший Минька, оглядев очередь.

— Чего и всем, не за хлебом пришел, — старательно комкая ветошь, пытался скрыть дрожь в руках Женя.

— Ну ты посмотри, один старый хрен, другой — воробей еще без перьев, — прямо по сердцу резанул Минька. — Здесь в Красную Армию, а не к няньке записывают.

— Сам ты воробей, мне семнадцать, понял? Минька начал багроветь, назревал новый кризис.

Тут уже он мог дать по шее.

— Постой, Михаил, — вмешался в спор тот, что был постарше. — Остынь малость, а то всех разгонишь… Ты откуда, где работаешь, сколько лет? — обратился он к Жене.

— Меня рекомендует дядя Федя Камешков. — Это был последний козырь, которым Женя хотел отбиться от всех остальных вопросов.

— Рекомендация достойная! А сколько тебе лет по совести? — настаивал пожилой рабочий.

— Я сказал — семнадцать.

— Брешет он, — словно ужаленный выпалил Минька, — и вообще, вали отсюда.

— Цыц, ты! — прикрикнул на Миньку старший. — Вот что, как тебя…

— Птухин Евгений Саввич.

— Ты, Евгений Саввич, принеси-ка метрику о рождении, вот тогда и разберемся. Понял? Ну вот и хорошо… А записываться в Красную Армию нужно идти умывшись… Как в церковь.

Это был крах надежды. Медленно повернувшись и уже не обращая внимания на сваливающиеся грохочущие сапоги, Женя, еле сдерживая рыдания, вышел. Все сразу опостылело: и хмурое, еле просыпающееся утро, и мерзко чавкающий полурастаявший грязный январский снег, и лица идущих навстречу рабочих.

На набережной Москвы-реки он с остервенением вытряхнул из сапог ненужные комья ваты, швырнул паклю и, на ходу сгребая с парапета снег, чтобы вытереть лицо, побрел к центру. Но постепенно чувство безнадежности начало таять. В голове вызревал новый план: переправить справку о рождении. В Красную Армию он должен попасть. Ради такого святого дела согласен он пойти на самый тяжелый в семье Птухиных грех — ложь.

Дома, достав из-за иконы хранящиеся там документы, Женя нашел свою изрядно потрепанную, пахнущую лампадным маслом метрику. Осторожно расправив ее на столе, прочитал

ненавистное: «Год рождения 1902» — и стал соображать, как из последней цифры 2 сделать 0. Потом старательно оттер нижний кончик у рахитично головастой двойки, подровнял пером попорченную нижнюю часть цифры и отставил документ на расстояние вытянутой руки для обозрения. В общем-то неплохо. Если бы не подавать ее в руки глазастому Миньке!

Для большей скрытности подделки Женя сложил справку по линии, проходящей через удаленную часть двойки, потер немножко, развернул, с удовольствием прочитал: «Справка из метрической книги ялтинской православной церкви, подтверждающая, что 7 марта 1900 года у ялтинского мещанина Саввы Федоровича Птухина и его законной жены Марии Яковлевны родился сын, нареченный Евгением…»

«Ничего не заметно», — успокаивал себя «нареченный Евгением», подходя на следующий день к проходной завода Гантера.

Однако мелкая дрожь все же волнами проходила по всему телу. Женя толкнул дверь и — о счастье! — за столом не было этого въедливого, как ржавчина, Миньки. Завороженно глядя вперед, Женя машинально, вне очереди, подошел к столу и молча протянул сидящим справку.

— Ты чего? — удивленно спросил тот, что сидел на месте Миньки.

— А-а-а, вчерашний, — дружелюбно отозвался уже знакомый второй дядька. — Ну, покажь свой документ.

Он взял справку и, дальнозорко отставив ее, медленно стал читать, периодически поглядывая на парнишку. Женя побелел от напряжения, а тот, аккуратно, складывая справку, так же медленно произнес:

— Ну, стало быть, 1900 года рождения, — казалось, хитровато улыбнулся он. — И в таком разе можно записывать тебя молодым честным солдатом революции, то есть красноармейцем. Пойдешь на курсы пулеметного дела в Крутицкие казармы.

— Мне бы в авиацию, у меня брат…

— Ничего, сначала научись держать винтовку, подрастешь, а потом расправляй крылья. Все, иди.

Пулеметчик, ну и пусть! Все равно здорово, он принят в Красную Армию и скоро поедет на фронт. Сегодня 20 января 1918 года, и это число он запомнит на всю жизнь!

Дома ждала еще одна новость. Приехал брат Василий. Женя едва узнал в стоявшем напротив человеке брата. Худой, в полинялой суконной форме, издававшей резкий, как скипидар, характерный солдатский запах, он весьма отдаленно напоминал

Василия. Пожалуй, только глазами. Разглядывание длилось какую-то секунду, и братья бросились друг к другу.

«Вася меня поймет», — обрадованно подумал Женя, когда пришло время объявить о своем поступке.

Однако Вася не понял. В отличие от мамы, безмолвно всплеснувшей руками, он в упор спросил:

— Ты что, спятил?

На такой вопрос новобранец еще не готов был ответить. Оставалось молча слушать, как все бранили его за безрассудство.

Женя крепко спал, когда на кухне семейный совет обсуждал его судьбу. Было решено, что Василий попросит отпустить Женю с пулеметных курсов в распоряжение-его авиационной части.

Наутро Василий один сходил в фабзавком.

— Ну все. Пойдем собираться. Поедешь со мной в Тверь, будешь там служить, — возвратившись, с порога объявил Василий.

— Мама, я буду служить при аэропланах! — Женя бросился к Марии Яковлевне.

— Вась, а зря ты маме не разрешил проводить нас на вокзал, это же недалеко, — упрекнул Женя брата, когда они вышли из дому. Перед глазами все стояла картина, как мама, обхватив сыновей, повисла без сил, причитая: «Не покидайте меня, старую, дорогие соколики!»

— Да, ты думаешь, тебя там, на вокзале, ждет мягкий вагон? «Прощайтесь со своей матушкой, товарищ Женя, мы подождем, а потом тронемся». Черта с два! — почти со злобой шутил он. — Мы еще намотаемся по путям, пока найдем нужный эшелон, а потом зайцами, возможно, на крыше поедем. Так как ты думаешь, приятно будет маме видеть это?

Такая перспектива Женю не охладила. Он весь был в мечтах о предстоящей встрече с аэропланами.

Видимо, у Воробья наступила полоса везения, потому что уже на втором пути оказался эшелон, в котором две платформы отцеплялись в Твери. В темноте братья залезли под брезент и устроились на каких-то ящиках.

Воробей своего добился, он уезжал служить в авиацию!

Глава III
НА ДОЛЖНОСТИ «ТОЛКОВЫЙ ПАРЕНЬ»

— Вставай, авиатор, приехали, — растолкал Василий брата.

Ехали, должно быть, долго, потому что начавшийся в Москве редкий снег здесь, в Твери, лежал на земле толстым одеялом. Выбравшись из-под брезента, братья спрыгнули на землю и

уверенно двинулись к водокачке. Жене хотелось говорить о предстоящей встрече с аэропланами.

Совсем другие мысли заботили Птухина-старшего.

Там, дома, соглашаясь взять Женю, он и не думал, как объяснить появление брата в авиагруппе. Теперь, со всей конкретностью, в его воображении возник образ командира группы Комаровского, бывшего подполковника царской армии. Василий еще по старой привычке испытывал страх перед такими выхоленными, надменно холодными офицерами. А тут такое.

Комаровский после революции ни в чем не изменился, особенно если дело касалось дисциплины и внешнего вида. Нет, он не бьет по физиономии, да, вероятнее всего, не бил и при царе, но, прищурив немигающие глаза, сначала загипнотизирует, а потом процедит: «Сейчас же сделай…», и так произнесет фразу, как будто не договорил всего одно слово: «скотина». Нет, Василий к Кома-ровскому за помощью не обратится. Вот если бы командир второго отряда — выходец из рабочих, хотя и бывший поручик царской армии, Евгений Татарченко, вник в положение Василия, то можно было бы надеяться на благополучный исход. Это ведь Татарченко, довольный службой Василия, ходатайствовал о предоставлении красноармейцу аэродромной охраны Птухину краткосрочного отпуска домой.

В натуре командира второго отряда гармонично сочеталось четкое пролетарское мировоззрение с дисциплиной и исполнительностью, привитыми за годы учебы в офицерской школе. Простой в обращении со всеми, Татарченко нередко давал отпор сторонникам огульной критики военспецов, в то же время пресекал проявления кастовой спеси последних.

— Вась, — вывел брата из раздумий Женя, — скоро увидим аэропланы?

— Да.

— А как аэроплан поворачивается в полете?

— Ну и надоедливый же ты! Скоро сам все узи-дишь, — прекратил вопросы брат. Да и что он мог ответить, если сам об аэропланах знал не больше Жени. Только недавно начал к ним подходить близко. До этого, неся службу в охране аэродрома, видел их только издалека. А ведь до революции к ним, охранникам, даже мотористы относились свысока. Потому-то так и дорожил Василий вниманием к себе Татарченко,

Подошли к баракам, У одного из них трое красноармейцев в длинных шинелях с подоткнутыми под ремень полами расчищали снег широкими фанерными лопатами.

— Здорово, Птухин! — поднял голову один из них. — Как поживает Белокаменная?

— Здорово, братцы! Как везде — борется с трудностями… Подожди здесь, никуда не ходи, я сейчас, — обратился он к Жене.

— Постой, — схватил тот за рукав Василия, — а где аэропланы?

— О-о-о, — только-то простонал старший брат и, махнув рукой, быстро скрылся в бараке.

Когда Василий в сопровождении Татарченко показался на крыльце, Женя трудился вместе с красноармейцами далеко от барака.

— Женя, — крикнул брат, — подойди сюда! Подбегая к крыльцу, Женя на ходу радостно объявил:

— Теперь я знаю, почему поворачивается аэроплан. У него на хвосте и крыльях есть рули! Во!

— Ну нет, — обратился Татарченко к Василию, — за такого парнишку я согласен схлестнуться на виражах с Комаровским. Иди устраивай его пока у себя. Да объясни, пусть не показывается на глаза командиру группы.

Запрет не болтаться по городку, а тем более на аэродроме возле ангар-палаток, Женя вытерпел только сутки. Прошло три дня, а он уже стал признанным безотказным помощником всех мотористов. Даже Татарченко его уже видел в ангар-палатке и приветливо здоровался.

* * *

Женя старательно мыл в ведерке с керосином свечи мотора «рои», помогая своему новому другу мотористу Пете Пумпуру, когда возле него остановился высокий, затянутый в ремни военный с короткими аккуратными усиками. Обтерев тряпкой свечу, Женя сунул одну закоченевшую руку за пазуху, а вторую отогревал, часто выдыхая на нее воздух.

— Замерзли руки? — процедил военный, почти не разжимая губ.

— Ага. — Женя тряхнул головой, отчего оттопыренные отвороты шапки-ушанки одновременно качнулись, как уши у теленка.

— А кто же вы будете, позвольте узнать?

— Женя я, Птухин. Брат Васи, может, знаете?

Женя с готовностью, чистосердечно отвечал на все вопросы командира группы, и тот вскоре в общих чертах узнал бесхитростную его биографию. К ним подошел Татарченко, вызванный Пумпуром в предчувствии недоброго.

— У него есть куча сестер, могли бы и их приютить, если уж

вы решили из авиаотряда сделать цыганский табор. Извольте дать ответ, что это значит? — Вопрос был в духе Комаровского, что называется, под самое ребро.

— Парня не просто приютили, ему дали возможность заняться делом, о котором он мечтал. Это одно из преимуществ его жизни при новой власти.

— И какими штатами вы предусмотрели его пребывание здесь? — еле сдерживаясь, процедил Комаровский.

— Парень будет помощником моториста. Ему уже семнадцать лет, — поспешил заверить Татарченко.

— Глубоко ошибаетесь, ему пятнадцать, справку он подделал, так сказать, из патриотических чувств.

— Ради таких чувств можно простить ему этот грех… Но дальнейшие объяснения Комаровский уже не слушал.

Впервые присутствуя при таком разговоре, Женя ни жив ни мертв стоял с широко открытым от страха ртом.

— Уже можно закрыть, — Татарченко легонько приподнял ему нижнюю челюсть. — Ну вот, слышал, Комаровский сказал, что ты очень хороший парень и он с радостью берет тебя своим заместителем.

— Все, выгонит, — сокрушенно опустил голову Женя.

— Не выгонит, справку ты подделал здорово, я бы не догадался, не расскажи мне твой брат. А справка — это брат, единственный аргумент в нашу пользу.

Видно, сойдясь на среднем варианте: не выгнать, как требовал Комаровский, и не назначить помощником моториста, как предлагал Татарченко, Женю определили аэродромным красноармейцем.

— На померяй, где надо — ушьем, — подал Василий брату комплект зимнего, изрядно поношенного обмундирования. — И, главное, поставили тебя на довольствие, а то оба ходим ни сытые, ни голодные, так, как будто нанюхались вволю на кухне чечевичной каши.

— Нет, главное, что меня оставили. Как бы я жил без аэропланов? Это невозможно.

* * *

…Кто-то тихонько вытаскивал у него из рук винтовку. Он это почувствовал, еще не открывая глаз, и резко рванул ее к себе. Сон сдуло как ветром. Вскакивая, Женя ощутил, что ему еще и помогают, сильно поднимая за воротник шинели. Совсем близко, обдавая дыханием, было чье-то лицо. Только по приглушенному

шепоту Женя узнал брата.

— Сукин ты сын! — Женя почувствовал удар в ухо, смягченный застегнутой буденовкой. Голова дернулась в сторону. Теряя равновесие, он еще крепче уцепился за винтовку. Второй удар пришелся в левый глаз, Женя ясно увидел этим глазом, как среди ночи ярко вспыхнуло солнце и разлетелось на куски.

Нет, он не плакал, не сопротивлялся, он виноват, заслужил, и надо терпеть, потому что за сон на посту полагается трибунал. Это Жене объяснили, когда отправляли первый раз в караул. Какое счастье, что его застал брат! Пусть бьет, пусть, Женя и сам готов разбить себе голову. Это в самом деле преступление!

— Если ты еще раз заснешь, я сам, слышишь, сам доставлю тебя к Комаровскому, и тогда прощай аэродром.

Страшнее этой угрозы быть не могло.

— Вась, я, честное слово, первый раз… ну поверь… и никогда больше.

Но вскоре Женю по просьбе старшего механика второго отряда отставили от караула. Нужно было помочь отремонтировать чиненый-перечиненый мотор «сальмсон» с командирского «Ньюпора-17», а мотористов не хватало. Женя понимал, что такая работа — это экзамен на право быть при технике. И он успешно выдержал его, закрепив за собой пока что нештатную должность «толковый парень».

Пожалуй, из двух «Фарманов-30» и двух «Ньюпоров-17», имевшихся в авиагруппе, он за короткий срок успел поработать на всех: где приклеивая отставшую перкаль, где подтягивая расчалки. Приходилось и плотничать: клеить нервюры, выстругивать стрингеры, накладки для лонжеронов [Нервюры, расчалки, стрингеры, лонжероны — детали каркаса крыла].

Но больше всего Женя любил возиться с моторами. А когда постиг тайну регулировки зажигания, желаннее работы не стало. Он с удовольствием демонстрировал, как после его регулировки мотор, коптивший хуже паровоза и вздрагивающий при этом словно в приступе астматического кашля, постепенно начинал успокаиваться, переходя на ровный и чистый выхлоп. Теперь Птухина-младшего уже не зовут под хвост аэроплана, чтобы перетащить его с места на место. Правда, Женя без просьб сам бросится помочь, если свободен. За покладистый характер, отзывчивое на чужую нужду сердце и не любящие безделья руки в отряде Женю уважают. Большая дружба связывает его теперь не только с латышом Петей Пумпуром, но и мотористом украинцем Ваней Пидголой.

А вскоре перед строем отряда Татарченко объявил:

— Товарищи, вчера командиром и комиссаром группы

подписан приказ о зачислении Птухина Евгения Саввича на первую штатную авиационную должность моториста с провиантским, приварочным, чайным, табачным, мыльным и денежным довольствием. — Подождав, пока окончатся поздравления и похлопывания по плечу новоиспеченного моториста, Татарченко добавил, что Женя будет обслуживать его самолет.

— Знаешь, Петька, о чем я теперь буду мечтать? Чтобы пробиться в военлеты! — прошептал Пумпуру Женя.

И вот первая самостоятельная подготовка «ньюпора». Как волновался Женя, когда Татарченко сказал, что завтра с утра облетает самолет. До позднего вечера Женя провозился, в который раз проверяя всю нехитрую конструкцию планера и мотора. Очень ему хотелось, чтобы с первого толчка пропеллера вместе с командой «контакт» зарокотал его «Гном». Ведь все мотористы, одни участливо, другие с завистью, мол, выскочка, молокосос, будут наблюдать его первый запуск.

Жене показалось, что зимнее солнце примерзло верхним краем к горизонту, потому что он все бока отлежал, дожидаясь рассвета, чтобы отправиться к своему самолету. Тихо выбравшись из скрипучей, опостылевшей за бессонную ночь койки, он проворно оделся и, держа в руках валенки с теплыми шинельными портянками, словно привидение, выбрался в коридор. Высоко поднимая босые ноги с волочащимися подвязками серых застиранных кальсон, он, балансируя на скрипучих половицах, медленно приближался к обалдевшему дневальному.

— Ты что-о-о? — сдавленным голосом прошипел тот.

— Да, понимаешь, забыл одно дело сделать, — еще не придумав какое, объяснил Женя, — вот и собрался на стоянку.

— А-а-а, — успокоился красноармеец, — а я думал, ты того, спятил… Так тебя часовые не подпустят, смотри в окно, еще темень какая. Иди ложись, я разбужу с рассветом.

— Знаешь, лучше я посижу здесь, а как посветлеет — пойду.

Женя, облокотясь на стол, уставился на керосиновую лампу. Однако через какую-то минуту уснул крепким мальчишечьим сном. Дневальный только на миг прикрыл веки.

Проснулись они оба одновременно, когда за окном было уже светло.

— Эх ты, «разбужу с рассветом», — передразнил Птухин дневального. — Сонная тетеря.

Часа три спустя на стоянке появился Татарченко.

— Товарищ командир, ваш самолет готов, — возбужденно доложил Женя подошедшему Татарченко.

— Да, да, я знаю. Весь отряд говорит, что ты его готовил с ночи, — улыбаясь, он обнял Птухина за плечи.

«Вот баба-трепуха», — мысленно ругал Женя дневального, пока летчик садился в кабину. Настроение испортилось…

— К запуску! — скомандовал из кабины Татарченко. — Есть к запуску! — Женя провернул несколько раз пропеллер, поставив его на компрессию.

— Контакт! — громко крикнул Женя и рванул со всей силой за нижнюю лопасть пропеллера.

Ему показалось, что Татарченко не ответил: «Есть контакт!» — и, замешкавшись, Женя не отскочил в сторону, как полагалось. Однако мотор чихнул, мелькнули лопасти, Женя почувствовал удар по плечу… упал.

Проворно вскочив на ноги, не обращая внимания на боль, Женя побежал держать стабилизатор, чтобы самолет не стал на нос, когда Татарченко увеличит обороты.

Мотор запустился с первого раза!

К вечеру плечо заныло, поднялась температура. Раздеваясь спать, Женя обнаружил, что оно здорово распухло. Стыдно было говорить об этом даже Пете. Пальцы двигались, рука с трудом, но поднималась, поэтому Женя решил, что обойдется.

Утром Татарченко привел всех военлетов на стоянку самолетов изучать технику. Женя возился с мотором.

— Зачем это мне надо изучать матчасть, — говорил, загораживаясь воротником от ветра, военлет Кравин. —

Пусть каждый изучает то, что ему полагается. Я ведь не говорю: «Изучай, Птухин, управление самолетом». Оно ему не нужно. Зато пусть Птухин знает мотор и прочие там технические тонкости. Правильно я говорю? — обратился он к стоящим мотористам и военлетам. Наступила тишина.

— А ты как думаешь, Птухин? — спросил Татарченко.

— Я хочу научиться управлять самолетом и стать военлетом. — Впервые Евгений при всех сказал о своих планах.

— Ну а потом, когда станешь военлетом, тоже будешь в железках копаться? — напирал Кравин.

— Конечно, буду! Что здесь плохого, если военлет знает, почему так, и не иначе работает его мотор.

— Постой, Женя! — вмешался Татарченко. — Ты что же, Кравин, потолкался в Каче [Город Кача, где находилась одна из летных школ России] возле офицерства и сам стал бароном. Белые ручки! Это ведь они так делили на белую кость — военлеты и летнабы [Летнаб — сокращенное «летчик-наблюдатель»] и черную кость — мотористы и все прочие. Ты сам-то, помнится мне, не из дворян, а спеси нахватался, как

собака блох. А если сядешь там, где нет моториста, так и будешь ждать, когда тебе его привезут, чтобы запустил мотор вашему благородию. Да кому ты нужен такой, если не отличаешь карбюратор от помойного ведра. Лучше тогда вот их научить летать, — показал он на притихших мотористов, — так они и в тылу врага починят севший на вынужденную самолет и улетят. А ты не найдешь, да и не будешь искать отсоединившуюся тягу сектора газа. В лучшем случае сожжешь самолет и уйдешь, а может… Словом, иди с глаз моих, ваше благородие! Может, еще есть летающие князья, графы, архиепископы?

Вечером, как обычно, сидя на завалинке и выкуривая самокрутку, Пумпур спросил Женю, как он смотрит на вступление в РКП (б).

— Я бы с радостью, только вот по политике я не подготовлен…

— А комиссар Аниховский сказал, что ты и есть тот самый актив отряда, который достоин быть в партии.

Поздним мартовским вечером, после работы, в красном уголке избы-читальни собралась горстка коммунистов отрядной партячейки и тот актив, о котором вчера говорил Пумпур. В его числе были Женя Птухин, Петр Пумпур, Иван Пидгола, Василий Птухин.

Аниховский обстоятельно рассказал об обстановке в стране, активизации контрреволюции, о задачах коммунистов, после чего раздал анкеты. Ребята начали их заполнять.

Настроение у всех было приподнятое, каждый шутил в меру способностей, и, конечно, козлом отпущения был самый молодой из присутствующих — Женя.

— Имя, отчество, фамилия, год рождения, — начал Аниховский, — это ясно. Пишите четко, разборчиво… Какую партийно-политическую работу вы проводили в период с Февральской по Октябрьскую революцию.

— А подпольную кличку надо писать? — почти серьезно спросил Василий.

— Ну, если была, то, конечно, укажите.

— Все было. Пиши, Женька: Евгений Саввич Птухин по кличке Воробей, с октября по январь рвался в Красную Армию, для чего занялся подделкой собственных документов.

Женя не обижался. Он смеялся вместе со всеми. В шестнадцать лет его принимали в партию!

Сразу же после заседания партячейки Женя сел писать письмо Марии Яковлевне. Ему так хотелось, чтобы лицо мамы, узнавшей о его успехах, засветилось радостью. И еще потому, что молодой коммунист Евгений Птухин все-таки очень скучал по

маме, о чем не решался признаться даже задушевному другу Пете Пумпуру.

Глава IV
ЗАПАХ ПОРОХА

Да, обстановка в стране, которую охарактеризовал комиссар Григорий Аниховский при приеме в партию братьев Птухиных, была действительно сложной.

Попирая всякие традиции дипломатической этики, австро-германская военная делегация третий месяц торговалась на переговорах в Брест-Литовске, периодически прерывая их, давая время немецким войскам для очередных захватов новых территорий Советской России. Словно ржавчина разъедали страну спекуляция, бродяжничество, мародерство, бандитизм. Душил за горло затянувшийся голод. В зависимости от успехов интервенции периодически активизировалась контрреволюция.

Диверсии не миновали и тверскую авиагруппу.

Ранним мартовским утром городок был разбужен ружейной стрельбой и набатом пожарного колокола. На аэродроме горела ангар-палатка. К счастью, самолетов в ней не было. Словно театральная декорация, она вся занялась огнем, высоко взметнулись горящие клочья брезента. Еще десять минут, и тонкие жерди, как бы разом подрубленные, рухнули, взметнув яркий сноп искр.

Пожар потушили. Вспомнили о часовом, охранявшем ангар-палатку. В следах на снегу трудно было разобраться. Поиски привели к дощатому складу на краю аэродрома, где хранилось техническое имущество.

— Всем стоять на месте! — скомандовал Аниховский, когда увидел у стены, прямо под куском висящего рельса, предназначенного для подачи сигналов тревоги, лежащего лицом в снег красноармейца.

Осторожно обходя две пары следов на снегу, Аниховский, Татарченко, Комаровский и фельдшер приблизились к часовому. Повернули его на спину. Лоб и закрытые глаза были залиты загустевшей на холоде кровью. Картина жуткая.

— Насмерть, — едва слышно прошептал Татарченко. Фельдшер же приложил ухо к груди часового. Поднял руку, призывая людей не скрипеть снегом. — Жив! — не веря себе, воскликнул он. Осторожно сдвинув раненому шапку в поисках раны, фельдшер воскликнул: — Уши-то розовые! Шея белая, а уши розовые — значит, жив… Давайте быстрее носилки.

— Что скажете, комиссар? — обратился молчавший до сих

пор Комаровский, когда они остались втроем.

— Дело ясное, вредительство!

— Нет, здесь сложнее. Смотрите на следы. Шаги часового большие, видимо, бежал. А тот, кто его ударил по голове, делал прыжки еще больше. Нет винтовки, она была в левой руке. Правой он, очевидно, бил в рельс, оповещая о пожаре. Видите, с левой стороны натоптано, видно, бандит освобождал винтовку из рук сбитого часового…

— Но палатка-то сгорела пустая? Значит, поджигал ее человек, не знавший, что самолетов там нет, — возразил Татарченко.

Они пошли по следу, оставленному бандитом, который вскоре, за сараем, по кратчайшему пути выходил на дорогу и там терялся.

К полудню выяснилось, что отсутствует военлет, бывший поручик Смидович. Вечером стало ясно, что он сбежал. Однако трудно было поверить, что этот тощий, постоянно тоскующий по отмененным офицерским привилегиям птенец последнего царского выпуска Гатчинской летной школы мог стать убийцей.

Каждый, кто узнавал эту новость, начинал с возражения: «Ну нет, этот опустившийся, невесть как попавший в авиацию хлюпик не мог напасть на человека».

Только работник ЧК, выслушавший многих, задумчиво возразил: «Почему не мог, мог, все зависело от того, кто, как и в какие условия его поставил».

Было принято решение усилить ночные караулы.

В первую же ночь добровольно вызвались нести пост Птухин и Пумпур. Жуткая утренняя картина постоянно возникала в сознании ребят, заставляла до предела напрягаться при каждом постороннем звуке. Не признаваясь друг другу, парни молча ходили рядом, до боли сжимая тяжеленные винтовки. Везде чудились посторонние звуки.

Жене было страшно и одновременно стыдно перед Петром за этот свой страх. Вдруг Пумпур остановился:

— Ты так сопишь, Женька, что могут мотор запустить и мы не услышим.

«Значит, Петьке тоже страшно!» — обрадовался Птухин.

Часа через два стало проходить напряжение, появилась усталость.

— Давай так: два круга ты носишь винтовку наперевес, а я на ремне, два круга наоборот.

Петя согласился. Стало легче, потянуло на разговор.

— Ты объясни мне, Петя, чего ждет мировой пролетариат? Почему затягивается мировая революция? Может, не верят в нашу

победу? Может быть, нам надо к ним послать своих представителей партии, чтобы помочь организовать революцию?

— А меня, Женя, мучают другие вопросы, поближе. Надолго ли мир с немцами? Да им и верить-то нельзя. Сегодня читал? В Мурманске высадились англичане и французы. А контра, видишь, как она подло действует. Попробуй уничтожь ее. Намотаешься как собака, пока хоть одного выследишь… Эх, Женька, пока хорошая жизнь наступит, наесться бы хоть раз досыта варитезирлише.

— Чего, чего? Такое в обед начнешь произносить, к ужину закончишь, так и не поешь.

— Ну, вареный горох с салом и сметаной. Как сейчас вижу большой глиняный горшок, мама достает его из печки, открывает крышку, по дому разносится такой аромат, что голова кружится, а сверху корочка румяно-желтая, трогать жалко. Или хоть скабпутра…

— Хватит, Петя, а то в желудке нехорошо начинает сосать. Почему мы сидим здесь? Так ведь кончится война, а мы все будем готовиться и пороха не понюхаем.

— А ты не печалься, понюхаем. На наши носы еще хватит этого запаха. Бери-ка ружьишко на руку, а я отдохну…

* * *

Решением Окружной коллегии по управлению воздушным флотом тверская авиационная группа должна быть отправлена на Южный фронт. Для укомплектования отряда прислали самолет «сопвич», два мотора и трех военлетов. В недельный срок необходимо было закончить ремонт всех самолетов и моторов и подготовиться к переезду.

В ночь прибытия вагонов с грузами на станции Тверь произошел сильный взрыв. А утром стало известно, что в момент отцепки платформы с самолетом, бочками бензина и товарного вагона, в котором ехали летчики, под платформой начался пожар.

Когда люди стали подбегать к пожару, раздался страшный взрыв. Огненными бомбами взвились в воздух бочки, со свистом летели детали моторов и куски платформы. Взрывной волной оторвало вагон с людьми, и он, объятый пламенем, медленно откатывался назад, а из него раздавались жуткие крики летчиков о помощи. Как выяснилось потом, вагон был закрыт поджигателями на засов снаружи.

— Вот вам и задачка с пятью неизвестными, — анализировал случившееся на станции начальник городского отделения ЧК. —

Похоже, что с отправкой поезда сюда была направлена «молния»: мол, встречайте ЗПТ действуйте ЗПТ «контра» ТЧК. А где он, этот отправитель: в Москве на Товарной, в ВРК или еще где? А где он, этот адресат-исполнитель: у вас в группе, в городе или на станции?

Перебазирование отряда откладывалось. Трудно сказать, чем это было вызвано: то ли по просьбе ЧК, усиленно проводившей расследование, то ли неукомплектованностью группы техникой и людьми. Были, видимо, причины, потому что просто забыть о группе не могли — обстановка в стране не позволяла.

Пользуясь продажностью Центральной Рады, трехсоттысячная австро-германская армия двигалась по Украине. Все сильнее определялись планы оккупантов ударить с юга на Москву. К маю враг подошел к границам Орловской, Курской, Воронежской областей.

Партия крепила Красную Армию. Была отменена выборность командиров, введены единые штаты и организация частей, обязательный набор трудящихся в Красную Армию, созданы политотделы.

Первого мая перед самолетами на красной линейке выстроился весь личный состав авиагруппы для принятия торжественного обещания.

— Я… — начал читать Аниховский, стоя рядом с командиром.

— Я… — нестройно повторили люди.

— …сын трудового народа… — продолжал комиссар. — Если по злому умыслу отступлю от этого своего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона…

— Э, братцы, а как же Комаровский? Я видел, как он повторял: «Я сын трудового народа». — Иван Пидгола постарался скопировать голос командира. — Какой же он сын трудового народа, если же из буржуев? — ехидно улыбаясь, спросил он у Жени и Петра, когда друзья направлялись на праздничный обед после подписания торжественного обещания.

Женя задумался: «Если служит народу, то, значит, не просто гражданин, а сын трудового народа».

— Ты знаешь, Иван, из какой семьи Ленин?

— Так то ж Ленин!

— Так и Комаровский не Пидгола, — хлопнул его по плечу Птухин.

В группе все жили «эшелонным настроением». Неоднократно на собраниях партячейки вспыхивали возбужденные требования об отправке на фронт. Аниховскому каждый раз стоило больших

усилий утихомирить коммунистов. В последний раз это произошло 30 августа после митинга по поводу покушения на вождя мирового пролетариата. К столу подошли три друга: Птухин, Пумпур, Пидгола — и положили перед комиссаром коллективное заявление с требованием немедленно отправить их на фронт, которое заканчивалось такими словами: «…так как мы считаем своим большевистским долгом отомстить за покушение на тов. Ленина».

— Так, — протянул Аниховский, сам еще находясь под впечатлением от только что прочитанного воззвания ВЦИК, — значит, вы считаете своим долгом, а я не считаю… И они не считают, — жестом показал он на окружающих. — Значит, по-вашему, мы здесь как бы сочувствуем правым эсерам? — еще громче задал он вопрос. — Да откуда вы знаете, как партии лучше распорядиться нами. Ну откуда, я вас спрашиваю? Вот ты! Отвечай! — уставился он на онемевшего Птухина, который никогда таким комиссара не видел. — А вот это вы слышали… я сейчас читал… Вот это. — Он поочередно поднес к лицу каждому воззвание, где крупным шрифтом было отпечатано: «Спокойствие и организация! Все должны стойко оставаться на своих постах! Теснее ряды!» — Это приказ партии! Понятно? «На своих постах!»

* * *

В начале ноября группа начала перебазирование к фронту. В Москву на Николаевскую-Товарную станцию состав прибыл ночью. Люди, назначенные еще в Твери, охраняли платформы, остальные в полудреме коротали остаток ночи.

Татарченко разыскал Птухина-младшего:

— Пойдем, Женя, ты Москву хорошо знаешь. Нужно по наряду получить запасные части для самолетов и моторов.

Двор Центрального парк-склада на Ходынке насколько хватило взгляда был завален в страшном беспорядке деталями авиационной техники. Среди новых моторов всех марок в ящиках и без них, словно слоны, возвышались фюзеляжи самолетов, с уже кое-где порванной обшивкой на центроплане и бортах.

— Ты посмотри, Птухин, что делается! Ногой ступить негде, все ржавеет и гниет под открытым небом, а мы чуть ли не из консервных банок картеры делаем… Ну, мы здесь запасемся запчастями на всю войну с мировым империализмом, — обрадовался Татарченко.

— Не очень-то расходись. Что в записке сказано, то и получишь, — с сильным окающим акцентом осадил

Татарченко совершенно рыжий, в длинной старой шинели солдат, охранявший парк-склад.

— Как это ты не дашь!.. — От гнева и волнения Татарченко лишился слов.

Дело принимало серьезный оборот. Первым в наступившем молчании опомнился шофер. Подошел к рыжему охраннику, хлопнул его по плечу.

— Правду говоришь, браток, добро народное, нечего растаскивать. Да я и не повезу, не ишак. Пусть выбирают что в записке, и долой со двора… Пойдем вдарим пока по чаю. — Он вытащил из кармана узелок и перед самым носом солдата развернул куски колотого сахара.

— Ну да, мы по чаю, а они скрадут чё лишнего. — Взгляд промерзшего охранника заметался между сахаром и Татарченко.

— Скрадут, известное дело, — как мог подстраивался шофер, — да я-то не повезу. Я, как и ты, за народное добро. Пойдем, а то шибко холодно, ты ведь вятский. — Почти силой повернул он солдата и потащил к самолетному ящику, служившему сторожкой на въезде в склад. При этом он красноречиво показал рукой у себя за спиной Татарченко и его команде, чтобы грузили машину.

— Не, я с-под Глазова.

— Так это два лаптя от Вятки. А я с Вятки. Только давно уехал оттудова, а как услышал своих, прямо на душе радостно… — заливал шофер, бывший московский извозчик.

* * *

— Ой, господи, Женя, сынок! — кинулась на шею Мария Яковлевна, когда на настойчивые сыновние звонки открыла входную дверь. — Какой же ты стал взрослый, я тебя ведь не таким представляла. Думала, ты как был Воробышек, так и остался.

Еле справляясь от волнения с грубыми крючками его солдатской шинели, она засыпала сына вопросами, не дослушивая до конца ни одного ответа. Пока Женя мылся, мама все время говорила, бегая от умывальника в комнату, из комнаты в кухню, из-за чего Женя так и не понял, где сестры, как их житье-бытье, как мамино здоровье.

— Да что это я, — спохватилась Мария Яковлевна, когда они сели за стол друг против друга, — все говорю и говорю, расскажи теперь о себе.

Женя рассказал, что в Москве проездом, сегодня же уезжает,

ее проведать отпустил его командир после отоваривания на складе. Мария Яковлевна всплакнула, когда узнала, что Васю не отпустили домой. Женя сказал ей, что стоянка краткосрочная и был приказ никому, даже москвичам, от эшелона не отходить.

Смешная мама, сокрушается, упрекает начальство: могли бы, мол, и Васю тоже взять на склад. Разве ей понять, что командиру Татарченко и Женя-то был не нужен, а просто по-человечески, учитывая его возраст, пошел командир на хитрость, взял в свое распоряжение паренька в город и отпустил повидать мать.

Так и не дождавшись, к своему и маминому огорчению, сестер, через час Женя собрался уходить.

— Одевайся, мама, проводи меня на Товарную станцию, может, удастся повидаться с Васей.

«Милые, дорогие сестрички, — начал писать Женя записку сестрам, пока мама одевалась, — я был дома, очень жаль, что не застал вас. Надо уходить. Мама все расскажет, Если сможете, то приходите на Николаевскую-Товарную по плану, который я здесь нарисовал. Крепко вас обнимаю, Женя».

Едва только вышли на улицу, Женя бережно взял мать под руку. «Господи, мой маленький Воробышек уже; взрослый мужчина».

— Вы едете на Восточный фронт? — спросила мама, когда они вышли на Краснопрудную.

— Нет, мы просто меняем аэродром, — мучительно искал сын в памяти город, который был бы одинаково далеко и от Западного и от Восточного фронтов, — будем где-то под… Ярославлем.

— Женя, ты никогда не врал, особенно мне, — покосилась мать на сына.

— А я и сейчас не вру, действительно не знаю, в какое мы место едем. Ты не волнуйся, как только мы прибудем, я немедленно тебе сообщу…

До вечера, когда было приказано отправить эшелон, Татарченко вместе с комиссаром успели поднять на ноги все тыловые инстанции вплоть до Всероссийского главного штаба и добились еще запасов горючего «на всю войну с мировым империализмом». Существенно потеснив людей, на платформе возвышался закутанный в брезент новый «Ньюпор-17», и по всему эшелону разместились восемнадцать бочек бензина и одна с касторовым маслом.

— Теперь у нас чистейший бензин, а не «смерть авиатору», — радовался Татарченко, подразумевая под этим спирт-сырец и «казанскую смесь», изобретенную из-за нефтяного голода старейшим летчиком Борисом Российским. От «казанской смеси»

у летчиков после полетов болела голова, пропадал аппетит, а иногда начиналась рвота.

Плотной стеной подступающие громады домов, в хмурой вечерней мгле кажущиеся еще мрачнее, стали постепенно сменяться маленькими, такими же непривлекательными деревянными хатками с черными, как будто пустыми глазницами окон. Унылая картина человеческого жилья вскоре сменилась не менее унылой картиной опустевших, убранных полей, прерываемых перелесками.

Ночью где-то в поле долго стояли, из вагона в вагон передали приказ командира приготовить оружие, усилить наблюдение, так как в округе поднялся кулацкий мятеж. Никто уже не спал, прильнув к окошечкам товарных вагонов.

— Знаешь, — тихо шепнул Петр Жене, — мне кажется, когда поезд стоит, то находиться в вагоне хуже, чем в поле. Чувствуешь себя как голый на бугорке, не знаешь, с какой стороны за тобой наблюдают.

Осторожно, часто останавливаясь, поезд с трудом дотащился до Тулы. На станции долго шел спор, выпускать поезд или нет. Наконец под прикрытием тульского отряда ЧК, сопровождавшего эшелон до Мценска, двинулись к фронту. На паровозе был установлен «максим» с расчетом чекистов, а на платформах, у самолетных пулеметов, дежурили военлеты и летнабы.

Поезд шел ходко, правда, на каждом повороте сбавляя скорость, пока не выходил на прямолинейный участок. Постепенно спадало напряжение. Об этом известил механик Ткачук, который вполне определенно изложил свой взгляд на ситуацию:

— Мы хоть и в обороне, а жрать все равно хочется.

— Как будто тебе в наступлении не захочется, — заметил кто-то.

— Не знаю, может, и не захочется, потому как в наступлении жевать мешает «ура».

На повороте линии между Лазаревом и Житовом, когда еще не было видно завала на путях, из еловых посадок в полосе отчуждения полоснула по поезду пулеметная очередь. Так уж было задумано бандитами, что пулемет, установленный на паровозе, оказался далеко впереди и не мог, пока его перетаскивали, ответить огнем. Машинист, увидавший впереди завал, начал сильно тормозить, почти начисто лишая красноармейцев возможности отстреливаться.

Эшелон оказался беззащитной мишенью. Люди, попадавшие во время торможения, стали хвататься за оружие, открывая неприцельную стрельбу по тому месту, откуда строчил пулемет.

Видно, операцией руководил опытный белогвардеец или свой, «доморощенный полководец», не лишенный сообразительности. Пока внимание красноармейцев было сосредоточено на пулемете, с другой стороны эшелона по кратчайшему расстоянию из редкого кустарника поднялась цепь бандитов.

Трудно предположить, чем бы закончился бой, возможно, и захватом эшелона, только случайность сорвала хитро задуманный план. То ли выдержка подвела слабонервного бандита, то ли он споткнулся и нажал курок, а возможно, «перебрал» пшеничного первача, продрогнув в засаде, только слишком рано грохнул одиночный выстрел. Этого оказалось достаточно. Сразу же по всей дуге эшелона стали включаться ружейные и пулеметные выстрелы по бегущему «кулацкому войску».

Вся цепь залегла. И сразу же из кустов раздался надрывный крик: «Сдавайтесь, большевистские собаки!» Кто-то из эшелона выстрелил в то место, откуда слышалась угроза.

— Что будем делать, комиссар? — спросил Кемеровский, просматривая в бинокль цепь бандитов. — Может, дать команду отходить задним ходом или подождать встречный поезд?

Словно предугадав ход его мыслей, позади эшелона, там, где по дуге закруглялось железнодорожное полотно, раздался приглушенный взрыв.

— Так. Ясно. Обложили нас, значит, кругом. Это уже мышеловка, — оценил обстановку Аниховский.

— Ждать нельзя. Передышка не в нашу пользу. Просто удивительно, как до сих пор бандиты не попали ни в одну бочку с бензином.

— Надо идти в атаку, — предложил командир отряда ЧК. — Правда, условия для нас невыгодные, но выхода нет. Пусть передадут в оба конца эшелона: по команде «ура» под прикрытием пулеметов всем выпрыгивать из вагонов.

От вагона к вагону пошла эстафетой команда.

— Пора, — сдернул предохранительное кольцо с гранаты командир отряда ЧК. Он первым выпрыгнул из вагона и с криком «ура» ринулся к кустам.

— Ура-а-а! — разнеслось вдоль эшелона. Женя вслед за красноармейцами кубарем скатился с насыпи.

В тот же миг из ближнего к платформе с новым самолетом куста швырнули гранату. В пылу атаки никто не обратил внимания на взрыв. Тем более что бандиты дрогнули: то здесь, то там стали появляться над кустами согнутые спины убегающих.

Граната разорвалась над бортом платформы в тот момент, когда Сережа Панин, тихий, застенчивый моторист, недавно

прибывший в группу, занес ногу, чтобы спрыгнуть на землю. Попавший в ногу осколок подкосил его. Превозмогая боль, моторист поднялся и увидел медленно растекающееся из пробитой бочки пятно горящего касторового масла. Это грозило катастрофой. Посреди платформы стоял «ньюпор», а за ним, среди ящиков, бочки с бензином. Подтянувшись на руках, Сережа доковылял до смертоносной бочки, с трудом повалил ее и стал толкать к разбитому борту. Еще усилие, и бочка ударилась о насыпь, рассыпая брызги горящего масла. Вслед за ней, не удержавшись на горящем скользком полу, свалился Сережа. Когда Женя подбежал к платформе, в луже горящего масла лежал уже обуглившийся, скрюченный Сергей Панин.

Освободив полотно, подобрав раненых и отдав последние почести погибшим, эшелон, набирая скорость, уходил от этого страшного, оставшегося навсегда в памяти Жени, как зарубка на дереве, места. Почти до самого Орла никто не проронил ни слова.

* * *

— Вот что, дорогие товарищи, самолет, как и телегу, не подмажешь — не поедешь. А без самолетов мы на фронте не нужны. Доходит? — начал издалека Аниховский, сидя на ступеньках стоящего в тупике вагона. — Времени у нас в обрез, а масла нет. Из Москвы второй раз не затребуешь! В общем, пойдете по городу, заходите в аптеки, просите касторового масла. Ясно?

— А как расплачиваться, аптеки-то частные? — уточнил Григорий Ткачук.

— Ха-ха-ха! — увлек всех своим смехом Аниховский. — Вот чудак! Конечно, деньгами. А если у тебя их много, то дай в долг Жене, Петру, другим.

Хохотали все, потому что у Григория, как и у всех, не было ни рубля.

— Ты попроси, да так, чтоб не отказали, — уже серьезно Аниховский напутствовал Григория.

Когда Женя с Петром к вечеру вернулись с бидоном масла, весь эшелон уже знал о приключении Ткачука. Сам он рассказал о нем несколько раз, когда привез на подводе трехведерную, отливающую изумрудом, запечатанную пробкой, в новенькой плетеной корзине, нарядную, как купчиха в престольный праздник, бутыль касторового масла.

…Сначала аптекарь отказывался выдать дефицитное слабительное, но потом, когда Ткачук обвинил его в классовой

несознательности, быстро согласился. При расставании он даже угостил Гришу стаканчиком спирта. Гриша на радостях не отказался. Потом с пожеланиями больших побед аптекарь помог погрузить бутыль на подводу, которая подвернулась Грише за углом, и долго махал рукой, стоя у ворот дома.

Выпитый без закуски спирт разморил счастливого экспроприатора, и, уже подъезжая к станции, он во всю глотку орал родные украинские песни. Хотелось скорее обрадовать товарищей, и потому Гриша направил лошадь кратчайшим путем прямо через рельсы. Хорошо, подоспели мотористы, а то удачливый добытчик и бутыль бы разбил, да и сам мог свалиться под колеса телеги.

Усомнившись в такой баснословной щедрости частника аптекаря, скептик Аниховский открыл бутыль, и в воздухе стал распространяться удушливый запах хлорки… Грянул хохот. Протрезвевший в мгновение Ткачук взревел:

— Отпустите меня, товарищ комиссар, в город, я того аптекаря смажу этой «касторкой», чтобы облез, как шелудивый пес…

Однако неприятности Гришины на этом не закончились. Следом приехал представитель ЧК и заявил, что на лошади, украденной у хозяина пекарни, видели красноармейца, ехавшего в сторону станции.

Видя, как переживает эту историю совершенно поникший Григорий, Женя с Петром стали давать отпор любителям поскалить зубы.

* * *

В Курске «солдатский» телеграф передал кучу новостей: что человек, севший в вагон вместе с Аниховским, — новый комиссар, что конечная станция затянувшегося путешествия — Обоянь и что… но Жене уже ничего больше слушать не хотелось. Как же так, почему новый комиссар? Лучше Аниховского комиссара нет, не может быть, да и не нужно.

Все смотрели настороженно на нового человека, по-хозяйски устраивающегося у «буржуйки». Почему-то Аниховский даже рад, приглашая всех подсаживаться на ящики возле печурки.

— Товарищи, это новый ваш комиссар Загулин.

— А как же вы? — Птухин сильно привязался к Аниховскому за этот непродолжительный промежуток времени.

— Не спеши, Женя, сейчас все узнаешь. Отблески пламени высвечивали волевой подбородок нового комиссара, сомкнутые

полные губы, прикрытые по-городскому подстриженными усами, большой с горбинкой нос, сильно развитые надбровные дуги, на которых густыми клоками лохматились темные брови. Все, казалось, выдавало в нем хмурую, неразговорчивую натуру.

О чем он думал? Может быть, о том, как трудно будет работать с этими не скрывающими симпатии к прежнему комиссару людьми, которые в силу мужского характера открыто выражают свою антипатию к нему? А может быть, он искал начало предстоящего важного разговора?

— Надо бы познакомиться, потому что, не зная прошлого человека, трудно с ним работать в будущем, — начал он тихим густым басом после слишком затянувшейся паузы. — Но это потом, сначала потолкуем о политической обстановке в стране. Что мы имеем, вступая во вторую годовщину власти Советов? Советское государство выстояло! Не удалось задушить его руками немцев и белочехов. Чем больше они соприкасались с Советами, тем сильнее получали заряд «советизации», а это все равно что подносить фитиль к пушке, наведенной на собственный дом.

Но поднимается новая волна интервенции. Недавно газета «Таймс» писала, что «Сибирь и Мурманский полуостров — неудобный черный ход, а вот Черное море — это открытая парадная дверь». И потому сэры и джентльмены не жалеют долларов на армию Краснова. Сейчас его армия имеет на вооружении более 70 самолетов, 80 орудий, 14 бронепоездов. Несколько военных училищ на Дону готовят офицерские кадры для пехоты, авиации, кавалерии. Малочисленные красноармейские части фронта еле удерживают напор белогвардейцев. Положение создается критическое. Партия считает, что в настоящее время руководство Южным фронтом стоит перед выбором: победа или смерть, — разъяснил Загулин ноябрьское письмо ЦК к членам партии.

Уже начало смеркаться, когда новый комиссар объявил, что решением Реввоенсовета республики авиагруппа реорганизуется в Первый авиационный артиллерийский отряд, которым будет командовать опытный летчик Жемчужинов, ожидающий прибытия отряда в Обояни.

— А Григорий Аниховский, мой старый друг, — впервые улыбнулся Загулин, — добился своего и едет учиться в авиашколу.

* * *

Уже много дней отряд совершает полеты по обеспечению наступления донецкой группы войск.

— Вы не учитываете душевную раздвоенность противника, — поучал Загулин, когда летчики отказывались вместо бомб брать пачки листовок. — Пусть меня кто-нибудь переубедит, что листовка меньше принесет пользы, чем бомба. Приходите вы в район бомбежки, бросаете бомбы, обстреливаете, а в конце задания рассеиваете над окопами листовки. Так, мол, и так, читайте, соображайте, как нужно поступить, чтобы избежать опостылевшей всем войны.

Военлеты отшучиваются. Когда бросаешь бомбу, тут как на ладони видно, что агитация доходит. А вот листовки? Может, читают, а может… еще куда?

Но жизнь вскоре доказала, что комиссар был прав.

…К вечеру стало здорово приморaживать, несмотря на то, что днем была дружная оттепель. Женя сердился на себя и на карбюратор, который никак не вставал на место. Холодный пронизывающий ветерок настойчиво пробирался со спины под куртку, когда надо было работать с поднятыми руками. Наворачивая последнюю контргайку, усталый Женя прикидывал, что еще осталось привязать крылья и хвост к штопорам, накрыть чехлом мотор, поставить горизонтально пропеллер [Горизонтальное положение пропеллера означало, что мотор не опробован, самолет к полету не готов], когда снизу подергали его за куртку.

Выбираясь из-под моторной рамы и глядя на ноги стоящего, Женя не мог припомнить, кто из отряда носит такую шинель и сапоги. Только выпрямившись, он увидел перед собой здоровеннго обросшего солдата с белогвардейской кокардой на папахе.

Минутное молчание, казавшееся вечностью, рождало один за другим планы. Аэродром захвачен? Нет, не было выстрелов… Его взяли как «языка»? Но почему у солдата винтовка за плечом? Надо дать подножку?.. Лучше боднуть головой в живот? Нет, такого ему не свалить…

— Слухай, хлопче, це твои литаки раскидають листивки? — Он достал из-за пазухи желтый помятый листок, в котором Женя узнал «комиссарскую бомбу».

Солдат не спеша разгладил на широченном рукаве листок и, тыча длинным, желтым от махорки пальцем, продолжал:

— Солдаты зацикавлени — все, шо тут написано, не брехня и бильшовики дезертирив не разстрелюють? — Он испытующе уставился на Птухина.

— Все правда, дед! — Как сильно захотелось сесть, унять дрожь в ногах.

— Який же я дид, мени сорок рокив, мени еще до дида дожити хочется, — осклабился он.

— Ну ладно, дед не дед, пойдем-ка к нашему комиссару, он тебе все толком растолкует.

При слове «комиссар» солдат вздрогнул и правой рукой схватился за винтовку.

— Э, ни, мене не обдуришь, враз хлопну, цуценя!

— Да ты что, сдурел? Кто же тебе лучше объяснит— я или он? Ну? Если хочешь знать, справедливее нашего комиссара в округе нет человека. Трус ты, а еще от народа посланный.

Уже у Загулина солдат рассказал, что многие хотели бы бросить служить в белогвардейской армии, да боятся мести большевиков, особенно комиссаров, что он первый высказал вслух сомнение, поэтому его и послали сюда, и что сегодня же он должен вернуться, иначе не поверят.

После долгой беседы с комиссаром Птухин проводил солдата до опушки леса на краю аэродрома.

…В ходе стремительного зимнего наступления по всему Южному фронту войска, громя Краснова, подошли к Северному Донцу. Рано начавшаяся оттепель теперь сковывала действия отряда. Только по утрам, осторожно обрубив ото льда лыжи, можно было вытащить самолет, оттереть образовавшуюся корку льда на фюзеляже и крыльях и сделать один-два вылета.

Женя знал, что сегодня его «ньюпор» никуда не полетит. Вчера во время посадки, попав в грязь, сломалась левая лыжа. Теперь его самолет стоял одной стороной на ящике вместо шасси, и накинутый чехол придавал ему сходство с бедствующим инвалидом русско-японской войны. Запасных лыж не было, ремонт предстоял большой. Женя обдумывал, как выйти из положения, когда услышал возглас: «Самолеты!»

С юга, четко подсвечиваемые солнцем, на малой высоте прямо на стоянку шли два самолета, в которых Женя без труда узнал «хевиленды», запомнившиеся ему по фотографиям английского трофейного журнала.

Инстинктивно Птухин бросился к самолету и прижался всем телом к фюзеляжу своего хромого «ньюпора». Взрыв, казалось, грохнул где-то у виска и настолько сильно, что Женя почувствовал, как медленно, но с силой его оторвали от самолета, повалили и покатили. Он попытался распластаться и

вжаться в землю, мысленно не веря, что вот так просто могут убить.

Оглушенный, он не сразу сообразил, что противник улетел и суета, возникшая вокруг, вызвана горящим самолетом военлета Шувалова. Ничего не слыша, но понимая, что нужно сейчас делать, начал помогать отталкивать горящий «ньюпор» подальше от остальных.

— Помнишь, Женька, ты сожалел, что не успеешь понюхать пороху, а сейчас от такой понюшки долго чихать надо, — пошутил Пумпур, когда спало напряжение от налета. Но, увидев безучастное, бледное лицо друга, догадался о контузии.

Только через три дня стали проходить головные боли и шум, мешавший слышать.

Глава V
ИМЕНЕМ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Бесславно для стран Антанты кончился 1918 год. Не оправдал надежды Краснов. Из семидесятитысячной армии едва осталось солдат, чтобы составить почетный эскорт навсегда уплывающему в Германию оскорбленному «полководцу». В начале марта 1919 года заседание генерального штаба союзных армий окончательно пришло к выводу, что «русский вопрос» в данной обстановке следует решать силами белогвардейцев под знаменами Колчака, Деникина и соседних «заинтересованных в возрождении России» государств.

В конце мая 1919 года почти вся Украина, Донбасс и Донецкая область были освобождены. Фронт, тонкой цепочкой окопов образованный четырьмя армиями в районе Таганрога, Новочеркасска, Ростова, был серьезной заботой молодого государства. Положение его ухудшалось с каждым днем. Армия Деникина перешла в наступление.

..Почти каждый день приходилось перебазировываться в глубь страны. Аэродром в Сватове. С тоской смотрел Женя на оборудованные мастерские, склады. Не верилось, что это тоже все надо бросить. Аэродром постоянно находился под угрозой нападения рейдирующей конницы противника. Трудно всем. Не выдерживают уже лошади. Просто удивительно, как все переносят люди. Отступающие давно приспособились двигаться только ночью: и безопаснее и легче после нестерпимой дневной духоты.

…Вечером, когда начали грузиться на подводы, стало: ясно, что старый запасной мотор, который Женя таскал до сих пор с собой в надежде отремонтировать при первой возможности, придется оставить. Да что мотор, командир приказал погрузить

на две оставшиеся подводы больного моториста, штабные документы и немного горюче-смазочного, а остальное сложить в кучу и сжечь. Сжечь оборудование?!.. Для Жени это было святотатством — от отца жила, в нем эта добрая хозяйственная жилка. Птухин сложил запасные части на подводу и направился к ближайшей хате.

— Есть кто здесь? — крикнул Женя, постучав в дверь хаты, стены которой, сделанные из ивовых прутьев, торчали обнаженными ребрами из-за обвалившейся обмазки. Натужно скрипя, открылась перекосившаяся дверь, явив свету божьему хозяина, не менее древнего, чем хата. Стоя почти рядом, дед неизвестно для чего приложил ладонь к глазам, словно силился увидеть Птухина за версту.

— Вот, дед, революция доверяет тебе хранение народного добра, — показал жестом на подводу Птухин.

— Дай бог здоровья революции. Сохраню, сохраню. А то ведь лошаденки-то у меня, почитай, лет пятнадцать уже нет. Все на себе, на корове да на бабе. А ить что на корове, что на бабе много не напашешь, — обрадовано затараторил дед.

— Да нет, дед, подводу я возьму, а вот эти детали аэропланов ты сохрани.

— Вали все тут, никто не возьмет. — Дед безучастно посмотрел на птухинское богатство.

Вдвоем они все уложили в дальнем углу сарая. Женя набросал сверху соломы и, чтобы как-то сгладить разочарование деда, дал ему пачку махорки, безответственно пообещав при этом лошадь, когда вернутся назад.

Попрощавшись, уже выезжая со двора, Женя обернулся:

— Смотри, дед, именем Советской Республики тебе доверено хранить авиационное имущество.

* * *

Улетели на боевое задание летчики с остатками бомб, которых даже не хватило на всех. Пидгола положил на колени своему летчику ящик со стрелами [Стрелы — заостренные металлические стержни, применяемые для поражения конницы], а Пумпур — такой же ящик с обычными гвоздями.

— Еще могу пожертвовать свои сапоги, — смеясь, добавил он, — если только точно попадешь Шкуро в голову.

Мотористы погрузили на две недавно приданные отряду машины нехитрый скарб слесарной и кузнечной мастерских.

На выезде с большака, где машины шли под кронами старых

развесистых тополей, образующих свод над дорогой, выскочил деникинский «спад», и, не успели люди спрыгнуть, как по дороге впереди, словно от крупных капель начинающегося дождя, стали подпрыгивать фонтанчики пыли, быстро приближаясь к грузовикам. Сваливаясь с еще не остановившейся машины, Женя услышал душераздирающий крик. Люди сломя голову бежали от дороги, на которой уже вспыхнула передняя машина.

Белогвардеец сделал разворот над дорогой и удовлетворенно покачав крыльями, свернул в сторону железной дороги на Сватово.

К горящей машине уже подходить было нельзя, а на второй… Привалившись к ящикам, в неудобной позе сидел отрядный кузнец Анисим, присланный недавно из пехоты. Он правой рукой прижал рану у левой ключицы, жадно и часто хватал открытым ртом воздух, а под пальцами в такт биению сердца расползалось кровавое пятно на гимнастерке.

— Братцы, ох братцы, — тихо шептал он, и крупные градинки слез сбегали по бледному лицу.

Никто не знал, что делать. Люди повисли на бортах, боясь приблизиться к Анисиму.

— Гони быстрее до ближайшего хутора, — скомандовал шофёру Пумпур.

— Куда гони? — показал тот на впереди стоящую объятую пламенем машину, перегородившую дорогу.

— Женя, смотри за ним. Давайте все за мной. — И Петр первым устремился к горящему грузовику.

Птухин с удовольствием прыгнул бы тоже, даже раньше других, только не оставаться наедине с умирающим человеком, муки которого физической болью отдавались в его душе. Он боялся смотреть ему в глаза, повторял как попугай одну и ту же фразу: «Потерпи, Анисим, скоро приедем». Он даже верил, что они уже едут, потому что ничего не видел, кроме кровавого пятна. Казалось, что оно пульсирует от тряски машины. Потом пятно перестало пульсировать, но Женя еще больше боялся взглянуть Анисиму в глаза.

— Ну как он? — спросил, подходя, Пумпур.

— Не знаю. — Птухин поспешно повернул к Пете растерянное лицо.

Мертвого кузнеца решили везти до аэродрома в Купянске, боясь задержаться на дороге.

* * *

Стремительное осеннее наступление Красной Армии требовало напряженных действий авиации. Однако сильные дожди превратили аэродромы в болота, и слабеньким моторчикам едва хватало мощности, чтобы вытащить самолет на более или менее сухое место. И если, вырвавшись из грязевого плена, летчик взлетал, то уж никто не удивлялся, как ему удавалось выполнить задание при сильном дожде, низкой облачности, плохой видимости. Каким-то шестым чувством он руководствовался, не теряя пространственного положения и не сваливаясь в штопор. От сильных дождей и ночных заморозков трескалась перкалевая обшивка, набухали деревянные лонжероны, делая каждый полет небезопасным.

В районе Понырей, выполняя полет на разведку, самолет Птухина вернулся на заходе солнца. Оттирая уже начавшую примерзать грязь с нижней поверхности крыла, Женя обнаружил большой оторванный лоскут обшивки вдоль фюзеляжа. Мороз крепчал, и намокший перкаль стал подобен оторванному куску железа на старой крыше.

«Когда же я буду его чинить?» — Женя усиленно стал соскребать комья грязи в надежде управиться до темноты. Пальцы, едва гнувшиеся от холода, теперь, словно в теплых рукавицах, обрели гибкость и послушность. «Быстрее, быстрее! — подгонял он себя, — только бы очистить грязь, потому что под ней, может быть, еще что-нибудь обнаружится».

Женя оттер грязь уже в темноте, поднялся, разогнул затекшую спину и минуту постоял в раздумье. Оторванный кусок обшивки бился на ветру. «Ну и пусть! Что я сделаю, — успокаивал он сам себя, — завтра с утра начну работать». Он уже на ощупь привязал самолет к торчащим из земли колышкам.

Войдя в хату, где уже все спали, Женя отыскал свое место на полу и, не раздеваясь, попытался заснуть. Однако перед глазами упорно маячил ненавистный кусок оторванной перкали, а в ушах слышался глуховатый спокойный голос комиссара о том, что сейчас как никогда важен каждый своевременный вылет оставшихся двух самолетов, чтобы не дать времени опомниться отступающим войскам белогвардейцев. «А может, попробовать прибить обшивку на ощупь, иначе ветер за ночь ее оторвет еще больше, да и края обтреплет…» И Женя осторожно стал пробираться к порогу. Прикрыв за собой дверь, он сразу почувствовал, как струйки дождя ледяной коркой ложатся на шинель.

— Ты случайно не к белым бежать собрался — чего тебе не спится? — Пумпур высунул голову в дверь.

— Я не успел дочинить свою развалину.

Женя с надеждой ждал, что Пумпур вернет его спать, убедит в невозможности работы ночью. Но Петр, не дослушав до конца, перебил:

— Подожди, сейчас оденусь и тебе посвечу. — Он юркнул в хату.

Ветер, налетая со всех сторон, пытался погасить бережно прикрываемую Пумпуром лампу, в то время как Женя, лежа под фюзеляжем на куске фанеры, осторожно прибивал мелкими гвоздиками оторванный лоскут. Руки не слушались, гвозди, точно смазанные клеем, не отлипали от пальцев, а молоток — Женя больше всего его сейчас ненавидел — бил то по пальцам, то мимо, то гнул с таким трудом подогнанный гвоздь.

— Вытащи меня, Петя, я сам что-то не могу, — попросил Птухин, прибив перкаль. Примерзшая фанера так и осталась на спине, когда Женя встал на ноги.

…Уже второй день отряд ведет боевые действия с давно знакомого аэродрома под Сватовом, и только сегодня, остановив свой взгляд на одинокой хате, почти утонувшей в обильно выпавшем снегу, Женя вспомнил о старике, которому четыре месяца назад именем Советской Республики доверил хранение авиационного имущества. Подойдя к тыну, Птухин увидел еле поднимающийся из трубы дымок.

«Значит, жив», — почему-то обрадовано подумал он и, отгребая сугроб снега, с трудом отворил дверь.

— Мир дому вашему! — громко поздоровался Птухин и прошел ближе к печке, около которой копошилась бабка. Она не спеша повернулась и, увидев военного, почти безучастно объявила:

— Ни, голубок, ничего нет, до тебя беляки всё как есть подчистую забрали.

— Нет, бабушка, мне ничего не надо, я деда пришел проведать, где он?

— Да вон он на печи отогревается, слезть не может.

Женя подошел, встал на лавку и заглянул под самый потолок. В нос ударил терпкий запах прокисшего человеческого пота. На боку, все в той же одежонке, лежал дед, не реагируя на появление постороннего человека.

— Здравствуй, дед, ты не узнал меня? — бойко обратился Женя.

— Ни, хлопчик…

— Да я же тебе осенью оставил на хранение авиационное добро.

— А-а, теперь узнал. Это из-за твоего добра я встать-то не могу. — И он медленно, часто замолкая, рассказал Жене всю

историю.

Белые прошли мимо хаты спокойно, к нему и не заглянули. Дед уже и забыл о том, что хранится у него в сарае. Только неделю назад, когда отступали, белоказаки ворвались в хату, требуя курей и еды. А откуда у него еда? Ругались, обшарили хату, кинулись в сарай, нашли железяки, и пошло.

— Ты что ж, большевицкий ублюдок, — кричал офицер, одетый в белую бекешу, — на старости переметнулся к красным, народную армию кормить не хочешь, а большевицким самолетам всякие детали бережешь до их прихода?

Дед стал оправдываться, дескать, перетащил к себе после ухода красных, может, в хозяйстве что и пригодится.

— Да ты, шелудивый кобель, один и с места не сдвинешь того, что тут упрятано. А ну, скиньте с него портки, я его отучу врать, христопродавца!

Портки не сняли, сдернули кожушок и так разделали спину, что рубаху тронуть больно.

— Вот так-то, сынок.

— Знаешь, дед, я сейчас что-нибудь тебе добуду, поросенка, кур, может, даже лошадь. Слово коммуниста. Я вернусь, — И, не прощаясь, он опрометью кинулся из хаты.

Загулин, которому Женя все рассказал, распорядился выделить деду одну из оставшихся лошадей.

* * *

В конце мая 1920 года к моменту перехода в контрнаступление войск Юго-Западного фронта, Первый авиационный артиллерийский отряд перебазировался в распоряжение 12-й армии.

Запоздалая весна набирала темпы. В пышном убранстве проплывали мимо платформы украинские сады. Глядя на них, не верилось, что кругом война и разрушения.

На станции Нежин отряду подцепили платформу с новеньким «фарманом». Вместе с самолетом подсел новый военлет, с виду похожий на забитого батрака.

— Вот знакомься, Женя, — сказал комиссар, — тебе новый военлет со своим самолетом. Обстрелянный, воевал на Восточном фронте.

Женя с недоверием посмотрел на белесого парня в синей косоворотке, черных в тонкую белую полосочку грубошерстных штанах, заправленных в солдатские сапоги. Жиденькие светлые волосы, словно только что намоченные, послушно лежали на

вытянутом назад черепе.

— Фролов Степан, — произнес новый летчик, и Женя заметил, что на слогах, содержащих «о», у него смешно шевелится кончик длинного носа. Полдороги до станции назначения Женя вытягивал слова из Фролова, пока тот не разговорился по-настоящему.

Степан на Восточном фронте летал много и смело. Но три месяца назад его сбили.

— …Полежал в госпитале, с тех пор как что-то надломилось внутри, стало страшно летать. И сразу же все пошло наперекосяк: все оборачивается так, чтобы я убился…

— Ну ты это брось, — запротестовал Женя, — внушаешь себе всякую чепуху.

— Внушаешь? А знаешь, что с тех пор у меня не было полета, чтобы что-нибудь да не случилось. В первом же полете после госпиталя два самолета взлетают — все нормально. А я начал разбег, так проклятый бык, который пасся на аэродроме, срывается с места и наперерез моему самолету… Быку ничего, а у меня отлетела плоскость, и… полный капот [Капот — авиационный термин, означающий переворот самолета через нос]. Пока я выбирался из-под фюзеляжа, бык решил, что еще не все сделал. Пригнув башку к земле, он, словно английский танк, ринулся в атаку не то на меня, не то на остатки самолета. Я еле уполз от него на четвереньках. Только об этом ты не болтай… Меня в отряде после так и называли Степа-неудачник.

— Так это было на Восточном, а здесь Юго-Западный. Все пойдет по-новому.

— Очень бы хотелось, вот я… — Степан рукой обозначил на груди какой-то предмет, — ладанка, мать надела, когда заезжал по пути к вам.

Женя и раньше видел талисманы у некоторых летчиков, но не знал еще такой панической веры в них. Да, Степану либо надо было бросать летать, либо, что лучше, нужно было, чтобы ему просто здесь повезло, тогда все само пройдет.

Однако Степан действительно был из неудачников.

Уже второй вылет делал Степан Фролов, за жизнь которого Женя опасался, наверное, как родная мать.

Птухин ожидал прилета Степана в курилке, расположенной в тени фруктовых деревьев. Сад казался райским уголком.

Оставалось каких-то пять-десять минут до того, как вдали, над летным полем, должен показаться фроловский самолет. Несмотря на свой страх, Степан, как заметил Женя, сажал машину хорошо, мягко, наверное, внутренне напрягаясь на этом последнем этапе ненавистного полета.

Вдруг все услышали где-то сзади треск ломающихся деревьев и врассыпную кинулись от курилки.

В ста метрах, плотно зацепившись за деревья, сидел, словно подраненный коршун с распростертыми крыльями, новенький «фарман».

Смешно и нелепо выглядело это огромное сооружение, так удобно обосновавшееся на ветках. Женя первым ринулся к самолету, из которого, дрожа отвисшей нижней челюстью, выглядывал бледный Фролов.

«Трус подлый, хорек вонючий, — мысленно начал ругаться Птухин, увидев, что с летчиком ничего не случилось, — загубил самую лучшую машину».

— Ты что, ладанку свою проглотил или забыл ее на земле вместе с мозгами? — со злостью зашипел он на Степана.

— Чего ты взбесился, я давно планирую с отказавшим мотором, высоты не хватило… что-то с самолетом случилось.

Только сейчас Женя обратил внимание, что на том месте, где находится нижний цилиндр мотора, зияла в капоте большая рваная дыра.

* * *

Уже в Ровно, когда единственный оставшийся в отряде самолет, так и не преодолев при взлете земное притяжение, подпрыгивая на кочках, остановился с отказавшим мотором, было принято решение вывести отряд на пополнение в тыл. Отдых длился недолго. На крымском направлении Юго-Западного фронта началось наступление Врангеля, и авиаотряд отправили в распоряжение 13-й армии.

С момента прибытия в Александрова отряд влился в центральную авиагруппу Ивана Ульяновича Павлова. С какой радостью встретились летчики 13-го Казанского, 3-го истребительного, 1-го артиллерийского и других отрядов! Словно близкие люди после долгой разлуки, обнимались неизвестно когда и на каких дорогах познакомившиеся, но породнившиеся в небе военлеты Воедило, Жемчужинов, Межераун, Петренко. Только мотористы — земные труженики стояли молча, глядя на это радостное проявление воздушного братства.

«Неужели и я когда-нибудь вот так же буду радоваться встречам с летчиками, садившимися со мной на одном аэродроме?» — думал Женя, с завистью глядя на шумную группу людей в летных шлемах.

«Буду, обязательно буду!»

Глава VI
ЕГОРЬЕВСКАЯ «ТЕРКА»

С первых дней пребывания в отряде Женя пытливо расспрашивал летчиков о том, как выполнять взлет, какие движения рулями нужно делать на разворотах, куда смотреть и что делать на посадке. Длинными караульными ночами, чтобы не заснуть, он приспособился будоражить свое воображение тем, что, мысленно выполняя полет, одновременно играл роль ученика и инструктора.

И вот теперь сначала робко, потом все настойчивее Женя начал просить командира и комиссара научить его летать или отпустить в школу летчиков.

— Что ты, Птухин, у нас таких первоклассных мотористов раз, два и обчелся. Подожди, победим всю нечисть, тогда и решим, — пообещал однажды комиссар.

И Женя на время замолчал, понимая, что теперь уже ждать осталось немного.

Наступил день, когда короткой фразой «На фронте все спокойно» газета «Правда» закончила военные сообщения уходящего 1920 года. И моторист Птухин сел за очередной рапорт командованию.

«Ввиду того, что внутренняя контрреволюция разбита окончательно и бесповоротно, а для предстоящих битв с мировым империализмом стране нужен крепкий Воздушный флот, прошу отправить меня учиться на военлета, так как я мечтал об этом всю жизнь…»

Женя почти две страницы написал, как ему казалось, важных и необходимых фраз. Резолюция Жемчужинова была короткой: *«Согласен».*

— Ты, Женя, вдарь-ка по грамматике, когда будешь одолевать летную науку, а то мировой империализм откажется читать твои ультиматумы.

Птухина направляли в Егорьевскую теоретическую школу.

Каждый раз, как только состав останавливался, Женя просыпался. Воспоминания настойчиво владели мыслями. Расставание со своими ставшими за время войны родными бойцами отряда было почти мучительным, а думы о будущем наполняли душу сладостью сбывающейся мечты.

Чем ближе к Москве, тем настойчивее было желание заскочить домой хоть на часок. Стоило только закрыть глаза, как

возникала мама, какой он ее видел последний раз. Одиноко стоящая среди переплетения рельсов товарной станции Николаевской дороги, она слегка покачивает ладонью своим мальчикам, высунувшимся из вагона медленно уходящего поезда.

А как хочется побывать в старом своем доме на Красносельской! Теперь, через пережитое на войне, виделся он таким уютным, теплым, до боли родным…

Чем ближе к столице, тем тревожнее становилось на сердце. Уже от Серпухова хлынули мешочники и бродяги, атакующие редко идущие на Москву поезда, тихонько, а то и во весь голос ругающие Советскую власть за политику военного коммунизма.

От Подольска до самой Москвы был вырублен почти весь лес. На столицу надвигался топливный голод. Удручающее впечатление произвела картина выдачи дров по весу, которую Женя увидел на Каланчевке уже в Москве.

* * *

В первый же день по приезде в Егорьевскую теоретическую школу Женя узнал неприятную новость: всем поступающим в класс подготовки летчиков нужно сдавать вступительные экзамены по русскому языку, алгебре, геометрии.

Птухин никогда не учил математику глубже четырех арифметических действий, ни разу в жизни не сдавал экзамены, поэтому предстоящая процедура приводила в движение волосы на голове. Только фанатическое желание стать летчиком и фронтовой опыт надеяться на лучшее, когда для этого нет никаких оснований, удерживали Женю от единственно правильного решения — уехать. Уехать?! Куда? Птухин бы не смог ответить куда, потому что на сложном перекрестке жизненных дорог он знал только одно направление — авиация. И Женя пошел сдавать экзамен по предмету, название которого он ни разу в жизни даже не произносил, — «геометрия».

«Число «пи», зависимость между длиной окружности и ее радиусом», — прочитал Птухин первый вопрос билета, написанного на сером клочке бумаги. «Число «пи». Как это число «пи»? Число так это число, а не буквы, — начал он с анализа формы и содержания первой фразы первого вопроса. — Ах да! Это же не «пи», а «пять»… Именно «пять» хотел написать старенький благообразный, с козлиной бородкой экзаменатор. Ну, конечно же, «пять»! Вот уж эта гражданская неаккуратность! — начал Женя мысленно укорять безмятежно сидящего за отдельным столиком старичка экзаменатора. — …Наверное, из местных

учителей… Не понимает, что и ученики его будут такие же неряшливые. А им защищать Советскую Республику от мировой буржуазии, которая сразу же воспользуется ошибками и неточностями красных командиров. Не понимает дореволюционный интеллигент, что советские полководцы должны быть грамотнее и умнее десяти буржуазных. Об этом не раз говорил Жемчужинов».

— Э-э-э, уважаемый, если я вас правильно понял, — вывел Женю из размышлений довольно звонкий голос старика, — вы не нуждаетесь в длительной подготовке и, как говорят французы, «а ливр увэр» — готовы без подготовки. Если это так, то я с радостью готов вас выслушать, разумеется, с учетом коэффициента за смелость, первенство, ограниченное время, — улыбаясь, подбадривал он Женю. — Милости прошу, — приветливым жестом показал старичок на стул рядом с собой. — Этим вы окажете неоценимую услугу тем, кто в затруднении и желал бы покопаться в памяти или еще где-нибудь, так сказать, «нон корам популе корам публике», что значит «наедине, без народа».

«Во чешет», — подумал Женя, подходя к столу.

— Тут в первом вопросе вроде как неточность, ошибка, — как мог смягчил Женя свой укор, делая скидку на возраст старичка.

— Весьма любопытно и радостно за вас, что вы ее обнаружили. Позвольте. — Экзаменатор, быстро шевеля губами, вполголоса забормотал содержание первого вопроса. — А в чем именно? — наклонился он к Жене вместе с билетом.

— Вот здесь не то «пи», не то «пять» написано, а должно быть «число пять», — уверенно ткнул Птухин пальцем в листок.

Взгляд Жени встретился с глазами старичка, почему-то смотревшего на него поверх пенсне, низко наклонив голову.

— И в этом случае вы докажете зависимость между радиусом и длиной окружности? — совершенно серьезно спросил он.

— Не-е. Наверное, нет, — уже неуверенно ответил Птухин.

— Тогда я могу вам поставить только коэффициент за смелость и все прочее, что обещал, не возражаете?

На следующий день после подъема командир роты Одоров зачитал список абитуриентов, отстраняемых от дальнейших экзаменов. Первым был назван Птухин. Закончив перечисление, командир роты внимательно посмотрел на притихших парней и произнес:

— Птухин кто?

— Я, — вяло ответил поникший Женя.

— Птухин? — отчетливо повторил Одоров.

— Я, — громко отчеканил Женя, поняв, что его призывают к

армейскому порядку.

— К начальнику школы! — И стал объявлять отчисленным порядок отъезда.

— Садитесь, товарищ Птухин, — предложил начальник школы, бывший подполковник царской армии Попов, после того, как, поднявшись из-за стола, выслушал доклад Жени о своем прибытии. — Мы вот просматриваем характеристики тех, кто провалился на экзаменах. — Попов испытующе осматривал сидящего. — Заинтересовала ваша, данная командиром Жемчужиновым. В отдельном ходатайстве он просит оказать вам всяческое содействие в зачислении, поскольку: «…желание стать летчиком стало для моториста Птухина единственной целью жизни. И было бы антигуманным, антигосударственным актом не оказать помощь товарищу Птухину в достижении его цели…» Как вам удалось покорить так командира отряда? Не преувеличивает ли товарищ Жемчужинов ваше желание стать летчиком?

— Нет, — где-то в глубине сознания забрезжила надежда. — Мне больше ничего не нужно, только бы стать летчиком…

Казалось, Женя всю душу вложил в эту фразу. Щеки запылали, где-то в висках ясно чувствовались удары сердца. Не отрывая взгляда от начальника школы, он напряженно следил, как тот медленно поднялся, привычным жестом кадрового военного одернул поношенный, но ладно сидящий френч с большими накладными карманами, подошел к окну и в наступившей тишине стал пристально смотреть на снегирей, за окном потрошивших оставшиеся с осени семена молодого клена.

— Ну, представьте себе, оставлю я вас изучать теоретический курс летной подготовки, — так и не поворачиваясь, начал он разговор. — При вашем образовании вы будете чувствовать себя на уроках аэронавигации, как я на диктанте по китайскому языку. А программа у нас плотная, время ограничено шестью месяцами. В итоге на экзаменах вы получите неудовлетворительные оценки, только уже потеряв время.

Женя молчал, низко наклонив голову, словно провинившийся школьник.

— Я очень хочу летать.

— Могу вам предложить такой вариант, — начал начальник школы. — Вы остаетесь, но зачисляетесь в класс мотористов. Дело для вас знакомое, времени от занятий оставаться будет много, вот вы и используйте его для овладения школьным курсом. Если согласны, то… — Начальник школы энергично повернулся от окна. — Ну вот и прекрасно, — заключил он, увидев широко открытые, полные радости глаза Птухина.

* * *

Под высокими сводами длинного зала бывшего Егорьевского женского монастыря и без того неприятный голос командира роты Одорова из-за многократного отражения от потолка приобретает загробную бесстрастность.

— Я сколько раз предупреждал вас не становиться рядом.

Одоров уставился на середину шеренги, в то место, откуда во время переклички: «Птухин!» — раздалось: «Я» и «Попелюхин!» — тоже прозвучало: «Я». Одоров путает этих курсантов, и это раздражает его.

Одоров — злой демон всех курсантов. И неизвестно, по какой причине больше теоретическую школу называют «теркой»: то ли от сокращенного прилагательного «теоретическая», то ли из-за жестокой дисциплины для них, отвыкших во фронтовых условиях от строгого распорядка дня, неусыпным стражем которой является Одоров.

— Попелюхин, встать на правый фланг шеренги! — гаркает Одоров.

Пока, громыхая сапогами, без всякого желания Попелюхин переходит на правый фланг, ближе к Одорову, из шеренги курсантов-летчиков, там, где стоят Женины новые друзья братья Туржанские, Саша Анисимов. Адам Залевский [Александр Туржанский — впоследствии генерал-лейтенант авиации. Борис Туржанский — впоследствии летчик-доброволец в Испании, Герой Советского Союза. Александр Анисимов — впоследствии выдающийся летчик-испытатель НИИ ВВС. Адам Залевский — впоследствии командир летной группы НИИ ВВС.], с явным расчетом, что услышит Одоров, раздается:

— А почему пошел Птухин?

После смешной процедуры длительного выявления личности курсанта-двойника и того, кто посеял зерно сомнения, нарушителя Адама Залевского Одоров отправляет чистить гальюн.

— Ну и глуп же ты, Залевский! Из тебя никогда не получится летчик, — неизменно комментирует Одоров наказание Адама. Это вызывает взрыв хохота, потому что все ценили Адама за тонкий юмор и оперативный ум. Лучше других знал об этом Женя, которому Адам доходчиво и терпеливо объяснял непонятные разделы математики.

Быстро распухала старая «амбарная ведомость», которую Птухин подобрал во время тушения пожара на городских хлебных складах. Он радовался каждому вложенному в нее листку, исписанному карандашом мелким, экономным почерком,

чувствуя, как постепенно распутывается узел некогда пугавших его уравнений, теорем, формул. Близится тот момент, когда он наконец разделается с этим мистическим числом «пи» и даже с формулами из сокровенно хранимой статьи инженера Бессонова «Потеря мощности авиационного двигателя». Все в ней пока напоминает джунгли, непроходимые и полные неизвестности. А ведь есть же люди, которым понятно, что такое «мощность E, поглощаемая винтом…». Женя показал статью преподавателю технического класса Косцову.

— Так… понятно… угу… ага, — периодически повторял Косцов, читая ее. Женя радовался: ему сейчас многое прояснится. — Ты знаешь, — виновато протянул Косцов брошюру, — я ведь того… больше практик, а теорию забыл, а точнее сказать, не учил никогда, так что извини… Это, пожалуй, Попов может, у него большое образование, только ты уж сам к нему… Мне неудобно.

Но обратиться к Попову Жене так и не довелось. Нет, он не стеснялся побеспокоить преподавателя, когда можно было что-то узнать, чему-то научиться. Даже наметил сделать это сегодня же после занятий, но неожиданно волнующее известие отвлекло его внимание.

Шло занятие по конструкции планера самолета. Материал хорошо знакомый из практики, поэтому Птухин укрылся за разобранным стабилизатором и открыл журнал «Вестник воздушного флота». Бросился в глаза заголовок, набранный жирным шрифтом: «Небывалая катастрофа!» В статье мелькнула фамилия Аниховского. От предчувствия того, что катастрофа произошла именно с его любимым комиссаром, перехватило дыхание. Прыгая со строчки на строчку, он стремился скорее узнать финал происшествия: «…11 марта 1920 года… с высоты 1600 метров… у «ньюпора» оторвались крылья… упал на электропровода Солдатенковской больницы… самолет вдребезги… летчик сломал ногу…»

Женя сначала даже не понял, что дальше уже пишет сам Аниховский о своих злоключениях. И только когда дошел до слов: «Такое падение на продолжение летного искусства нисколько не повлияло и, как только срастется нога, приступлю к полетам», понял, что комиссар жив.

От радости Женя чуть не закричал: «Жив!» — забыв, что сидит на занятиях. «Значит, врут, когда пишут, что после падения «летчик теряет сердце», то есть смелость. Может, потому, что Аниховский комиссар, коммунист? А что же, у комиссара сердце железное или его нет? И терять нечего? Вот я сам коммунист, полетел бы после такого?»

Женя, несмотря на холод в классе, даже вспотел от таких мыслей.

«Нет, чушь какая-то, при чем здесь коммунист? Просто если здорово любишь самолет, небо — полетишь. Да, я полетел бы опять! Поэтому и Аниховский будет летать!»

Вечером Птухин поделился своими мыслями о переживаниях Аниховского с курсантами. Разгоревшийся спор едва не сорвал консультацию по математике, которую Женя ежедневно получал у своих друзей.

— Ну и упорный же ты, Женька! — восхищался Саша Туржанский, разгадавший, почему Птухин часто напрашивается в наряд по казарме, когда курсанты всеми способами стараются увернуться от этого постылого дежурства.

— Я, Саша, только ночью и усваиваю все, что вы мне днем объясняете. Тихо, никто не дергает, даже Одоров, а днем на практических занятиях мотористов отсыпаюсь. Так сказать, полночный ликбез… Вот думаю, не начать ли мне будить тебя, когда будет оставаться свободное время после повторения пройденного.

— Только попробуй, — предупредил Птухина репетитор. — А я теперь тебе днем стану столько объяснять, что за две ночи не пережуешь, понятно?

— Согласен, пережую. — И, переходя на серьезный тон: — Мне, Саша, спешить надо. Это время, сам понимаешь, для меня сплошная прогазовка на колодках: ресурс вырабатывается, бензин сгорает, а взлета нет и не предвидится. Поэтому я должен наверстать упущенное. Да еще с вашей помощью изучить теорию полета и прочие летные премудрости, чтобы потом выиграть время, когда буду учиться в классе летчиков. А летать буду, можешь не сомневаться.

— А я и не сомневаюсь, лоб у тебя крепкий, выдержит не такие нагрузки.

— Братцы, перехожу на Женькин метод учебы, — вмешался Саша Анисимов, — по крайней мере, ему ночью не снится еда, ведь он спит днем, наевшись.

Вечером после занятий, как обычно, друзья собираются в курилку для обсуждения проблемы питания следующего дня. Адам — неугомонный выдумщик самых невероятных продовольственных операций. Это ему принадлежит идея добывать харчи на завтраки и ужины, не предусмотренные продснабжением, коллективно на барахолке. Поверив в его сообразительность, все пятеро курсантов, живших в одной комнате, без возражений вытряхнули перед ним свои пожитки.

— Да, — в шутку Адам презрительно поднимал то одну, то

другую тряпицу, — мог бы ты, Птухин, у Врангеля и почище портяночки позаимствовать, если думал учиться на летчика… Ну, вы посмотрите на этих беспечных святых братцев, — стал он перед Туржанскими, — у них одна гимнастерка на двоих и такая короткая и широкая, как распашонка. Вы что же, в ней в обнимку ходите, так сказать, каждому по рукаву и один ворот на двоих?.. А тебя, Анисимов, я даже не знаю, как принять в нашу «коммуну». Ты хоть бы прежде по дворам Егорьевска попобирушничал на вступительный взнос.

Женя, давясь от смеха, вывернул котомку Адама, в которой самым стоящим оказалась пара старого нательного белья.

Собрав тряпье в кучу, Адам запихнул все в один вещмешок и объявил:

— Ходить менять наши наряды у паразитов на теле трудового народа — спекулянтов будем по очереди, начнем с меня. Предпочтительно обмен производить на картошку, как истинно сытную народную пищу, которая в отличие от молока и масла не поддается подмешиванию мела или воска. Можно, конечно, брать паюсную икру и ананасы, но только как дополнение к картошке.

Когда настала очередь идти менялой Жене, он принес всего десять картошек за адамовское исподнее.

— Вот, пожалуйста! С помощью Птухина мы к весне можем откинуть ноги, не узнав до конца, как при посредстве аэронавигации можно заблудиться в воздухе. Ты, конечно, просил пять картошек, а сердобольная бабка, увидев перед собой ненормального, положила тебе десять, так, да?

Адам смягчился только после того, как узнал, что Женя половину наменянного отдал голодным детишкам, часто сидевшим перед воротами «терки».

В конце концов скоро подошло время, когда друзья с нетерпением ждали, что скажет «продовольственный комиссар» Адам Залевский, потому что, кроме его неистощимой фантазии и юмора, менять оказалось нечего. Однако Адам молчал. Нахохлившись, словно петух, наглотавшийся сухого гороха, сидел он на скамейке в келье, оборудованной под курилку, кутаясь в обшарпанную, ставшую короткой для него шинель, — состояние для Адама явно необычное. Анисимов приложил к его голове руку и объявил, что Адам болен. Его уложили в постель, закутали своими шинелями. Борис Туржанский сходил в монастырский сад, набрал кое-где оставшиеся плоды шиповника, крепко заварил кипятком и стал отпаивать Залевского.

Адам, конечно, простудился в казарме. Его кровать стояла вплотную к окну. За ночь в побитые стекла наметало на подоконник и подушку целые сугробы снега. Ложась спать,

Залевский не только не раздевался, но еще и кутал голову портянками. А вчера, проснувшись, Адам не мог встать: примерзли волосы к металлическим прутьям кровати.

— Братцы, а в монастырском саду галок тьма, прямо базар, только не видно, чем торгуют, — рассказывал Борис, поддерживая пьющего Адама.

— Сейчас будет царский ужин! — вскочил Женя. — Сашка, марш за касторовым маслом!

Малокалиберная винтовка была доверена на хранение Птухину как лучшему стрелку ротных соревнований. Ему же Одоров доверил и патроны, а со временем и всю организацию стрельб, часто практиковавшихся в школе.

Перебравшись ближе к монастырской ограде, Женя оказался в шумном галочьем царстве, раскинувшемся на кронах старых кленов и тополей. Глаза наполнились охотничьим азартом. Выбрав, как казалось, самую жирную галку, он прицелился и с волнением нажал курок. Не расправляя крыльев, словно лоскут черной мокрой тряпки, галка шлепнулась в талый снег. Женя подскочил, схватил ее за крыло и с сожалением увидел резко выдававшиеся кости, обтянутые тонкой кожей, просвечивающейся сквозь редкие перья.

— Ясно. Как мы — одной упитанности.

Выбирать было нечего. Он не стал ждать, когда угомонится потревоженная выстрелом стая, и стал сбивать галок на лету, каждый раз называя тип сбитого белогвардейского самолета: «Есть «анасаль», есть «хеви-ленд»…

После того как друзья, казалось, утолили голод, Женя поднял за лапку оставшуюся галку и сказал, что если нет возражений, то он отдаст эту «куропатку» своему близнецу Попелюхину, который на днях во время занятий сжевал полтетради в надежде утолить голод.

Когда удавалось как-то приглушать голод, ребятами завладевала одна и та же тема разговора — воспоминания из фронтовой жизни, споры о качествах самолетов, моторов, о воздушных боях. Поражал курсантов своей «авиационной» эрудицией Саша Туржанский, знавший, казалось, каждый бой, обстоятельства и фамилии летчиков. Зато когда речь заходила о качествах матчасти самолетов или отдельных узлов моторов, авторитет Жени был непререкаем.

Его авторитет особенно вырос после случая, который мог стать причиной отчисления его из школы.

Привезли из Гатчины большие самолетные ящики. На стенках по диагонали между двумя царскими гербами было выведено: «Модрах».

Ящики вскрыли, удивленно посмотрели на необычный фюзеляж круглого сечения. Не было никакой документации. Никто не слышал о таком конструкторе.

Женя долго ходил вокруг ящиков, не решаясь предложить свои услуги собрать самолет. Но любопытство и какая-то внутренняя уверенность толкнули его на это.

— Давай, Птухин, покажи свои способности, — согласился преподаватель Косцов. Сам он каждый день заходил в ангар-палатку посмотреть на монтаж. Однако самолет не только не собирался, а, наоборот, растаскивался по полу на все более мелкие узлы, как будто Птухин задался целью превратить его в груду хлама.

— Жаль Женьку, кажется, он крупно влип с этим самолетом, — сокрушались друзья, забегавшие в палатку после занятий.

— Да, Птухин, по-моему, здесь и Модраху делать нечего, — удрученно шутил Косцов.

Однако через день детали стали монтироваться в блоки, а к концу недели перед изумленными курсантами предстал собранный самолет, который Женя уверенно раскачивал, давил на плоскости, демонстрируя прочность. Но тем не менее энтузиастов облетать его, к огорчению Птухина, в школе не оказалось.

Близился выпуск. Адам задумал в клубе поставить силами курсантов спектакль. Однако, когда он предложил Птухину сыграть роль барона Врангеля, реакция была бурной и неожиданной.

— Ты мне что предлагаешь? Ты забыл, что я член РКП (б), да?

Остальные, глядя на Птухина, тоже отказались от этой роли, хотя и не были членами РКП (б). Спектакль так и не состоялся!

* * *

В середине каре начальник школы Попов заканчивал перечисление выпускников летного класса. Он сделал паузу и продолжил: «Нижеозначенных считать закончившими моторно-авиационный класс с присвоением звания авиамотористa: Птухин Евгений Саввич…»

И хоть это была формальность, поскольку Женя давно знал, что успешно закончит школу, приятный озноб пробежал по телу. Он видел, как в шеренге, где стояли его друзья, Борис Туржанский незаметно выставил левую руку с поднятым большим пальцем.

А через день при расставании начальник школы крепко пожал Жене руку.

— Прощайте, товарищ Птухин. Желаю успеха, не сомневаюсь, со временем вы станете крупным инженером, а возможно, и авиаконструктором, — напутствовал Попов,

— Я буду летчиком, товарищ начальник школы.

— Да? Ну что ж, в таком случае до свидания, скорее всего мы опять увидимся.

Распоряжением Главвоздухфлота Птухина назначили старшим мотористом Отдельной истребительной авиаэскадрильи № 2 в Подосинках.

* * *

— Товарищ командир эскадрильи, старший авиамоторист Птухин прибыл для прохождения службы, — доложил бывший курсант высокому, с волевым, сильно обветренным лицом военному. Это был Иван Спатарель [Иван Спатарель — герой гражданской войны, впоследствии генерал-майор авиации], с которым Евгений на Южном фронте громил Врангеля.

Спатарель не спеша протянул руку, внимательно осмотрел стоявшего перед ним Евгения, потом широкой жесткой ладонью обхватил кисть Птухина.

— Это хорошо, мотористов у нас не хватает. Давайте сядем, потолкуем.

Брошенная фраза о нехватке мотористов сулила новые осложнения в судьбе Евгения, особенно когда должно было прийти время проситься в летную школу. Закуривая вслед за Спатарелем, Птухин решил сразу же рассказать о своей мечте. Он поведал о службе в авиаотряде, учебе и где удобно вставлял фразы о своем намерении стать военлетом.

Спатарель слушал молча, не перебивая, ничем не выражая своих чувств. Возможно, биография Птухина ему напомнила, как самому было трудно до революции становиться летчиком, сколько унижений и издевательств пришлось перенести от господ офицеров, пока «взлетел».

— Поживем, подумаем, — дипломатично уклонился командир от прямого ответа, — пока познакомьтесь. — И он стал представлять подошедших военлетов Гуляева, Чекалова, Дацко — все герои гражданской войны. — А мотористом будете работать на самолете Васильченко [Николай Васильченко — впоследствии авиационный атташе во Франции].

С другими героями минувшей войны нового моториста

знакомить не пришлось. Какое-то теплое чувство охватило душу, когда Женя увидел своих старых фронтовых знакомых — «спадов», «ньюпоров».

При близком рассмотрении он обнаружил на них десятки заплат, словно зарубцевавшиеся раны ветеранов гражданской войны.

— Ну, здравствуйте, — тихо и ласково приветствовал их Женя. — Прямо не понимаю, как я мог без вас так долго жить.

К известию о желании Птухина учиться в летной школе командир отряда Василий Иванович Чекалов сначала отнесся спокойно: «Поживем, увидим, — почти как Спатарель заключил он. — Хороший работник — уговорим, плохой — держать не будем».

Однако Птухин оказался не только хорошим работником, но еще и упрямым парнем.

— Да ты не спеши, — покровительственно потрепал Чекалов Женю по пшеничной шевелюре, прочтя рапорт. — Ты у нас далеко пойдешь, обещаю.

Прошел год. Женя не собирался сдаваться. Принимая очередной рапорт, командир отряда завелся с полоборота:

— Ну чего тебе втемяшилось — в летчики и в летчики! А кто будет обслуживать самолеты? — с каждой фразой «набирал обороты» Чекалов.

— У кого нет мечты летать или кто устал от полетов, — намекнул Птухин на то, что Василий Иванович давно игнорировал полеты, ссылаясь на усталость и недомогание.

Это было равносильно тому, как если бы в моторе сорвало ограничитель оборотов. Командира отряда «понесло вразнос». Словно при сильном обеднении смеси, все чаще стали проскакивать хлопки непереводимых слов. Чекалов стал неуправляем. Наступил момент, когда срочно надо было «перекрыть бензиновый кран».

Птухина выручил подошедший на шум Спатарель.

* * *

— Здравствуй, «терка»! — широко улыбаясь, остановился Птухин перед воротами Егорьевской школы. — Я знал, что вернусь к тебе.

— Давай документ, — перегородил ему путь у КПП [КПП — контрольно-пропускной пункт] широкоплечий курсант.

— Зачем документ, я пароль знаю: «Наша «терка» лихо трет, что зимою пот течет. Летом же сдаем экзамен, все от страха

замерзаем», — процитировал он сочиненный курсантами стишок.

— Значит, свой! — Курсант протянул руку: — Борман Саша [Александр Борман — впоследствии генерал-майор авиации].

Много ли прошло времени, какой-то год, а школа изменилась, как-то помолодела. Теперь здесь учились только будущие летчики, ребята молодые, больше с «гражданки». И быт курсантов улучшился. В кельях, где раньше размещалось по двадцать, теперь живут по шестнадцать человек. В них стало просторнее, светлее, уютнее.

Женя с упоением засел за учебники.

Почти неощутимо быстро пролетели шесть месяцев напряженной теоретической «сухомятки». Скорее бы полеты!

* * *

— Прощай, «терка», прощай и теперь уж навсегда, — сдернув шапку, обернулся Птухин к заваленным снегом воротам, направляясь на вокзал декабрьским вечером 1923 года.

— Что уж ты так нежно, не мать же родная. Мне за полгода «терка» во как надоела, — новый друг Жени Саша Борман показал ладонью поперек горла, — а ты здесь в два раза больше был.

— Как сказать, не мать, но и не мачеха, она дала мне путевку на самолет.

Глава VII
СЛАДКОЕ ЧУВСТВО ПОЛЕТА

Стоя перед проходной Липецкой летно-практической школы, Женя пристально всматривался через штакетник на дорожку, по которой ушел дежурный выяснять, впускать или нет двадцать пять молодцов-егорьевцев. Уже прошло минут двадцать. Похоже было, что он направился выяснять прямо в Реввоенсовет республики. Нетерпение росло.

Совсем неожиданно сбоку от забора появился командир в сопровождении смущенного дежурного.

— Проходите, товарищи, — сам распахнул калитку и пригласил широким жестом, — пройдем в красный уголок й побеседуем.

Женя плохо воспринимал слова, как оказалось, военкома школы Толмачева о внутренней и международной обстановке. Сначала из-за того, что не мог согреться, потом не давал сосредоточиться засевший колом в голове вопрос: «Когда начнем летать?» Женя подпер голову руками и, как казалось ему, придал

лицу выражение сосредоточенности. Но слова по-прежнему проскакивали мимо сознания.

— Есть вопросы или неясности? — обратился военком к егорьевцам.

— Когда летать начнем? — машинально выпалил Женя и только после этого понял нелепость своего вопроса.

— А по тому, о чем я говорил, у вас нет вопросов?

— Нет, — смущенно протянул Женя.

Окинув пристальным взглядом присутствующих, военком улыбнулся.

— Точно могу вам сказать: летать начнете не раньше, чем умоетесь с дороги и поедите! — Затем, посмотрев на часы, добавил: — Еще десять минут, по моим расчетам, для вас должен быть приготовлен завтрак.

* * *

Об инструкторе болгарине Саввове ребята знали уже много. Возможно, даже больше того, что соответствовало действительности. Человек незаурядного ума, образованный, но неразговорчивый, Димитрий Саввов год назад бежал из Болгарии от преследований за политическую пропаганду на флоте, где служил матросом. В России он был принят в члены РКП (б), окончил авиашколу и теперь считался одним из лучших инструкторов.

Еще задолго до появления Саввова все восемь курсантов его группы выстроились в отведенном для них углу казармы. И замерли. Инструктор появится неожиданно, об этом их предупредили, и не потерпит, чтобы при нем разбирались в строю.

Стремительно открывшаяся дверь сильно хлопнула, пропустив коренастого мужчину. Быстрым шагом он приблизился к строю и пристально, молча стал осматривать каждого курсанта.

Женя подумал, что Саввов чем-то напоминает Наполеона, портрет которого он видел в книжке, прочитанной еще в «терке». Только, пожалуй, болгарин красивее и моложе. Дойдя до последнего, Саввов вышел на середину и, указывая пальцем на каждого, приказал перестроиться. Однако Птухин так и остался первым, а Борман переместился и встал теперь рядом с Женей.

— Вот в таком порядке начнете летать, а ты, — обратился он к последнему Ракитову, — можешь летать, можешь нет, из тебя летчика не получится… С этой минуты вы учлеты, ясно? Ты кто? — обратился он к курсанту, стоящему третьим в строю.

— Лепиксон, — растерявшись, выдавил тот.

— А я что сейчас объяснил? «Учлет Лепиксон»! Запомни.

Страх и таинственность, которые нагнал с первой встречи Саввов, остались надолго. Казалось, что он незаметно наблюдает за каждым… и вдруг однажды скажет, как сказал Ракитову: «Из тебя летчика не получится».

…Первый день полетов, видно, молитвами учлетов выдался словно по заказу. Светило яркое январское солнце. Звонко хрустел снег под ногами учлетов, вытаскивавших из ангара «Анрио Н-14» [«Анрио Н-14» — двухместный биплан французского производства. В России было 30 самолетов, используемых в летных школах. Максимальная скорость 105 километров в час]. Обшивка искрилась разноцветными огнями изморози.

Но Женя ничего этого не замечал. Он знал, что полетит первым, старался изо всех сил сам и подгонял Других.

— Не мельтеши, Птухин, — несколько раз одергивал его неповоротливый моторист Егор Попович, — успеешь, налетаешься.

Но так, как шевелится Попович, можно и не успеть. Женя заметил, что Егор не только легко уступал ему часть своей работы, но и вообще умышленно все делал медленно в надежде на птухинскую нетерпеливость. Потому и получалось, что почти всю работу по подготовке машины к полету Женя делал сам.

Самолет «анрио» был для Жени новинкой, хотя и имел давно знакомый ротативный мотор «рон». Старое фармановское высокое четырехколесное шасси с маленькими колесами делало его похожим на стрекозу, севшую в лужу и вытянувшую ножки, чтобы не замочить брюшко и крылья. По-стрекозиному выглядел и длинный тонкий фюзеляж. Сейчас на лыжах он выглядел более солидно. Ребята выбивались из сил, срывая мотор с компрессии, но тот только брезгливо фыркал, выбрасывая белые клубы переобогащенной смеси.

— Балда ты, Егор, а не моторист. Метлой тебя нужно гнать из авиации, перезалил смесь. Давай ключи, я свечи выверну для продувки.

— Ну ты, потише, а то всех разгонишь, метельщик, — взъерошился Попович.

— И гнать не просто метлой, а поганой, — уточнил внезапно подошедший к самолету Саввов.

Наконец заработал мотор.

Находясь в передней кабине, Женя напряженно ловил каждое слово Саввова, когда тот, садясь в самолет, приказал снять ноги с педалей и не касаться управления, пока он не подаст сигнал:

покачает штурвалом из стороны в сторону.

Казалось, Саввов еще не сел как следует в кабину и, конечно, не привязался, а мотор взревел, самолет дрогнул, дребезжа, рванул с места. Видимо, решив наказать Поповича, инструктор не давал ему знак оставить плоскость: самолет несся с большой скоростью, и ноги Егора едва касались земли. Почти в тот момент, когда Саввов махнул рукой, Попович распластался в воздухе и покатился кубарем, взметая снег.

Женя обратил внимание, что рулить на самолете не так уж приятно: жестко, грубо, и громко стучат лыжи, а на разворотах сильно прижимает к внешней стороне.

Где, в какой момент инструктор начал взлет, Женя не заметил. В общем грохоте он не понял, когда мотор вышел на полные обороты и горизонт ушел куда-то вниз. Стало намного тише, и ясно обозначился свист встречного потока. Самолет почти без выдерживания начал быстро отдаляться от земли, хотя, как учил Саввов еще на земле, «его надо придержать для разгона скорости, после чего плавно перевести в набор, — повторял про себя Птухин, — и на высоте пятнадцать метров прибрать обороты».

Но инструктор ничего не убирал. Незаметно горизонт снова поднялся до обреза кабины. С большим запозданием Женя сообразил, что они летят в горизонтальном полете. Казалось, будто самолет с работающим мотором подвешен над землей. Еле заметно перемещались внизу дома, кустарник, а лес просто разворачивался на месте.

Сердце, сильно трепетавшее после взлета, успокоилось. Женя положил руки на колени и поймал себя на том, что острого ощущения от полета, о котором он много мечтал, вовсе нет. Словно он уже давно летает и это очередной полет. Стало немного обидно. «Может, я все это перестрадал в мыслях, может, и ничего особенного в этом нет?.. Все-таки шесть лет с летчиками, наслушался рассказов о всяких ощущениях!»

Отвлек внимание от размышлений разворот. Горизонт сильно накренился, и Женя, боясь вывалиться, крепко уцепился за борт обеими руками. Боковой поток воздуха ударил в лицо, и сразу стал мерзнуть нос. Отпустить руки Женя так и не решился, пока самолет не перешел снова в горизонтальный полет. Начали мерзнуть руки, ноги, спина. Женя втянул голову, наклонился вперед и стал наблюдать, как ритмично колеблется нитка на обшивке фюзеляжа.

Вдруг самолет мелко задрожал, и Женя, посмотрев на инструктора, понял, что Саввов дает знак взяться за управление. Поднятые вверх руки инструктора означали, что управлять

самолетом должен только Птухин.

В тот же миг самолет начал валиться. Едва Женя выхватил его из одного крена, как он начал заваливаться на другой бок, одновременно опуская нос. Не успел Птухин подвести его к горизонту, как, не останавливаясь, самолет перешел в набор высоты с одновременным разворотом.

Началась упорная борьба за горизонтальное положение. Самолет совершенно игнорировал попытки учле-та стабилизировать положение. Женя бросил сектор газа и, уцепившись за штурзал двумя руками, пытался удержать взбесившийся самолет. Вскоре со лба покатились капли пота, застилавшие глаза. Спина взмокла. В руках появилась страшная усталость.

«Боже мой, когда это прекратится! Почему Саввов не возьмет управление, мы же упадем!» Женя оглянулся и с ужасом увидел: все так же подняты руки и бесстрастно лицо инструктора.

«Он с ума сошел! Сколько же можно издеваться? Правда говорили, что он ненормальный. Я больше не могу. Сейчас брошу, будь что будет!»

Женя закрыл глаза, отпустил штурвал, в изнеможении откинулся на спинку сиденья. И… самолет плавно стал выходить из крена, нос поднялся почти к горизонту, и прекратились вихляния. Птухин не верил своим глазам. Самолет медленно, с небольшим креном терял высоту. С опаской, легонько потянув за ручку управления, он увидел, как нос стал послушно подниматься к горизонту. Боясь, что самолет снова полезет вверх, Женя бросил ручку и заметил, что движение линии горизонта прекратилось. Точно так же он убрал крен.

«Все. Теперь главное — не делать никаких движений, пусть так и летит». Сознание обожгла мысль: «Инструктор видел мое состояние! А я, как истеричная баба, от страха глаза закатил. Наверняка подумает, что я трус. Стыд! Куда деваться? А вот возьму сейчас и сигану за борт, докажу, что я не трус!»

Мысль показалась настолько единственно верной, что Птухин даже взялся рукой за борт… «А вдруг подумает, что я свихнулся от страха? — Руки и ноги противно обмякли, стали ватными, чужими. — И почему я так перепугался? Ведь он тоже не хотел разбиваться, а сидел спокойно. Значит, было не так уж страшно?»

Мелко задрожала ручка. Женя не сразу сообразил, что это значит. Он обернулся и увидел: Саввов дает знак разворачиваться влево. Почти машинально Птухин стал медленно накренять машину. Когда крен достиг примерно той же величины, как у инструктора, Женя немного отклонил ручку в обратную сторону и с удивлением увидел, что «анрио» замер в этом положении. «Так

он же слушается, если делаешь все плавно! Саввов говорил об этом! Как же я забыл!»

Женя вывел машину из разворота, переложил в другой крен, потом еще и еще. Так же осторожно он немного потерял, а потом набрал высоту. Ну да, слушается же! Это совсем нормальный самолет!

Саввов дал знак передать управление. Самолет резко стал снижаться в глубокой спирали. Жене показалось, что еще очень далеко до земли, но вот лыжи стукнулись о снег, самолет слегка подскочил и заскользил по снегу. На большой скорости они зарулили на заправочную линию.

— Товарищ инструктор, учлет Птухин. Разрешите получить замечания!

Густые черные брови Саввова поехали вниз, а из-под них лукаво мелькнули темно-карие глаза.

— Получишь потом, а пока иди обсушись в каптерку.

Стоять было глупо. Птухин повернулся. Настроение испортилось. «На что он намекает?»

* * *

Сначала все шутили, а потом какой-то злой неотвратимостью стало совпадение морозных дней с очередью Лепиксона отмывать обшивку самолета от послеполетного нагара. Зима в конце 1923 года была морозной. И если на градуснике ниже минус 25, непременно самолет моет Лепиксон.

Сегодня опять очередь Лепиксона, поэтому к обеду начала понижаться температура. Он заранее прикидывал, сколько раз придется сбегать за горячей водой, чтобы оттереть, будь она трижды неладна, копоть. Учлет с досадой смотрел на непреклонно опускающийся столбик ртути: «Хорошо бы нарушить эту проклятую связь. Помыл бы машину кто-то другой. Например, Птухин. Правда, Женя — командир группы и к тому же почти полностью сам готовит самолет к полетам. Но это благороднее, чем волочить примерзающую тряпку по заляпанным маслом и копотью бокам самолета. Да и таскать самолет за хвост на своем горбу в наказание за грубые посадки Птухину тоже не приходилось. Везет ему чертовски. Если есть на земле справедливость, то Женька должен сесть когда-то плохо и испытать унизительное наказание: тащить тяжелый самолетный хвост… — Лепиксон опять посмотрел на термометр. — Скорее бы Борман закончил оставшиеся два полета, пока не стало опять минус двадцать пять».

Борман сел неважно. В конце пробега вместо заруливания на стоянку инструктор выключил мотор, и тотчас из кабины пулей вылетел Саша. Он подскочил к стабилизатору, залез под него на четвереньки, и… как уже кому-то цитировал Птухин: «Старый бес под кобылу подлез, поднатужился, поднапружился…»

Группа ринулась толкать самолет. Это тоже требование Саввова, которое называется у него воспитанием через сочувствие к ближнему. Однако хвост держать он не позволил никому, кроме Бормана. А до стоянки добрых пятьсот метров!

— Что, ругал? — обступили ребята, когда Саша затащил самолет.

— Нет, сказал: «Отбуксируешь самолет, помоешь его и свои уши, чтобы лучше слышать указания инструктора».

Это был первый день зимы, когда мороз достигал 25 градусов, а самолет мыл учлет Борман.

* * *

Лютые январские морозы 1924 года отбивали охоту летать даже у таких одержимых, как Птухин. К радости начальника учебной части, морозы позволили значительно продвинуть политучебу. Давно изжившая себя программа «36 бесед», поверхностно объяснявших революционное движение, историю, экономическую географию СССР, политэкономию, из-за недостатка времени сводилась к объяснению заголовков тем. Появилась наконец, и возможность наверстать ослабленную общественную работу. С этой целью Толмачев собрал активистов школы у единственной на всю большую казарму печки. Она, как костер в пещере доисторического человека, не угасала ни днем, ни ночью. Изредка посматривая в листок, расстеленный на колене, военком инструктировал тех, кто завтра пойдет по деревням с газетами «Известия ВЦИК», «Правда», «Беднота», с передвижной библиотекой, с информацией о болезни товарища Ленина, с докладом о работе Добролета [Добролет — Добровольное общество содействия развитию Гражданского воздушного флота], Доброхима [Доброхим — добровольное общество содействия развитию химической промышленности], Общества друзей воздушного флота. Одной из тем бесед была агитация населения за сбор средств на постройку самолетов.

Беседа закончена, можно и расходиться, но холод в казарме отбивал желание уходить от пышущей жаром печки. К военкому быстро подошел начальник школы и, наклонившись, срывающимся голосом произнес фразу, парализовавшую всех:

«Ленин умер!»

Всю ночь никто не ложился спать. Говорили о Ленине. «Как же дальше? Кто его заменит? Что будет с Республикой?»

Через день школа командировала в Москву лучших учлетов для прощания с вождем мирового пролетариата. Среди делегатов был и Женя Птухин.

* * *

Весна 1924 года выдалась дружная. Едва подсохла земля, снова приступили к полетам. Отрабатывали в основном уже надоевшие взлеты и посадки. Количество полетов перевалило за тридцать, а инструктор как будто и не собирался выпускать учлетов в полеты самостоятельно.

Вот и в этот день, 4 апреля, все началось как обычно, с той лишь разницей, что Саввов приказал взлетать первому не Птухину, как всегда, а другому учлету. Женя вопросительно посмотрел на инструктора, надеясь, что тот оговорился. Но Саввов, даже не взглянув на Птухина, полез в кабину.

— Что бы это значило, Саша, как ты думаешь? — обратился Женя к не менее озадаченному Борману.

— Это значит, что ты чем-то не понравился сегодня Саввову. Ищи черные пятна в своей биографии за последние сутки.

Когда после заправки самолета инструктор приказал садиться следующему учлету, Жене стало ясно, что он в чем-то грешен. Но в чем? Терзаясь своей отверженностью, он готовил вместе со всеми самолет от заправки к заправке. Даже Попович, который радовался всякому преждевременному окончанию полетов, искренне огорчился за Птухина.

— Ты, Женька, не унывай, сам знаешь, этот Саввов того. — Он выразительно покрутил отверткой около виска. — Завтра отойдет, и все будет по-старому.

— Можно затаскивать на стоянку? — спросил Егор, когда Саввов наконец вылез из кабины.

— Готовь самолет, — приказал инструктор, хотя сам разматывал свой белый шелковый шарф, что делал всегда только по окончании полетов.

— Птухин! Сделаешь круг над аэродромом, снизишься на планировании, посмотришь на «Т», я буду там, если покажу руками, уйдешь на второй круг и потом сядешь. Задание понятно?

— Так точно! — Женя рванулся в кабину. Он летит самостоятельно!

— Отставить! Обойди два раза вокруг самолета и повторяй: «Спокойно, спокойно».

Все устремились к кабине помочь Жене пристегнуться, ободрить. Но инструктор возвратил учлетов на место и сам не подошел. Только крикнул издали:

— Ты еще, кажется, не таскал хвост! Не забывай об этом. Ну, давай!

Странное ощущение охватило еще на земле. Переднее сиденье, где он, Птухин, сидел все полеты, было пусто. Поэтому казалось, в самолете нет никого и сам Женя наблюдает взлет со стороны. Но это длилось какую-то секунду. «Надо делать все так, как в присутствии Саввова».

Едва только самолет перешел в набор высоты и спало напряжение, тотчас охватило восторженное настроение. Птухин заорал во всю мочь:

— Я лечу сам, один! Я лечу оди-ин!

Радость распирала, требовала выхода. Хотелось убедиться, что он хозяин самолета. Женя энергично завалил левый крен, потом правый. Резко, до зависания на ремнях, клюнул вниз и так же энергично перевел в набор. И тут с огорчением заметил, что прозевал время второго разворота. Он заложил крен почти под девяносто градусов и на «хвосте», с потерей высоты, развернулся. Подумалось: «Саввов не простит такие фокусы, надо строго выдерживать режим полета».

Проходя над стартом, он сделал змейку, как учил инструктор, чтобы посмотреть направление ветра по «колбасе» [«Колбаса» — принятое среди летчиков название приспособления в виде сачка из полосатой ткани для определения направления и скорости ветра] и сопоставить с направлением посадочного «Т». Все было в норме.

«Теперь самое главное — хорошо сесть. Все, что было до планирования, забыть», — напомнил он себе слова инструктора, выходя на посадочную прямую. Женя установил угол снижения, убрал газ и стал уточнять расчет. К удивлению своему, заметил, что в воздухе без инструктора остается много свободного времени и почему-то хочется говорить вслух. «Вроде все нормально. Нет сноса, правда, высоковато. Лучше потом подтянуть, чем «повиснуть» над «Т» на высоком выравнивании».

Женя выключил магнето и рулем поворота стал создавать дополнительное сопротивление. Саввов этому методу не учил, но все учлеты знали: так исправляют расчет на посадку сами инструкторы.

Самолет начал разбалтываться. Женя обнаружил, что его снесло на «Т» и, кроме того, здорово потеряна высота. Это

грозило плохой посадкой. Мгновенно сосредоточившись, он включил зажигание, дал газ, одновременно накренив самолет влево. «Дурак! Намудрил!» — обругал он себя, видя, что обстановка на посадке усложнилась. Пора! Важно подвести хорошо и мягко приземлиться. Женя стал создавать посадочное положение. Можно уже было сажать — расстояние колес до земли сантиметров двадцать пять. Но Птухин решил снизиться еще, чтобы машина без толчков заскользила по земле.

«Отлично!» — похвалил он себя, когда почувствовал, как, мелко подрагивая, самолет покатил по траве. «Направление!» — скомандовал себе Женя и, часто работая рулем поворота, не позволял самолету отклоняться от выбранного на горизонте ориентира.

Уже на стоянке по широким улыбкам встречающих учлетов понял, что слетал нормально. И только сейчас Женя вспомнил, что должен был после первого круга увидеть Саввова на «Т». Женя кинулся навстречу Саввову, идущему от посадочной полосы.

— Товарищ инструктор, учлет Птухин…

— Ты хоть «Т» видел? Я не говорю обо мне, — строго перебил его Саввов, но из-под нахмуренных бровей лучились радостью глаза.

— Я обо всем забыл, товарищ инструктор!

— Ну, значит, сам себя наказал еще на один полет. А вообще-то молодец, летчик Птухин.

Летчик Птухин! Женю охватило волнение не столько оттого, что хорошо выполнил полет, сколько от слов инструктора, которые тот, насколько было известно, раньше не говорил никому.

— Ну как там одному? — ребята окружили Евгения. На этот вопрос все ждали пространный ответ.

— Что делаешь, рассказать можно, а что испытываешь — нельзя! Это какое-то сладкое чувство. — Это все, что выдавил из себя смущенный и счастливый Женя.

Птухин был первым. За ним вылетели Борман и все остальные в порядке, какой был определен когда-то Саввовым.

Шло время. Постепенно крепла у курсантов уверенность в своих силах, а вместе с ней нередко появлялась переоценка личных возможностей. В результате возникали нарушения, грубые посадки и даже поломки.

Поспорив с Борманом, Лепиксон решил приземлить самолет сначала на костыль и подхватить им брошенную у «Т» шапку, что нередко делали инструкторы, демонстрировавшие точность приземления. На глазах у всей группы самолет, нащупывая злополучную шапку, завис на высоте одного метра с низко

опущенным хвостом, словно птица, садящаяся на гнездо. И… грохнулся на левую плоскость. Припадая на сломанную стойку шасси и размахивая обрывками разбитой законцовки [Законцовка — край крыла, определяющий его конфигурацию в плане], он, подобно цапле, немного попрыгал, развернулся и замер. Замерли и курсанты.

Не сразу, спустя несколько минут, из кабины вылез бледный, с трясущимися руками Лепиксон. Взглянув на торчащие, словно раздробленные кости, куски законцовки, он опустился на землю и… зарыдал.

Ребята знали, что у Саввова учлеты еще не ломали самолетов, поэтому характер возмездия трудно было даже представить.

Притихшая группа собралась в казарме. На Лепиксона смотрели как на бывшего учлета, хотя на его сокрушенно однообразное «это все, это конец» утешающе протестовали: «Ну что ты… ну почему конец».

— Нужно писать поручительство от всей группы, — предложил Птухин.

Утром Женя протянул Саввову бумагу. Тот пробежал ее глазами.

— Так, значит: «…Из него получится хороший военный красный летчик…, э-э… воздушный защитник трудового народа… и мы просим, — Саввов поднял глаза на Птухина, — не отчислять его из школы, а дать возможность исправиться и показать себя с лучшей стороны». «За сим подписались учлеты-недоучки: Птухин, Борман и другие», — сымпровизировал инструктор.

Лицо Саввова побагровело.

— Да откуда ты знаешь, что из него или из тебя получится и когда получится? А до этого я должен спокойно смотреть, как он и другие в телячьих шалостях ломают самолеты? Как в твоей любимой присказке: «Прилетели, мягко сели, посадка на три точки и прямо в кочки. Остались контакт и ручка да маленькая кучка»… Это ты на днях высказал готовность перекрыть рекорд француза Фронваля, выполнившего девятьсот шестьдесят две петли подряд? Не рано ли? Может, вам начать осваивать переход из одного самолета в другой, как делает американец Мак-Лауглин? Есть авиапсихи за границей, а почему бы им не быть у нас в школе? На шапку вам захотелось научиться садиться! Горшок уже освоили!.. Но Саввов готовит не циркачей! Запомните!

Вечером в казарму прибежал писарь штаба. Еще на ходу он заорал:

— Ребята, новость! Сижу я, значит, работаю, а сам прислушиваюсь, даже дверь на сантиметр приоткрыл. Вдруг из

кабинета начальника выскакивает Саввов, хвать меня за плечо и говорит: «Ты, конечно, подслушал под дверью решение начальника школы о том, что, пока сами учлеты не починят самолет, летать никто не будет. Так иди и объяви им об этом».

— Ну а насчет Лепиксона?

— Вчера начальник школы дал команду заготовить приказ об отчислении, но Саввов доказал, что из Лепиксона, мол, будет хороший летчик. Решили оставить…

Парни радостно накинулись на Лепиксона.

…Ни к кому у Жени не было такой привязанности, как к Саввову! Наверное, потому, что смог болгарин в тот первый далекий зимний день угадать, что сердце этого высокого паренька яростнее других рвется в небо.

Школу расформировывали, а курсантов переводили в Борисоглебск.

Никто не произносил, что сегодня, 5 мая, последний день полетов. Когда зарулил и выключил мотор последний учлет, все без команды инструктора собрались возле него.

— Вот и все. Больше вас мне учить нечему. Всему, что умел, научил. Некоторые из вас уже сейчас хорошие летчики. — Инструктор мельком взглянул на Птухина. — А вообще живите согласно этому вашему документу «защитниками трудового народа». — И он вручил парням сбереженное им поручительство за Лепиксона.

* * *

Прошел год.

В связи с успешным окончанием Борисоглебской школы летчики Птухин и Борман в числе двадцати лучших выпускников получили направление в Серпуховскую высшую школу стрельбы и бомбометания.

Это был, пожалуй, самый трудный период учебы в жизни Евгения. Почти ежедневно полеты в зону на воздушный бой, стрельбу по наземным целям. Полеты по маршруту казались отдыхом, когда можно расправить спину, смотреть только прямо, не закручивая голову на сто восемьдесят градусов, как в воздушном бою. Приходя в казарму, Женя едва добирался до постели. Засыпал, а перед глазами под разными ракурсами мелькали силуэты самолетов. Когда кончилось лето, промелькнула осень и наступила зима, Евгений не заметил.

— Убей, ничего не помню из прожитых шести месяцев в Серпухове, — говорил Женя Борману, укладывая в фанерный

чемоданчик незамысловатые пожитки. — Вот спросят: «Что запомнил в Серпухове на земле?» Отвечу: «Владыческий монастырь, занятый под школу, аэродром, курсантов, монахами снующих между монастырем и аэродромом, начальника школы Астахова [А. Ф. Астахов — впоследствии маршал авиации], строгого, как владыка-настоятель». — «А что помнишь в воздухе?» Скажу: «Опять же монастырь как наземный ориентир и самолеты, словно пчелы снующие перед носом».

— Ну, ну, не прибедняйся, Женька, кое-что еще помнишь, раз положил в сундучок газетку «Аэробомбометчик» с заметкой «Равняйтесь на Птухина!».

— Так это же опять ария из оперы «Летающий монах».

Все, кто слушал разговор двух друзей, грохнули от хохота.

По дороге в Москву, куда послали его в распоряжение Начвоздухфлота республики, Женя несколько раз пытался припомнить, сколько раз ему за эти пять лет пришлось сменить место службы. И все сбивался. «А может быть, это и есть нормальная служба, а оседлое житье следует считать отклонением. Что же, так и будет всегда? Можно ли к этому привыкнуть? Но если нужно, значит, можно, значит, привыкнешь… И хватит! До Москвы не так уж далеко, не успеешь выспаться». Хорошо все-таки спокойно вытянуться и не думать о полетах. А там Москва, где он целый день погостит у мамы, которой везет четыре селедки и полбуханки хлеба.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
НА ПРЕДЕЛЕ ПРОЧНОСТИ

Глава I
ЛЕТНЫЕ БУДНИ

Птухин возвращался в свою же эскадрилью. Это было приятно и в то же время тревожно. Здесь знали и уважали его как хорошего механика. Верят ли они, что он будет хорошим военлетом?

В штабе у дежурного, которым оказался знакомый военлет, Птухин хотел узнать новости, происшедшие за время его учебы. Но вдруг его кто-то тронул за плечо. Птухин обернулся и узнал начальника штаба, «академика», как называл его Спатарель, Константина Васильевича Маслова [К. В. Маслов — основатель Монинского авиационного гарнизона].

— С прибытием, — улыбнулся Маслов, — в новом качестве. Знаем, знаем о вашем назначении. Уже есть приказ, зайдите ознакомьтесь.

Идя за Масловым, Женя почувствовал какое-то тепло от дружеского тона, который прозвучал в обращении начальника штаба.

В кабинете Маслова Женя прочитал приказ:

«2.12.1924. Поселок им. Михельсона.

Прибывшего из Высшей авиационной школы воздушной стрельбы и бомбометания военлета РККА т. Птухина Евгения зачислить в списки отдельной истребительной эскадрильи на должность военлета во 2-й неотдельный отряд и на все виды положенного довольствия с 1-го декабря с. г. Справка. Предписание тов. Птухина от начальника вышеназванной школы от 29.11. с. г. за № 493, аттестат за № 52 и 127. Список № 3/846. Командир эскадрильи в/л Спатарель, военком Пошеманский, нач. штаба Маслов».

Евгений вышел на крыльцо и не успел сделать и двух десятков шагов, как почувствовал себя словно в медвежьих объятиях.

— Военлет Воробей! — воскликнул наседавший с акцентом.

Женя сразу сообразил, что так звать его могли только немногие друзья из первого тверского авиаотряда. «Неужели старый дружище Петька Пумпур?»

Петр на радостях так сжимал Птухина, что тот слова не мог вымолвить.

— Ну, ну, товарищ Пумпур, — заступился Маслов, — военлета РККА раздавите, нанесете ущерб всей Красной Армии.

— Петька! Вот это да!.. Никак не думал! Вот так встреча! — Обнявшись, хлопали они друг друга по спине.

— Ребята, приглашаю в гости, друг мой приехал. Вместе Врангеля били! — Пумпур радостно обвел взглядом лица окруживших их летчиков.

В хате на краю деревни, где теперь поселился Женя вместе с Пумпуром, нельзя было продохнуть от табачного дыма. Пламя керосиновой лампы, словно вытянутый на берег пескарь, конвульсивно вздрагивало, хватая порции кислорода, с каждым часом уменьшая яркость. За маленьким дощатым столом, приткнутым к кособокому подслеповатому окну, с трудом разместились восемь здоровенных парней. Сразу же после первой, «за встречу», как обычно, сам собой завязался разговор о полетах. Помянули «старые гробы» — «спады» и «мартинсайды», уносившие ежегодно из авиаотряда три-четыре жизни. Потом как-то без перехода и паузы были подвергнуты аналитической оценке с разложением на положительные и отрицательные элементы командир и комиссар. И теперь, разбившись на группы, гости вели разговор на различные темы, почти не мешая друг другу. Женя с Петром уточняли моменты, когда судьбе неугодно было, чтобы они встретились. Выяснилось, что оба учились в егорьевской «терке». Только один входил в нее тогда, когда второй закрывал за собой противоположную дверь. Бывает же такое!

Духота усиливала опьянение. Голоса раздавались громче.

— Кто это? — спросил Женя у Петра, указав на военлета, сидевшего напротив Виктора Юнгмейстера [В. А. Юнгмейстер — герой гражданской войны].

— Уваров, военлет третьего отряда.

Женю, заинтересовало содержание разговора. Широкой ладонью рассекая воздух перед носом Юнгмейстера, Уваров наступал:

— А я тебе говорю, что нельзя так сразу отметать старые традиции авиации. Мы ведь не пехота… Мы ведь даже не красноармейцы, да? Ты скажи, кто мы по строевой категории?

— Ну комбаты, ну и что, так ведь… — Виктор хотел взять инициативу разговора, но Уваров не дал ему договорить.

— Во, комбаты, значит, и дисциплину нам вводить нечего. Мы ее переросли! Ну ладно, в воздухе я еще согласен, летная дисциплина. А на земле нам пехотная муштра ни к чему. Не было ее раньше, не нужно и сейчас. В этом, брат, особенность, привилегия авиации. Мы ведь как? Сегодня есть, завтра нет…

Жене уже казались дикими такие разговоры, особенно после Серпуховской школы, где начальник ее «каленым железом» выжигал все, что разъедало дисциплину и на земле и в воздухе. Но так было не везде. В Липецкой школе многие инструкторы и командиры умышленно одевались в гражданскую одежду, тем самым начисто отвергая дисциплину не только по содержанию, но и по форме.

И вот теперь он снова слышал подобные рассуждения.

Хотелось вмешаться, помочь Юнгмейстеру, но в это время кто-то уже предложил расходиться.

* * *

Нельзя сказать, что Женя и Петр избегали полетов на воздушный бой в качестве противников. Но и не напрашивались на них у командира. Каждый понимал: дружба дружбой, но бой есть бой.

Прочитав акт о приемке прибывшего с завода «Авиаработник» самолета «мартинсайд», подписанный председателем комиссии Птухиным, Селицкий, оставшийся вместо Спатареля командиром эскадрильи, предложил Жене облетать его. Птухин обрадовался. Ему все равно было, куда, зачем, даже на чем лететь, лишь бы подняться в воздух. Он уже направился к самолету, когда Селицкий добавил:

— Чтобы не утюжить воздух зря, проведи воздушный бой с Пумпуром. Вы ведь друзья, наверное, интересно будет помериться силами?

Женя замер от неожиданности. Отказываться было неудобно. Не торопясь он пошел искать Пумпура.

«Интересно, как воспримет это Петр? Не подумает ли, что я сам напросился на бой, чувствуя себя сильнее? А если я сделаю упор на приказ Селицкого, он может подумать, что я боюсь полета. Вот черт, обстановочка!»

Пумпура он застал безмятежно сидящим на бочке из-под масла с большой самокруткой в зубах. Петя с увлечением читал.

— А, военлет Воробей! Вот, гляди, пояснения к «Временному строевому уставу авиации» дает какой-то авиационный кавалерист, их теперь много у нас… Почитай. Ну, например, что такое карусельная езда, знаешь? Нет? Слушай: «Если подойти к фигурам высшего пилотажа как к определенному виду тренинга, то их значение уподобится значению «карусельной езды» в кавалерии».

— Про карусельную езду в кавалерии понятно, про пилотаж

нет.

— А «езду врозь» тоже не знаешь? Слушай: «Если для выработки сноровки в верховой езде и для развития глазомера часто практикуют «езду врозь», то при выработке сноровки у летчика при движении в порядке эскадрильи необходимо чаще практиковать расхождение «поотрядно врозь», «по звеньям врозь» и в звене «посамолетно врозь»… На, почитай для расширения кругозора!

— Потом. Селицкий приказал слетать нам на воздушный бой сейчас. У тебя есть желание? — как мог равнодушнее спросил Птухин. Он пристально вглядывался в лицо Пумпура, но не замечал никаких признаков волнения: «А почему я так всполошился?»

До самого момента, когда они устремились друг другу навстречу, Женя чувствовал какую-то скованность, напряженность и в мышцах и в мыслях… «С чего начать маневр?» Подобно шахматисту, он перебирал в памяти все удачные дебюты воздушных боев, проведенных в школе. «…Конечно, лучше всего сделать ранверсман [Ранверсман — фигура высшего пилотажа. Сейчас называется «поворот на горке»] в сторону солнца, но это было бы нечестно по отношению к Петру, ведь он наверняка, ослепленный, потеряет меня. А если он первый начнет этот разворот?.. Пожалуй, эффективнее ринуться на вертикальный вираж [Так в то время назывался маневр типа косой петли], по крайней мере, все время буду видеть его».

На большом удалении, метров 500–600 от самолета Птухина, Пумпур стремительно перевел машину в набор высоты с плавным разворотом. Маневр простой, никакой хитрости. Стало обидно за друга.

Женя сделал то же самое, но навстречу другу. Теперь они оказались в вираже в диаметрально противоположных точках. Увеличивать крен было бесполезно — не хватало мощности, и самолет «сыпался». Это было известно обоим.

Бой выходил на скучный вариант.

«Нет, такой бой не по мне!» Довернув самолет на спину, Женя энергично потянул ручку и вошел в крутое пикирование. На выводе он оглянулся и увидел, что в таком же положении, но выше находится Петр. «Если я сейчас начну вывод, он прицепится к «хвосту», и потом уж никакими силами от него не оторваться. Хватит, Петя, я и так дал тебе преимущество».

Не доводя самолет до горизонта, Женя вторично лег на спину, демонстрируя переворот. Однако сам увеличил крен больше чем на 1-80 градусов и, находясь в глубокой нисходящей спирали, стал выводить самолет из пикирования. Скорость

возросла до 180 километров в час. Свист встречного потока заглушал рев мотора. Самолет напрягся до предела. Казалось, еще немного, и сорвется обшивка с поверхности крыла. Женя подался вперед, ему казалось, что он сросся с самолетом мускулами, нервной системой. В таком состоянии он измерял возможности самолета своими возможностями и был уверен: все, что выдержит он, выдержит и самолет.

Энергично вытягивая самолет из пикирования, Женя ощутил тяжесть во всем теле. Казалось, руки, да что руки, щеки и веки наполнились свинцом. Перед глазами появилась сероватая пульсирующая пелена, хотя сознание работало хорошо. Он прикинул, где, в каком месте находится Пумпур. Как только уменьшилась перегрузка, Женя повернул голову и, по навыку управляя самолетом, стал искать «противника».

Там, где, по расчетам, должен был быть самолет Пумпура, Женя не увидел ничего. Оказаться близко в «хвосте» тот не мог. Став в вираж, Женя стал осматриваться. Тренированным глазом он быстро отыскал далеко внизу на фоне снега точку самолета, выходящего из пикирования. Радостное чувство превосходства охватило грудь. Преимущество в высоте давало надежду на победу. Женя начал увеличивать газ, чтобы быстрее приблизиться к Пумпуру. Однако самолет Петра, находясь в наборе, вдруг резко повалился на крыло и перешел в штопор. Для Жени это было неожиданным. Он ввел машину в пикирование и стал на большой скорости приближаться к «противнику». Скорость росла, мелодия винта переходила на самые высокие ноты, высота резко падала. Женя забеспокоился, что Пумпур не выйдет из штопора, хотя ему и самому уже пора было тянуть ручку на себя. «Все! Дальше ждать нельзя». Достаточно хорошо стали просматриваться мелкие объекты на земле. Уже на выводе, проходя недалеко и ниже Петра, Женя увидел, что тот тоже вывел машину из штопора и теперь хоть и на меньшей скорости, но оказался выше его. «Классно вывернулся Петька, рано я салютовал победу!» Женя резко потянул ручку, желая меньше потерять высоты. Трясясь, словно телега на булыжной мостовой, самолет нехотя стал переходить в набор. Разворачивая самолет, Женя увидел, что Пумпур идет на него на встречном курсе. Это значило, что преимущество и время потеряны для Птухина. Надо начинать все сначала, только на значительно меньшей высоте. «Ну что ж, посмотрим, как пойдет дело на лобовых!» — с чувством огорчения подумал Женя, удерживая свой самолет строго на встречном курсе. На какую-то долю времени, видимо, с досады он отключился от контроля за расстоянием. И вдруг Женя с ужасом увидел в лоб несущийся на него самолет Петра. Казалось,

столкновение неизбежно. Дернув на себя ручку управления, Птухин сжался, ожидая удара.

«Глупо, без пользы, на виду у всех продемонстрировать свою безграмотность. Разобьются оба самолета!» — успел подумать Евгений, не связывая гибель самолета со своей. Инстинктивно Женя поджал ноги, потому что самолеты должны столкнуться «животами».

Уже в наборе совсем рядом слева промелькнул огромный самолет Пумпура. Сразу же, перечеркивая, все переживания, захватила мысль о том, что надо снова овладеть инициативой боя.

— Что они делают? Это же два ненормальных! — подскочил военком Пошеманский к командиру. — Кто их пустил друг против друга? — Каждый раз вместе со всеми он приседал, когда самолеты проносились, едва не сбивая шапки с собравшихся на старте людей.

— Ну, сукины сыны, только сядьте, собственными руками башку откручу! — Это была угроза, к которой Селицкий подходил постепенно, по мере снижения высоты воздушного боя.

А вначале командир улыбался, показывая близорукому начальнику штаба: «Вот, смотрите, Маслов, щенята резвятся». Потом быстро «щенята» превратились в «ненормальных», а минуту спустя уже именовались «подлецами». А вот теперь… Пригибаясь к земле, он просто не находил, а скорее, не успевал находить ругательства. «Сукины сыны» адресовалось и тем, кто крутился над их головами, и тем, кто позади командира восхищенно комментировал бой.

Неизвестно, чем бы кончился поединок, если бы на выходе из пикирования Пумпур не услышал резкие хлопки в карбюраторе. Он начал плавно разворачиваться на посадку, сообщая Птухину покачиванием с крыла на крыло о конце боя.

Женя несколько удивился, что знаки на заруливание подает сам командир. Людей на поле было много, и среди них комиссар, начальник штаба, начальник оперативно-учебной части. «Значит, понравилось, — подумал Птухин, — приятно, что командир при всех похвалит их с Петром. Может, даже объявит благодарность…»

Друзья почти одновременно подошли к командиру, вытирая пот. У Жени еще не сошла радостная улыбка с лица, которая опять взбесила командира, почти успокоившегося после благополучной посадки самолетов.

— Тьфу, чтоб вас черт побрал!.. Начальник штаба, ты у нас выдержанный и деликатный, объясни им, а то я за себя не ручаюсь. — Селицкий резко повернулся и пошел к ангару.

По приказанию командира Пумпура и Птухина отстранили от полетов на срок: «Пока не передумаю».

Теперь оба, отбывая наказание, помогали Маслову справиться с новой задачей, поставленной командованием.

Несмотря на приказ начальника ВВС о программах, впервые определявших порядок летной подготовки строевых частей, штаб никак не мог справиться с планированием этой работы. Маслов день и ночь сидел над изобретенными им самим «комплексами» программы, почти ежедневно уточняя их содержание и расчет времени. Сказывалось отсутствие опыта такого планирования, да и сам приказ содержал ряд неточных положений.

Вернувшийся в эскадрилью Спатарель много раз предлагал: «Брось ломать голову, Константин Васильевич. Как другие, так и мы сделаем». Он хорошо знал, что другие эскадрильи тоже еще не имели планов. Но Маслов не унимался, понимая, что по старинке работать в авиации уже нельзя. Программа устраняла стихийность, а это главное. Пусть программа и с недостатками, но зато приближала учебу к требованиям войны. Ведь до сих пор выполнялись только «голые» полеты, без тактической обстановки. Это имело смысл, пока авиация переходила с «вуазенов» и «хевилендов» на новые самолеты и надо было овладевать техникой пилотирования.

В новом 1925 учебном году недавно назначенный председатель РВС [РВС — сокр. Революционный военный совет] Фрунзе и исполняющий обязанности начальника ВВС Баранов потребовали от авиации перейти от «фигурянья» и «парадности» к обучению тому, что необходимо на войне: «Каждый полет на тактическом фоне, с борьбой против воздушного «противника»; все полеты с вооружением, чтобы вырабатывать «сноровистость» действий в кабине; работа частей различных родов авиации по единому плану, с противодействием друг другу; бороться со старой психологией летного состава — отвращением к «писанине» — и документально оформлять каждый полет после тщательного разбора».

— В считанные месяцы нужно заставить авиацию жить новой жизнью, чтобы молодые кадры военлетов, прибывающие в части, не приобщились к порочным традициям старой авиации, — с горячностью доказывал Маслов в полемике с теми, кому не нравились новые требования. — Поверьте мне, старому пехотинцу, авиация здорово отстала от армии и флота в вопросах порядка и дисциплины, а кто неряшливо одевается, тот, стало быть, неряшливо и летает. Да, да, не улыбайтесь. Он может эффектно кувыркаться, как циркач на ярмарке, но не как гимнаст, который тоже кувыркается, но делает это чисто, так сказать, не

подгибая колени.

— Ну, ну, — подшучивали над ним «старые» летчики, — вам небесная канцелярия быстренько вывернет ваш план шиворот навыворот. У нее свои законы. Там, где у вас по плану «безоблачно и полеты», у нее в это время дождь и град с кирпичами.

Женя слышал эти разговоры. И был на стороне Маслова. Да не он один — вся молодежь, прибывшая в эскадрилью из авиашкол, была за порядок и дисциплину, чем огорчала носителей «добрых традиций авиации», многие из которых просто путали их с партизанщиной, захлестнувшей некоторые авиаотряды во время гражданской войны.

* * *

По дороге в деревню Ратаново Евгений меньше всего думал о докладе «Все в Доброхим!», который он должен был прочитать на сходе крестьян. С этой деревней и сегодняшним днем у Птухина связывались свои планы.

Собираясь на лекцию, он особо тщательно отгладил брюки, попросил на вечер белые фетровые бурки, которые, как и полетные очки на фуражке, являлись высшим проявлением авиационного шика.

Поднявшись на крыльцо школы, Женя аккуратно стряхнул снег с шинели. Наклонившись, с такой же тщательностью стал чистить бурки большой кожаной крагой, когда открывшаяся дверь, сильно ударив по голове, плотно осадила тесноватую буденовку.

Он поднял глаза и в сумраке вечера узнал знакомое лицо. Это была Катя, местная учительница ликбеза, недавно приехавшая сюда после окончания курсов.

Женя познакомился с ней на станции в день приезда. Сойдя с поезда, он заметил одиноко стоящую одетую в полушубок и белый цветастый платок раскрасневшуюся на морозе девушку. Уловив на себе его пристальный взгляд, она отвернулась и стала прихлопывать валенками один об другой, хотя легкий морозец едва ли имел значение при ее одежде.

Женя подошел, поздоровался и, прикинувшись простачком, спросил, не его ли ее прислали встретить, так как он нездешний и может заблудиться. Девушка засмеялась. Смех был тихий и красивый.

Поезд прошел. Видимо, тот, кого она встречала, не приехал. Женя даже не спросил, кого она ждала. По дороге в розвальнях,

наполненных душистым сеном, они сидели рядом и разговаривали о прошлом друг друга. Возле сельсовета деревни Ратаново Женя распрощался со своей новой знакомой, попросив разрешения навестить ее в школе.

Уже на следующее утро Женя проснулся с ощущением, что ему необходимо повидать Катю. Какая-то сила не отпускала воспоминания о ней, и от этого становилось светло и счастливо на душе. Чем больше проходило времени, тем настойчивее становилось желание встретиться с Катей. К концу недели Женя понял, что не увидеть ее не может.

В первый же выходной день Женя пошел в Ратаново. По мере приближения к школе Женя учащал шаги в конце концов побежал. Мысли путались, он не знал, как объяснить свое появление, с чего начать разговор. В первый раз он так легко и бойко говорил, а сейчас не может придумать тему для разговора.

Катя появилась неожиданно. Узнав его, она заметно разволновалась.

— Вы? — и почему-то огляделась по сторонам.

— А что, разве нельзя? — забыв поздороваться, спросил Женя.

— Нет, отчего же. Но могут увидеть, начнут говорить.

— Что же делать? — задал он глупый вопрос.

— Не знаю. Пойдемте, а то неудобно стоять. Медленно, каждый по своей стороне пошли они вдоль широкой изъезженной ледяной дороги, и обоим казалось, что из всех окон глядят любопытные, жадные до сплетен глаза. От этого волнение усиливалось, и они сосредоточенно смотрели на дорогу, не зная, как и с чего начать разговор.

С тех пор Женя встречался с Катей не раз. И уже не только в деревне, но и в эскадрилье знали, что у Птухина есть «зазноба-учительница». Многие твердо предсказывали — быть свадьбе…

Вот и сейчас, стоя перед ней, он почувствовал, как сильно забилось сердце. Женя даже не удивился, что Катя стояла какая-то потерянная.

— …А, дорогой товарищ летчик, заходи, ждем, — пригласил появившийся секретарь комячейки, отстраняя Катю от двери. Женя едва успел прошептать ей: «Подожди после доклада, надо поговорить…»

За всю лекцию Птухин так и не решился взглянуть на Катю. От одной мысли, что она, сидя где-то сзади, глядит на него, слова непослушно, словно плохие пельмени к рукам, липли одно к другому. Наконец, изрядно пропотев от волнения, Женя замолчал и уставился на председательствующего секретаря комячейки поселка.

— Все, что ли? — уточнил тот.

— Все.

— Какие, граждане селяне, есть вопросы к дорогому летчику?

Одновременно с первым вопросом кто-то подал ему записку, на которой торопливым почерком было выведено: «Докладчику лично в руки».

Отвечая на вопросы, Женя стал искать глазами Катю. Ее нигде не было. «Наверное, дожидается у крыльца, — подумал он, — скорее бы кончались эти вопросы». Почти не слушая слов благодарности: «От вас, дорогие граждане крестьяне, и себя лично…», Женя стал пробираться к двери.

На крыльце Кати не было. Женя вспомнил о записке, подошел к окну и, еле различая буквы, стал читать.

«Женя, не сердитесь и не ищите встреч. Я выхожу замуж за Горина и уезжаю вместе с ним. Вы хороший, очень, но так получилось. Буду помнить вас всю жизнь. Прощайте, Катя».

Женя почувствовал, как все тело охватила какая-то мерзкая вялость. Он уже испытал такое же состояние давно на Южном фронте, когда на аэродроме неожиданно перед ним вырос белогвардейский солдат.

«Кто такой Горин? Ах да, действительно завтра убывает из эскадрильи военлет Горин… Ведь я тоже хотел жениться, написал об этом маме, думал, поедем домой вместе, ведь скоро отпуск». Мысли путались. Не заметил, как добрался до части. «Хватит, черт с ней, с любовью. Ясно одно: самое надежное в моей жизни — это самолет и дружба. Друг не обманет, не подведет. Например, Пумпур. А что сказать ребятам? Ничего. Правду расскажу только Пете. Другие будут смеяться: проворонил!»

Но другие не смеялись. Пумпур был настоящий друг и заставил всех с пониманием отнестись к неудаче Жени.

* * *

Открутив положенное время на «потолке» по третьему пункту летной программы, Женя перешел в пологую спираль и периодически давал газ, чтобы не переохладить мотор. После высоты приятно было вдыхать густой холодный воздух. От яркого солнца слезились глаза. Оно казалось везде: то прямо, когда самолет разворачивался в его сторону, то отражалось от приборов, когда оказывалось сзади.

Из-под крыла, нарушая белизну снегового покрова, медленно стал выплывать город Кожухов. Где-то боковым зрением Женя увидел самолет, который шел со снижением. Женя присмотрелся,

и в тот момент, когда самолет развернулся носом, увидел неподвижно стоящий винт. Самолет шел на вынужденную.

Не раздумывая, Женя стал сближаться. Еще на большом расстоянии рассмотрел номер — 7709… самолет, на котором недели две назад садился на вынужденную Юнгмейстер. А теперь Женя без труда узнал военлета Цуренко. Летчик сосредоточенно выискивал площадку на снегу. Местность была пересеченной — сесть было негде. Женя зашел с внутренней стороны и обозначил себя. На секунду бросив управление, Цуренко скрещенными руками перед собой показал, что сдал мотор.

Высоты оставалось немного, уже нужно было строить расчет на посадку. Женя оглядел землю и решил, что садиться следует на поле, ближе к Кожухову, чтобы люди могли быстро подбежать — мало ли чем закончится посадка. Цуренко почему-то тянул в другую сторону. Выскочив вперед, Птухин покачал с крыла на крыло, давая знак «следуй за мной», и стал медленно разворачиваться. Оглянувшись, он увидел, что Цуренко за ним не следует. Все. Оставалось только наблюдать, чем кончится посадка. Став в круг на высоте метров двадцати, Женя видел, как самолет мягко коснулся снега и заскользил, быстро теряя скорость. Теперь в благополучном исходе посадки можно было не сомневаться. Однако, почти остановившись, самолет резко развернулся вправо и… оказался на спине. Женя подвернул самолет, убрал газ и стал рассчитывать посадку поближе к Цуренко. В тот момент, когда лыжи коснулись снега, Женя подумал, что может оказаться в таком же положении, только добровольно. Птухин всей силой прижимал ручку к животу, напрягаясь каждый момент, когда хвост начинал подпрыгивать на неровностях.

Едва, самолет остановился, Женя выскочил из кабины, не выключая мотора, помчался к опрокинутому самолету. Издали он увидел, что Цуренко до сих пор висит вниз головой и, как показалось, неподвижно.

— Я сейчас! — заорал Птухин во все горло. Голова летчика медленно повернулась в его сторону.

— Жив! — обрадовался Птухин.

Цуренко держался руками за привязные ремни, в замок которых крепко упиралась ручка управления. Ноги вывалились из педалей, и теперь весь он, скрючившись, висел на ремнях. Выбраться сам он бы не смог. И, несмотря на то, что времени прошло совсем немного, лицо его посинело и опухло.

Женя дернул ручку, но та крепко уперлась в живот летчику. Нужен был нож, но его не было ни у Птухина, ни у Цуренко.

Подобравшись на спине под кабину, Женя уперся Э тяжелое

тело Цуренко, приподнял его, освободил ручку управления. Дернув скобу, он расстегнул ремни, и мгновенно тело Цуренко вывалилось из кабины. Полежав неподвижно, оба летчика медленно стали выбираться из-под самолета.

* * *

С первых дней июля 1925 года установилась небывалая жара. К полудню все живое искало спасительной тени. Даже надоедливые коровы, не желавшие понять, что летное поле не пастбище, теперь отдавали предпочтение кустарникам и рощам. Казалось, одни цикады радовались нестерпимой жаре, соревнуясь в треске с авиационными моторами. С воздуха летчики видели, как горят то хлеб в поле, то дома в деревне.

Второй день, не считаясь с условиями, летчики Пумпур, Птухин, Заборенко, Седько вылетают на боевое задание.

10 июля рано утром новый командир эскадрильи Николай Иванович Логинов поставил этой четверке летчиков боевую задачу — подавить восставшие банды, руководимые эсерами и меньшевиками. Бандиты сосредоточились в селах близ станции Ильинская Московско-Курской железной дороги. Нет, не жара, а бандиты поджигали хлеб и дома активистов. На следующий день бандитами был подбит и сел на вынужденную военлет Седько. Летчик был ранен, но успел скрыться, а самолет бандиты сожгли.

— Будьте внимательны, товарищи, — напутствовал летчиков перед вылетом командир эскадрильи. — Нет ничего омерзительнее разъяренного кулака.

Летчики боевое задание выполнили.

Глава II
НАЙДИ СВОЕ МЕСТО

К концу 1925 года достигшей за короткий срок больших успехов 7-й отдельной истребительной авиационной эскадрилье, где служил Евгений Птухин, было присвоено звание «имени Дзержинского».

Входило в традицию присваивать имена выдающихся деятелей революции передовым и вновь создаваемым эскадрильям. Самолеты, построенные на личные сбережения советских людей, были вручены Военно-Воздушным Силам для эскадрильи «Ленин», «Нетте», «Нарком-военмор». Свои деньги переводили в фонд авиации колхозники, рабочие, интеллигенция. Вручали деньги на постройку самолетов артисты театра

Мейерхольда, сотрудники ряда советских посольств.

Наша авиация стремительно набирала силы и выходила на международную арену. Красный воздушный флот начал соперничать с авиацией передовых капиталистических стран. Конкурентный перелет самолетов, заказанных персидским правительством на советских и французских заводах, закончился триумфом наших летчиков, прибывших в назначенный срок. А «воздушная прогулка» Громова по Европе на самолете «Пролетарий» прибавила забот буржуазным генеральным штабам, до сих пор игнорировавшим советскую авиацию. Последовавшие в 1926 году ближневосточные перелеты Моисеева и Межераупа внесли сомнение в недосягаемость удаленных районов мира для советской авиации.

Для авиаторов 1926 год начался с реорганизационных событий. По приказу РВС военлеты, находящиеся к этому моменту в частях, переименовывались в старших летчиков. Птухин был выдвинут на должность командира звена.

Теперь эскадрилью возглавлял герой гражданской войны Алексей Дмитриевич Ширинкин.

Назначенное на 14 июля празднование дня Авиахима, созданного год назад на базе Общества друзей воздушного флота и Доброхима, нарушило отпускные планы летчиков. Праздник должен был состояться в Москве. И Евгений надеялся хоть на часок забежать проведать маму.

Прямо из лагеря шесть «мартинсайдов», вдоль фюзеляжей которых написано «Все в Авиахим!», прилетели на Центральный аэродром и получили задание сопровождать агитационный Р-1 до места посадки, где состоится митинг. Затем, разбросав газеты Авиахима, они должны были вернуться на Центральный аэродром, пролететь мимо трибун, на которых будут находиться гости во главе с командующим войсками Московского военного округа Базилевичем.

— Ну, смотрите, агитаторы, — предупредил Ширинкин, возглавлявший группу, — полет трудный, и если будет неудачным, то разгоним не только трудящихся из Авиахима, но и себя из ВВС.

Нет, не посрамили дзержинцы свою эскадрилью. Шедший справа от командира Птухин шутя говорил, что видел даже улыбку на устах Базилевича, когда тот с приложенной к козырьку рукой в кругу гостей приветствовал строй низко проходивших самолетов.

Начало зимы 1927 года для авиации ознаменовалось новой реорганизацией. Теперь ВВС стали переходить от отдельных эскадрилий к бригадам трех-четырех эскадрильного состава. Для

дзержинцев это совпало с переводом на новый аэродром.

Весь командный состав, не считаясь ни с погодой, ни со временем суток, помогал разгружаться на станции Витебск. Птухин считал своим долгом работать за двоих. Он был теперь не только секретарем парторганизации эскадрильи, но и недавно назначенным командиром отряда.

Уже в первый день приезда на новое место службы Птухина разыскал Степан Фролов — «неудачник», самолет которого в 1918 году обслуживал Евгений. Еще издали на весь перрон Степан заорал:

— Революционный привет лучшему мотористу Южного фронта.

И этими словами очень удивил молодых пилотов, знавших Птухина как летчика.

Теперь, затащив Евгения к себе в гости, он с восхищением слушал рассказ о его долгом пути в небо. Потом поведал и свою грустную историю:

— Ты помнишь, какая за мной тянулась «слава»: «неудачник», «трус». После гражданской войны, когда началась реорганизация, меня демобилизовали. За войну отвык добывать хлеб насущный. Всего хлебнул. Что таиться, был безработным, спекулянтом, продавцом в мясной лавке, почтальоном. Потом работал по слесарному делу. Вроде бы безбедно в жизни пристроился, а всё душа как-то не могла успокоиться. Без самолетов, моторов, аэродрома не могу жить. Понял: без авиации я ничто. Вот попросился снова в армию… Нет, я не летаю, это, видно, не для меня. Работаю по ремонту моторов, и с большой охотой, будто снова родился. Думаю, это мое место в жизни…

Женя слушал и понимал: прав Фролов — выбрать авиацию еще не все, нужно найти и в ней свое место. Был ведь он сам хорошим мотористом, мог стать инженером-механиком. Прочил же ему начальник егорьевской «терки» даже будущее авиаконструктора. И, возможно, стал бы им. Если бы заставили. Сам же выбрал только небо!

Развернувшаяся в середине июля Неделя обороны ко многому обязывала и без того работавших в полную силу людей. Только что обсудили статью заместителя начальника ВВС Я. И. Алксниса «Угроза войны и наши задачи». «Угроза войны настолько сильно нависла над миром, что переживаемый нами период может быть назван кануном ожесточеннейшей схватки между трудом и капиталом», — писал Алкснис.

Птухин радостно смотрел, как горячо откликнулись все семьдесят членов и кандидатов в члены ВКД(б), пятьдесят членов и кандидатов в члены ВЛКСМ открытого партийного собрания на

призыв быстрее освоить поступающие в эскадрилью самолеты Д-11 [Д-11 — одноместный истребитель, состоявший на вооружении многих стран. В СССР было около 200 самолетов] немецко-голландской фирмы «Фоккер». Самолеты тоже не из новых, закупленные в 1923 году, по летным данным, пожалуй, даже хуже «мартинсайдов», но прочнее, с лучшим обзором, да и запасных частей к ним больше, все-таки свое производство было налажено.

Первыми освоили самолет командиры отрядов и теперь вывозили своих летчиков. Птухин вылезал из кабины только на время заправки, едва успевая выкурить папиросу.

Но сегодня ему долго летать не пришлось. Срочно вызывал командир бригады Селицкий. Зачем бы это? Птухин перебирал в памяти все подробности сегодняшнего дня, но не обнаружил ничего заслуживающего внимания командира бригады и тем более срочного вызова со старта.

Комбриг прямо, без предисловий объявил, что решил послать его учиться на курсы при Академии имени профессора Н. Е. Жуковского. Птухин от неожиданности растерялся и даже обиделся. Все это выглядело весьма поспешно, вроде высылки из бригады. «Меня не спросили. А если я не хочу? Может, не нужен?» — пронеслось в мыслях.

— Ты что, не рад? Учиться едешь! Надо прыгать до потолка от радости, а он стоит как столб. Может, не хочешь? Говори, заменим.

Только в этот момент до Евгения дошло, что это то, о чем мечтал все это время. Став командиром отряда, он уже ощущал необходимость глубоких знаний в тактике, навигации, теории полета.

Уже второй набор делала академия на курсы усовершенствования начальствующего состава ВВС. С волнением слушали тридцать молодых командиров почти такого же молодого начальника академии Хорькова о том, что они будут изучать стратегию, тактику, устройство сухопутных, воздушных и морских сил, военную администрацию, историю военного искусства и другие пугающие новизной дисциплины.

Им повезло услышать лаконичные лекции М. Н. Тухачевского, красивую, словно стихи в прозе, речь А. Н. Лапчинского, недавно переиздавшего свою популярную «Тактику авиации». Поражали воображение своей масштабностью лекции В. К. Триандафиллова, читавшего курс «Характер операций современной армии». Умно, тонко и доходчиво подавал материал по «Организации и управлению авиацией» начальник штаба ВВС В. В. Хрипин.

Время шло незаметно за лекциями, чтением, спорами у карт

мировых перелетов. 1929 год был насыщен авиационными событиями. Весной мир был удивлен шестисуточным беспосадочным полетом американского самолета, пролетевшего 30 тысяч километров с 37 дозаправками в воздухе. В июне прилетела в Одессу итальянская воздушная эскадра на самолетах «Савойя-55» во главе с заместителем министра воздушного флота Италии генералом Бальбо. Почти одновременно с этим было объявлено о готовящемся полете Громова по столицам Европы на построенном в рекордно короткий срок самолете «Крылья Советов». Всем составом курсов ходили смотреть этот самолет, выставленный на Красной площади в первомайские праздники. В день старта, глядя за окно на проливной дождь, слушатели с болью в душе думали о Громове, который должен вылетать в строго назначенное время.

В актовом зале у карты с отметками последних данных полета подсчитавались возможности победы в стихийно возникшем соревновании нашего «Крылья Советов» и однотипного германского самолета «Рорбах-Роланд», совершавшего полет по странам Европы.

Чувство гордости охватывало курсантов, когда зарубежная печать восторгалась отвагой Громова, направившего сухопутный самолет из Парижа в Рим через Лигурийское и Тирренское моря на высоте 5—10 метров. «Европа теперь для наших полетов уже мала», — скажет после возвращения Громов.

Как бы в подтверждение этих слов серийный бомбардировщик ТБ-1 со снятым вооружением, названный «Страна Советов», 23 августа отправился с визитом в США. Официальные власти очень холодно встретили советских летчиков — не пригласили даже осмотреть столицу. Совсем по-другому встречала советских авиаторов неофициальная Америка. Генри Форд, не менее могущественный, чем не пожелавший принять советских летчиков президент США Гувер, пригласил русских на завтрак еще на маршруте к Детройту. Американцы не устраивали такой восторженной встречи авиаторам со времени возвращения Чарлза Линдберга, перелетевшего впервые Атлантику. А предприимчивые дельцы авиационной промышленности по достоинству оценили великолепную схему свободнонесущего моноплана-бомбардировщика Туполева и отныне копировали ее в различных вариантах на своих самолетах.

Набор, в котором учился Птухин, закончил учебу. По примеру предшествующего выпуска все бывшие слушатели единодушно отказались от банкета и концерта, с тем? чтобы деньги, выделенные на это, были переданы подшефной сельхозкоммуне «Атеист».

«С этого момента вы не просто будущие грамотные командиры эскадрилий и бригад, — напутствовал их заместитель начальника Управления ВВС Алкснис, — вы теперь одновременно и военкомы, воспитатели больших воинских коллективов, обязанные найти нужное слово для каждого, кто вам подчинен. Такая задача куда сложнее, чем правильное тактическое решение, которое может так и не воплотиться в жизнь, если между вами и исполнителями не будут установлены незримые духовные связи. Во всю полноту используйте знания, полученные здесь. Помните ленинское правило: «Результаты науки проверяются практическим опытом».

* * *

Начальник авиации Белорусского военного округа Владимир Антонович Кушаков тепло принял нового командира 15-й отдельной истребительной эскадрильи имени ЦИК СССР Евгения Саввича Птухина. В свою очередь, Птухин поздравил Кушакова с только что присвоенным ему званием «Военный летчик РККА», хотя до этого Владимир Антонович уже командовал авиацией в двух военных округах в звании летнаба.

С наголо обритой головой, начальник ВВС Белоруссии производил впечатление новобранца, хотя был старше Птухина на семь лет. И казалось, не было ничего удивительного в том, что он обратился к Евгению Саввичу на «ты», а тот, в свою очередь, только в последний момент удержался, чтобы не ответить аналогичным обращением.

— Пойдем, я тебя представлю командующему.

Командующий Александр Ильич Егоров [А. И. Егоров — впоследствии один из первых Маршалов Советского Союза], человек богатырского сложения, энергично поднялся из-за стола навстречу вошедшим. Птухин почувствовал силищу в рукопожатии командующего. Выслушав скупые слова автобиографии, он поинтересовался:

— О Бобруйских маневрах слышали?

— В общих чертах.

— Надо внимательно изучить их. Авиация летала лихо, прямо по головам, а в бою оказалась малорезультативной: многократные атаки одной и той же цели и часто не «противника», а своих же войск. И все потому, что авиация в теории отстала, по старинке, как в мировую войну, молотит передний край обороны, забывая о теперешней ее глубине. Ну, да вас Кушаков проинструктирует. Поезжайте, принимайтесь за

дело, знаний у вас сейчас в голове, как у ежа иголок, — шутя закончил он.

Первым, кто встретил Птухина уже в Брянской бригаде, был вернейший друг Петр Пумпур, командир 17-й эскадрильи, прибывший всего на неделю раньше Евгения.

— Мир тесен, так и будем гоняться друг за другом.

— Ну, теперь за тобой не угонишься, ты ведь почти академик, с высшим образованием, — с гордостью за друга шутил Пумпур.

— Кушаков сказал, тебя тоже скоро направят в академию.

— Поживем, увидим. А пока пошли ко мне обедать, с утра тебя дожидаюсь.

— Может, сначала на стоянку? Хочу посмотреть, на чем вы летаете…

— Ты все такой же одержимый. Ну, будь по-твоему — начнем с ангара твоей эскадрильи.

15-я эскадрилья летала на самолетах И-2 бис [И-2 бис — одноместный истребитель, биплан. Всего их было выпущено 211. Максимальная скорость 220 километров в час], производство которых было прекращено уже год назад. Летно-тактическими данными этот самолет почти не отличался от Д-11, но зато был первым советским истребителем конструкции Григоровича. Птухину еще не приходилось летать на самолетах советских конструкторов.

Садясь в кабину, он опытным взглядом оценил его достоинства и недостатки. Кабина тесновата, с парашютом в ней сидеть нельзя. Сиденье высокое, обзор лучше, но приборы, особенно ночью, будут видны плохо…

В первый же летный день Птухин сделал две рулежки. На третьем выруливании взлетел. Ничего, пилотировать можно, хотя машина и тяжеловата. К тому же было известно, что его эскадрилья скоро должна получить новые истребители. Птухин знал о них. Это те самые И-3, которые под девизом «Каким быть истребителю?» рождались в схватках двух теоретических принципов.

Одни доказывали, что истребитель должен быть скоростным. «Он, как гепард, должен непременно настичь свою жертву и сразить ее в первой атаке», — говорили они. Другие убеждали, что истребитель должен быть маневренным, поскольку увеличение скорости является тенденцией мировой авиации, следовательно, победит тот, кто более ловкий в схватке. Выбор принципа влиял на выбор мотора, конструкцию планера. Решено было строить и тот и другой тип истребителя.

Вскоре пришло приказание отобрать группу летчиков для перегонки самолетов И-3 с завода. При знакомстве с

истребителем Птухин убедился, что конструктор перестарался с запасом прочности машины под впечатлением катастрофы с прототипом И-3, Самолет мог бы дать скорость за 300 километров в час.

Эскадрилья начала освоение самолета.

В бригаде удивлялись птухинской выносливости, когда тот выжимал из самолета все, что машина могла дать. После каждого летного дня командир эскадрильи собирал летчиков и терпеливо разбирал ошибки.

— Понимаете, Зайцев, — говорил он летчику, который на выдерживании «нащупывал землю», отчего создавалось впечатление, будто он катится по незримой ухабистой дороге, — не дергайте ручку, замрите, пока самолет не станет снижаться. Ведь этот аппарат потому и называется «самолет», что он сам летит, вы ему только не мешайте.

— Ну и хитрый вы, товарищ командир, — улыбался командир звена Градов, которого Птухин накануне отругал за плохую посадку. — Вы мне вчера сказали, что самолет то же самое, что самокат: сам не катится, им управлять надо. А сегодня Зайцеву говорите наоборот.

— А это потому, что вы относитесь к самолету «наоборот»: он машине не доверяет, а ты передоверяешь.

Освоение самолета шло успешно. На проверке эскадрильи командующий округом Егоров, человек, скупой на похвалы, пожал руку комэску, сказав:

— Неплохо, но в новом году должно быть еще лучше. Я верю в вас, товарищ Птухин!

Почти вслед за Егоровым, словно снег на голову не только для бригады, но и для штаба округа, приехал Алкснис с группой инспекторов. Яков Иванович решил проверить подготовку бригады к уничтожению воздушных целей. Заслушав начальника штаба бригады Николая Алексеевича Ласкина, доложившего о социалистическом соревновании между эскадрильями, он сам указал порядок проведения стрельб по конусу.

В первом вылете поднялись в воздух командиры эскадрилий Ванюшин, Мирохин, Птухин. Алкснис предупредил, что для командиров цель полета не столько поразить конус, это было само собой разумеющимся, сколько выполнить задачу в предельно короткое время.

На границе своей зоны Птухин догнал буксировщик, тянувший конус, и, взяв упреждение, стал сближаться по кривой. Когда до конуса осталось метров 50, он нажал гашетку и на выводе из атаки успел увидеть, что попаданий больше чем достаточно. Можно было расстрелять все сорок патронов, но

экономия боеприпасов при отличном попадании тоже засчитывалась. Поэтому он дал знак буксировщику идти на сброс. Сделав полупереворот, Птухин стал выводить машину в направлении аэродрома, и тут заметил впереди и ниже буксировщик Ванюшина. Из любопытства он решил посмотреть на успехи своего соперника. Птухин глазам своим не поверил… Конус был чист. А по стрельбе комэсков Алкснис будет судить о всей бригаде в целом! Медлить было нельзя, до аэродрома оставалось километров двадцать.

Буксировщик Ванюшина вел командир звена Костя Стукалов [К. Стукалов — впоследствии генерал-майор авиации]. Он был страшно удивлен, когда заметил устремившийся в атаку самолет. По двум кольцам на киле он опознал комэска Птухина. Стукалов только и успел подумать: «Неужели Птухин перепутал буксировщики?..»

После посадки Стукалов кинулся к Птухину:

— Товарищ командир, вы по чужому конусу стреляли!

— Тсс, не шуми. — Птухин отвел командира звена в сторону. — Не перепутал. Это все в общий котел, понял? Потом разберемся.

Однако Алкснис остался недоволен «содержанием» общего котла. Мирохинский конус упал на землю таким же чистым, как и поднялся в воздух. Другие командиры и летчики стреляли не лучше. Сказалось волнение из-за присутствия высокого начальства. Только после группового воздушного боя, в котором приняло участие более 110 самолетов, начальник ВВС признал подготовку удовлетворительной.

Ночь была трудная. Птухин вспомнил слова Ширин-кина: «Если с разлета началось наперекосяк — закрывай полеты». Тогда это казалось блажью бывалого командира, а может, и суеверием. Но вот приходится в подобное верить. Кажется, всю ночь только и делали, что боролись с трудностями, которые сыпались как из рога изобилия. В довершение не вернулся с маршрута летчик Зайцев. Еще не успели перебрать все возможные и невозможные причины невозвращения Зайцева, как на аэродром ворвался на взмыленной лошади парнишка и рассказал, что километрах в пяти, за деревней, сел самолет. Летчик жив, приехал бы сам, но в жизни не сидел верхом на лошади. Птухин слышал, как нехорошо обругал Зайцева командир звена. Евгений Саввич сделал ему замечание.

— Я же вам докладывал, что мне за работу с Зайцевым полагается двойной отпуск для восстановления нервной системы, — оправдывался командир звена.

Птухин решил разобраться во всем сам…

Уже целый час шла беседа с Зайцевым. Комэск слушал, не перебивая этого в общем-то неплохого паренька.

— …Я знаю, командир звена просил вас избавиться от меня. Он говорит: иди в цирк, там такие бесшабашные на вес золота. А может быть, авиация — это то, что мне нужно. Невеста у меня есть. Я знаю, она гордится тем, что я летчик. И я буду настоящим летчиком, поверьте мне.

Птухин даже не улыбнулся этим по-детски наивным доводам.

— Вот тебе мой приказ. Иди оформляйся в отпуск и без жены не приезжай. Не женишься — отправлю в циркачи. Женатый человек в ответе не только за себя, но и за семью.

…Письмо от Зайцева о том, что он едет с женой, пришло за день до его прибытия из отпуска. Птухин вызвал Анну Ивановну Семенову, председателя женсовета эскадрильи, известную на всю бригаду неистощимой энергией.

— На, Анна, сначала читай, — подал он письмо, — ты у нас ведь в эскадрилье мой заместитель по бытовым делам. Вот деньги. О комнате я уже распорядился, собери женщин, обсудите, словом, сделайте все, что нужно для молодой семейной жизни. К Зайцеву уважение… по полной мере, чтобы и жена увидела в нем человека надежного.

О том, что новый командующий округом Иероним Петрович Уборевич на днях приедет в гарнизон, Кушаков предупредил заранее командира бригады и каждого командира эскадрильи в отдельности. Разговор был короткий, Птухин даже не успел спросить цель приезда, как Владимир Антонович добавил:

— Смотри, он в авиации разбирается не хуже нас с тобой.

— Не экзамен же он едет у нас принимать, — ответил Птухин.

— Экзамена, может, и не будет, но за беспорядки поддаст крепко.

Уже прошло много дней, Евгений Саввич сам несколько раз проверил все «глазами командующего», а тот не приезжал.

…Полетов не было, с утра зарядил дождь, поэтому за день провели много «земных» мероприятий. Закончили подписку на оставшиеся три разряда 6-й Всесоюзной лотереи Осоавиахима. Билеты раскупили дружно, хотя в предыдущем тираже в эскадрилье оказался счастливчиком только один летчик, выигравший охотничье ружье. Другой, если бы сошелся номер всего на единицу, мог выиграть жеребца-производителя.

Вечером состоялась встреча с комсомольцами железнодорожного депо, взявшими после решения IX съезда

комсомола шефство над эскадрильей. По окончании трудового рапорта железнодорожников стихийно возник концерт, затянувшийся допоздна. Птухин ушел в штаб раньше.

В тишине кабинета он углубился в статью, автор которой доказывал необходимость перехода от трехсамолетного к четырехсамолетному звену. Писал толково, убедительно. Помнится, еще на курсах у них были споры по этому поводу. Кто-то напомнил, что командующий белогвардейской авиацией генерал Ткачев уже в гражданскую войну применял полеты парами и четверками…

В открывшуюся дверь вошли двое. Едва первый откинул капюшон накидки, Птухин по отблеску пенсне мгновенно догадался — перед ним командующий. Это было в манере Уборевича — появляться всегда неожиданно. Сзади стоял Кушаков. Птухин вскочил с докладом. Стоя в мокрой накидке, Иероним Петрович не шелохнулся во время доклада. Даже здесь он не мог себе позволить отступить от порядка.

— Видимо, нет смысла поднимать эскадрилью по тревоге в такую погоду, — обратился он одновременно к Кушакову и Птухину. — Чайком не погреете? Сломался наш «фордик», так мы пешком добирались.

Пока Птухин распоряжался о чае, Уборевич прочитал статью, над которой сидел Евгений Саввич перед самым их приходом.

— Ваши пометки? — показал он на подчеркнутые места.

— Мои.

— Значит, согласны?

— Целиком. Только пары нужно не назначать, а подбирать, чтобы они, как бы это сказать, были расположены друг к другу. Ведь и дружат-то, как правило, но двое, а не трое. Мне кажется, это от жизни.

— Видимо, для истребителей четырехсамолетное звено имеет смысл. Я об этом читал у Рихтгофена в «Красном истребителе», редкая книга. Будете в штабе округа, напомните, я вам ее дам… Как у вас с подготовкой к осенним учениям? — перешел он к делу. Птухин ответил, что эскадрилья почти полностью освоила новый истребитель и готова к воздушным боям.

— А штурмовые действия по наземным целям?

— Мы истребители, товарищ командующий, и у нас есть задача номер один — воздушные бои, а потом все остальное. Пока не освоена эта задача, переходить к другим я не имею морального права.

— А параллельно?

— Это значит действовать растопыренными пальцами. А наша задача бить кулаком. Пытаться выполнить две задачи

одновременно — это значит не быть подготовленным в короткое время к выполнению ни одной из них.

— Что вы скажете о Птухине, товарищ Кушаков? — продолжил разговор Уборевич, когда инспектирующие вышли из штаба эскадрильи.

— Я думаю, он прав. Если завтра война, то истребителям хватит своих забот.

— Да, наверное. Может быть, на учения не привлекать его эскадрилью? Ведь нарком и штаб РККА ждут от нас на этих учениях решительных действий по наземным целям.

* * *

Птухин летел в Смоленск на сборы командиров эскадрилий и бригад, которые проводил Алкснис. Пумпур улетел раньше.

Внимательно осматриваясь, Евгений Саввич вышел на прямую к третьему развороту. Впереди и ниже шел самолет Р-5 [Р-5 — двухместный полутораплан, разведчик, штурмовик, торпедоносец]. Он почти по-истребительски заложил крен и с большим снижением развернулся на посадочную прямую. Птухин без труда нагнал его и на минимальной дистанции одновременно с ним произвел посадку.

На пробеге тяжелый Р-5 быстро потерял скорость, и Евгений Саввич, чтобы не обогнать его, начал сильно работать рулем поворота, увеличивая торможение. Тем не менее они остановились почти одновременно. На стоянке пилоты вылезли и, обогнув плоскости, оказались друг против друга.

— Саша! — Птухин ринулся к летчику с двумя ромбами на петлицах.

Сдернув шлем, комбриг Туржанский устремился навстречу Птухину.

— Сколько лет-то прошло, сколько! — не разжимая объятий, трясли они друг друга.

— Ты как здесь? Я знал, что в последнее время командовал бригадой в НИИ ВВС, — удивился Евгений Саввич.

— Да, но я ведь штурмовик, а в НИИ много канцелярской работы. Мой кабинет вот здесь. — Он указал рукой на самолет. — Словом, упросил отпустить в строй. Недавно принял бригаду штурмовиков в Гомеле. Ну да обо мне хватит, как ты? Уже знаю, что командуешь истребительной эскадрильей. Растем! Всего-то лет двенадцать прошло с тех пор, как стоял в строю моторист Птухин-Попелюхин, а теперь вот он — командир сорока трех истребителей и даже полнеть начал от важности.

— Я что, хвастаться нечем, работаю. А вот о тебе молва идет еще с киевских маневров 28-го года, когда ты конную дивизию Криворучко разогнал своими штурмовиками.

В первый день по обстановке, составленной штабом округа для военной игры на картах, каждый командир должен был доложить свое решение. Третий раз Алкснис поднимал Птухина, требуя все новые варианты прикрытия бомбардировщиков. Командир бомбардировщиков никак не мог предложить решение прорыва через заслон истребителей противника. Птухин волновался, видя нелепость предлагаемых вариантов.

— От такой чехарды можно все истребители потерять, — вспылил он. К потере истребителей, пусть даже теоретической, отнестись равнодушно Птухин не мог.

— А вы можете предложить лучший вариант? — в упор спросил его Алкснис.

Птухин подошел к карте и изложил план нанесения удара бомбардировщиками и прикрытия их истребителями. Алкснис слушал внимательно. Потом с небольшим уточнением одобрил решение Птухина.

Второй день сборов Алкснис посвятил проверке летной подготовки командиров. Он прошел вдоль строя командиров и, останавливаясь перед каждым, объявлял: «С вами я сам слетаю. Вас проверит инспектор. Вы, товарищ Туржанский, проверяться не будете». Очередь дошла до Птухина.

— Сейчас над стартом выполните высший пилотаж. Основным ориентиром на вертикальных фигурах считайте «Т». Очередность фигур: два глубоких виража, переворот левый, иммельман [Иммельман — фигура высшего пилотажа, в настоящее время называется полупетлей] правый, переворот правый, ранверсман левый, два срыва в штопор в обе стороны.

— Ну, Женя, повнимательней, Яков Грозный (так за глаза летчики величали Якова Ивановича Алксниса) что-то от тебя ждет. Таких заданий он не дал никому, — провожали его к самолету Туржанский и Пумпур.

Для Алксниса и Уборевича возле «Т» поставили табуретки, все остальные стали полукругом сзади.

Птухин был в ударе. Он крутился над стартом строго в плоскости «Т», словно привязанный к этому ориентиру на земле. Четкие фигуры плавно переходили одна в другую без задержек.

— Вы знаете, — повернулся Алкснис к Уборевичу. — После Анисимова и Чкалова, по чистоте пилотирования в нашей авиации я бы назвал третьим Птухина.

Выйдя на посадочную прямую, Птухин снизился до 20 метров, затем на краю аэродрома перевернул самолет вверх

колесами и прошел до первого разворота.

— Сколько же вы можете так лететь вниз головой? — спросил Уборевич, когда Птухин доложил о выполнении задания.

— Сколько хватит горючего!

— Иметь таких людей! Вам позавидуешь, Яков Иванович.

Глава III
СМОЛЕНСК

Совещание командиров авиабригад и эскадрилий, посвященное замене устаревшего наставления по стрелковому делу ВВС и разработке временных курсов боевой подготовки по родам авиации, проводимое Алкснисом, подходило к концу. Яков Иванович торопился. С заменой наставления тянуть было нельзя, так как старое, признававшее обучение главным образом в воздухе, из-за своей неэффективности было похоже на стрельбу не патронами, а рублями. Участники совещания в этот же день разъезжались по своим частям.

— У вас есть дела в Москве, товарищ Птухин? — придержал Алкснис Евгения Саввича, когда совещание закончилось.

— Нет, — ответил тот, хотя собирался побыть несколько часов с мамой и сестренками перед отъездом в часть.

— Тогда задержитесь ненадолго или лучше давайте прогуляемся и потолкуем.

Они вышли в приемную, в которой, несмотря на поздний час, сидела за своим столом Клавдия Александровна Озерова, бессменный секретарь менявшихся начальников ВВС. Немногословная, предельно педантичная, с феноменальной памятью, она стала здесь предметом добрых шуток по поводу того, что только глубокое уважение к Баранову, а потом к Алкснису мешает ей занять пост начальника ВВС РККА.

— Вам в какую сторону? — обратился Алкснис к Евгению Саввичу, когда они выходили из подъезда.

— Можно налево по Варварке вниз, потом…

— В смысле по улице Разина? — И сразу же возвратился к делу. — Мне Уборевич говорил о вас как о хорошо подготовленном, способном командире, а ему можно верить, он человек тонкого чутья. Да я и сам убедился на сборах. А что вы читаете сейчас из художественной литературы? Кто вам из авторов больше нравится?

Птухин почувствовал, как стал густо краснеть. — Стыдно признаться, но похвастаться здесь нечем.

— Вас, как и всех командиров, заела текучка, да? Скверно это. Мы не можем себе позволить профессиональную узость,

иначе превратимся в неполноценных граждан. Стыдно перед писателями, композиторами. Для кого они пишут? Ведь не для бездельников же? Знаете, скажу по секрету, есть человек, которому я по-хорошему завидую и восхищаюсь. Это Михаил Николаевич Тухачевский. Конечно, воспитание со счетов сбрасывать нельзя, но он и сейчас вровень с современностью в литературе, искусстве, во всем. А ведь у него не меньше работы, чем у нас с вами. Я слышал, как он играет на скрипке и на рояле. Так играть нельзя, если не садиться за инструмент систематически. Видимо, какая-то своя, особая организация труда. Ну а теперь о деле. Как вы смотрите, если вам дадут бригаду?

Птухин от неожиданности даже остановился.

— Ну, ну, неужели не думали, не мечтали об этом? Не может быть. Как-то Михаил Иванович Калинин сказал, что наш солдат может и должен носить маршальский жезл в ранце. Эту надежду дает ему Советская власть.

— Мечтал, конечно, но как ответить на такой вопрос, не готовился.

— Дело не в ответе. Важно, что об этом думали, мечтали, а следовательно, готовились. Видимо, это будет Смоленская бригада.

— Но там же опытный командир, я знаю его по службе в Подосинках…

— Да, опытный, но как бы это сказать помягче, вылетался, что ли. Словом, бригаде нужен новый командир. Там новый начальник штаба Новиков [А. А. Новиков — впоследствии Главный маршал авиации].

— Он из пехоты?

— Вас это смущает? А как вы относитесь вообще к тому, что ВВС укрепляются опытными общевойсковыми командирами?

— Отрицательно. Мне понятно, что теория глубокой операции требует основательных знаний общевойсковой тактики, а у нас, авиаторов, здесь серьезный пробел. Но не лучше ли восполнить этот пробел на курсах или специальной учебой, чем пехотных командиров учить летать? Они ведь уже не мальчики. Это же невыгодно государству.

— Любопытно. Вы знаете, я ведь тоже из пехоты, а звание пилота получил в тридцать два года. И ничего, не жалуюсь на усталость во время полетов. Конечно, лучше было бы восполнить пробел в общевойсковых знаниях авиаторов так, как вы советуете. Но тогда бы пришлось «доучивать» всю авиацию: от рядового летчика до командиров бригад. Для этого у нас никаких курсов не хватит. В данной обстановке приходится выбирать между

«выгодно» и «необходимо» в пользу последнего. Кроме того, у нас еще есть один серьезный пробел — в дисциплине. «Пехотинцы» и этот пробел помогут восполнить. Мы своими силами пока не можем. Слишком мала «Академия Алксниса» — так, я слышал, называют дисциплинарные курсы, созданные мною при школе спецслужб. Потом, где же набрать вас, «потомственных» авиаторов, на все руководящие должности? А практика показала, что из «пехотных» получаются неплохие начальники штабов, да и командиры. Бригада Смушкевича — одна из лучших в ВВС, а он ведь пехотинец. Конечно, это мера временная.

* * *

Птухин уже перестал ждать новое назначение. Времени прошло много. Дел сделано еще больше… Наставление, которое они обсуждали у Алксниса, названное «Курсом огневой подготовки», требовало практической проверки. «Обкатать» его было поручено группе летчиков во главе с Птухиным. Евгений Саввич гордился полученным заданием, поскольку за ним было решающее слово практика в заключении авторитетной комиссии, состоявшей из представителей Управления ВВС, ученых Академии имени профессора Жуковского (а в их числе и Лапчинский). После того как Птухин предложил ввести «коэффициент трудности», учитывающий атаку с передней полусферы, Лапчинский все чаще стал привлекать его к решению вопросов теоретического характера.

Пользуясь случаем, комиссии поручили проверить только что предложенный электросинхронизатор эскадрильского умельца-моториста. Изобретение интересное, сулившее большие выгоды и надежность стрельбы. Старый механический синхронизатор [Синхронизатор — приспособление, обеспечивающее стрельбу через плоскость вращения винта], громоздкий по конструкции, часто выходил из строя.

Испытания на земле давали хорошие результаты, и многие члены комиссии доказывали Птухину, что проверка в воздухе — ненужная формальность. Однако Евгений Саввич не торопился. Подробно изучив приспособление на земле, он слетал с ним на полигон, пострелял и остался доволен. Но, прежде чем поставить подпись, решил еще проверить его работу на высоте.

Когда члены комиссии рассматривали пробоины в пропеллере после приземления самолета, Птухин подвел итог испытанию: тяги, вынесенные из обогрева мотора, при низких температурах замерзали и заклинивали. Надо либо подводить

тепло от мотора, либо менять конструкцию синхронизатора.

* * *

Начался 1934 год. Все реже вспоминал Птухин о предложении Алксниса. Однако, когда ему передали, что завтра в 17 часов его вызывает командующий округом Уборевич, внутреннее чутье подсказало, что это связано с назначением.

Секретарша командующего округом взглянула на вошедшего, на свои записи, потом на часы.

— Товарищ Птухин? Вам назначено на семнадцать часов.

Было без четверти пять.

— Я подожду.

В 17 часов из кабинета командующего вышла группа военных. Тотчас секретарша доложила Уборевичу о Птухине и, оставив дверь открытой, пригласила:

— Иероним Петрович ждет вас.

«Позавидуешь, вот это порядочек, — подумал Птухин, — только у нас черта с два так получится. Разве кто-нибудь будет дожидаться за дверью кабинета командира бригады, если сел на вынужденную самолет?»

Уборевич энергично поднялся из-за стола навстречу Птухину.

— Реввоенсовет округа согласен с предложением начальника ВВС назначить вас командиром и комиссаром 450-й смешанной бригады. Так что поднимайте паруса для большого плавания, — улыбаясь, пожал Птухину руку…

* * *

Смоленская бригада, как потревоженный улей, уже давно настороженно ждала нового командира. Жалели старого, уехавшего на восток. Хороший был человек, никого не обидит, не подгонит. Да и куда подгонять, когда сам он считал, что чем больше летаешь, тем больше аварий и катастроф. Поэтому бригада перевыполняла план наземной подготовки за счет летной. Жалели старого командира еще и потому, что многие были наслышаны о беспокойном характере нового, особенно в части, касающейся полетов. Да и с летной подготовкой тоже неизвестно, как будет. Новый комбриг ведь заядлый истребитель.

Не спеша расчехляли моторы, переговаривались летчики и техники 4-й и 9-й истребительных, 35-й и 42-й бомбардировочных эскадрилий и разведотряда.

Грохот мотора на полном газу возник почти одновременно с появлением истребителя на малой высоте над аэродромом. А он уже ввинчивался свечой вверх и после трехкратной восходящей бочки закончил фигуру иммельманом. Звук затих. Казалось, набрав высоту, летчик выключил мотор. Так же тихо, сделав переворот, он быстро стал камнем падать вниз. Почти у самой земли вышел из пикирования. Снова оглушительно взревел мотор, и машина устремилась вверх. Начался фейерверк фигур. Многие, знавшие технику пилотирования Птухина, безошибочно определили прибытие нового командира. Побросав работу, механики и летчики с восхищением наблюдали, как необычно представлялся новый комбриг своим подчиненным.

Вся жизнь бригады теперь переместилась на аэродром. Полеты не прекращались ни днем, ни ночью. Доставалось всем: и «сынкам-истребителям», и «пасынкам-бомбардировщикам», особенно когда Птухин овладел самолетом Р-5 и стал летать вместе с разведчиками и бомбардировщиками.

— Скажи, Александр Александрович, во время боя где в пехоте находится начальник штаба? — обратился комбриг к начальнику штаба бригады Новикову.

— Как правило, на КП вместе с командиром, а что?

— Вот! Аэродром — это наше поле боя. Сам не сиди в штабе во время полетов и своим подчиненным не позволяй. А разве у тебя нет желания подняться, подышать настоящим воздухом?

— Подышать я поднимался в 1932 году в качестве стажера. А если точно, то еще на десяток лет раньше, в 22-м, в Подосинках, когда я учился на курсах «Выстрел».

— Как в Подосинках? Я там служил в это время.

— Может быть, мы и виделись, но я, честно, не помню.

— Где ж тебе помнить? Ты был уже вроде как командир, а я всего мотористом у Васильченко.

— Я и Васильченко не знал тогда… А вообще-то есть желание овладеть современным самолетом по-настоящему.

— Если есть, то приступай, я помогу с удовольствием. Сначала на У-2, а потом на Р-5. Я ведь тоже только что освоил его, хотя, честно признаюсь, летаю на нем без удовольствия. Не по мне этот самолет.

Настойчивость, с которой Новиков, бывший начальник разведки стрелкового корпуса, овладевал летным мастерством, нравилась Птухину, хотя от своего негативного отношения к «пехотным» в авиации он еще избавиться не мог (по крайней мере для истребителей) и считал Новикова удачным исключением.

Проинформировав руководящий состав о вышедшем «Курсе ночной и слепой подготовки летчиков», Птухин свое сообщение

закончил словами начальника ВВС Алксниса: «Сдать нелетную погоду в архив истории». Затем предложил остаться только командирам истребительных эскадрилий.

— Откровенный разговор. Чем объяснить, что вы все игнорируете полеты со мной на воздушный бой? Вы что, сговорились? Я планирую бой, а перед вылетом выясняется: один уже улетел, другой подсовывает командира звена, третий выставляет еще какую-либо причину. Я уже по разу слетал со всеми командирами звеньев. Это похоже на организованный бойкот. Как прикажете понимать? — Птухин сидел нахмурившись.

Наступила неловкая тишина.

— Я скажу, товарищ командир, — встал комэск Головня. — Дело совсем не в бойкоте. На нас, командиров эскадрилий, летчики сейчас смотрят как на асов. Воздушный бой вы ведете над аэродромом. Преимуществ нам не дадите. Ну, каково мне на глазах у подчиненных потерять свой авторитет? А что это случится, не сомневаюсь. Сейчас я для них ас, а потом, по вашей классификации, «марала».

— Так я же командир бригады, значит, и должен быть сильнее, — смягчаясь, возразил Птухин. — Решено, будем уходить на бой в зону подальше от аэродрома. Я ведь обязан проверять своих командиров. Но уступать не буду — это ясно. Бой должен быть на полную отдачу, «с перцем». А если нет, то лучше не летать. Вчера во время облета зон видел, как два «маралы» отрабатывали групповую слетанность. Смотреть тошно. Никакой осмотрительности, называется, истребители. Хвостовые номера я передал начальнику штаба. Найти их и обоих ко мне на проверку. Передайте всем летчикам, что я и впредь буду летать по зонам. Варежку не жевать, а крутить головой на все 180 градусов. С такой групповой слетанностью наши истребители никогда не попадут на первомайский парад в Москву. Так и будет летать туда Брянская бригада. Вопрос второй. Нам поставили задачу: подготовить одну эскадрилью на И-5 для отправки на восток. Самолет, сами знаете, ротозеев не любит, поэтому летчиков подобрать лучших, а не наоборот. Не нужно, чтобы нас упрекали в недобросовестности. Лучше сами будем мучиться с плохими. Сроки жесткие. Проверять эскадрилью приедет начальник ВВС округа. И последнее. В конце каждой пятидневки будем проводить соревнования по стрельбе и бомбометанию. Цель — макет паровоза и вагона. Штаб разрабатывает систему награждений, которые будут вручаться прямо на аэродроме. Лучшая премия за прямое попадание. Карикатуры «марал» будут изображены в стенгазете.

Проверять эскадрилью, отправляемую на восток, приехали сам командующий Уборевич, начальник штаба округа Мерецков [К. А. Мерецков — впоследствии Маршал Советского Союза] и новый начальник ВВС округа Локтионов.

— Чем вы объясните большую аварийность на И-5? — обратился Уборевич к Птухину. — Летчики по-разному отзываются о самолете. Что вы скажете?

— Мы его только начали осваивать после И-3. У многих летчиков мал опыт. Самолет строгий. На взлете и посадке сильный гироскопический момент. Если вовремя не парировать, можно сломать шасси или скапотировать. В числе первых в этом убедился начальник ВВС Алкснис…

— Этого момента на И-3 не было? — перебил с ноткой недовольства Уборевич.

— Был, но менее сильный из-за длинного фюзеляжа, более эффективного руля направления.

— А что вы скажете о плоском штопоре самолета? Летчики говорят, из него невозможно вывести и выпрыгнуть тоже.

— Это беда самолета. Со временем выяснят причину штопора и меры борьбы. Пока известны только признаки, по которым можно предугадать штопор, а следовательно, предупредить его.

— Предугадать? А если поздно гадать? Что же вы советуете летчику? Жди терпеливо, скоро конец? А вас самого разве не будоражит жажда поиска? Неужели нужно ждать, когда об этом выскажутся испытатели? А чем они лучше вас, опытных командиров?

Это был прямой упрек. Как же ему не пришла в голову мысль самому освоить штопор на самолете И-5? Неужели она должна была родиться сначала у командующего? Хороший урок на будущее.

— Считайте это для себя моим заданием номер один.

Сухо попрощавшись, Уборевич вышел из кабинета.

Птухин тотчас наметил программу полетов на плоский штопор, которые он решил выполнять сам. И когда на следующий день пришло указание о порядке вывода И-5 из плоского штопора, он искренне огорчился, что не успел выполнить задание командующего, которого глубоко уважал.

Закончились осенние маневры 1934 года, в которых Смоленская бригада была названа одной из лучших. Остались довольны маневрами нарком Ворошилов и начальник штаба РККА Егоров. Одобрительно отозвались представители генеральных штабов иностранных государств, не упускавшие случая познакомиться с подготовкой ответственного Белорусского округа.

Иероним Петрович пригласил гостей на спортивный праздник физкультурников Белорусского военного округа. Открывали парад авиаторы.

В точно рассчитанное время над стадионом, распластав громадные крылья, плавно и величественно стал выписывать фигуры летчик звена управления Саша Пронин [А. С. Пронин — впоследствии генерал-майор авиации]. Открутив в безмолвии положенное количество минут, он не успел выйти за границу стадиона, как с юго-запада, из-за домов, вырвался ярко-красный И-5 Птухина и с высоты 15–20 метров начал каскад восходящих фигур высшего пилотажа. Каждый вывод из пикирования сливался с многотысячным возгласом трибун. После того как самолет устремлялся ввысь, раздавались аплодисменты.

— Вы спокойно воспринимаете это зрелище? — обратился Уборевич к Локтионову.

— Да, это комбриг Птухин.

— Ну, ну. Если все кончится благополучно, передайте ему мою благодарность.

* * *

Все шло хорошо. Казалось, только радуйся успехам, вкладывай все силы в любимое дело, которое стало содержанием каждого дня жизни. Однако комбрига постепенно охватывала какая-то внутренняя неудовлетворенность, словно занимался не совсем своим делом. Еще на маневрах появилось сомнение в целесообразности смешанных бригад. Хотелось проработать решение на боевые действия истребителей до полной глубины, следить за его осуществлением, корректировать по мере необходимости. А тут нужно точно так же глубоко обдумать решение для бомбардировщиков, разведчиков и тоже своевременно вмешиваться, отчего распылялось внимание, а в душе росла неудовлетворенность.

Глядя вперед, он видел все-таки себя «чистым истребителем», только для этого самолета мечтал разрабатывать тактику его применения. Наконец, свою личную тренировку он мыслил вместе с такими же одержимыми маневром и скоростью летчиками.

Действительность была иной. Бомбардировочные эскадрильи казались путами на руках и ногах. Птухин заметил, что и кабинетные дела у него в основном связаны с бомбардировщиками. А полеты с ними сдерживали совершенствование его как истребителя. Больше того, ему

казалось, что от общения с ними притупляется его собственная быстрота реакций, сообразительность, навыки пилотирования истребителем. Постепенно зрело решение проситься в истребительные части.

Завершался 1934 год. Бригада крепла. Выполняя указание Алксниса, летчики интенсивно овладевали слепыми и высотными полетами. Росли свои опытные кадры, прибывали хорошие «бывшие пехотные». Поэтому без всякой предвзятости встретил Птухин нового командира эскадрильи Федора Фалалеева [Ф. И. Фалалеев — впоследствии маршал авиации], еще два года назад командовавшего стрелковым полком.

Радость успехов уходящего первого года второй пятилетки была омрачена злодейским выстрелом в Сергея Мироновича Кирова, чье имя неотделимо было от всего того, чего достигла Советская власть. Обращаясь к воинам Красной Армии, начальник Политуправления РККА Я. Б. Гамарник призвал в память выдающегося борца революции «повышать обороноспособность Родины, еще теснее сплотиться вокруг партии…».

Повышать оборонную мощь ежедневно, ежечасно вынуждала и международная обстановка. Мир постепенно втягивался в водоворот войны, центром которого стала Германия. Введением с марта 1935 года всеобщей воинской повинности в Германии Гитлер окончательно разрушил ветхий забор ограничений Версальского договора. Германия с поспешностью вооружалась, гигантскими скачками развивала авиацию. Похоже было, что фашисты действительно собирались реализовать указание Геринга: «Германская нация должна стать нацией летчиков». Иначе трудно было объяснить тот факт, что за год скромный, в 60 человек воздушный штаб Германии при министерстве транспорта разросся в самостоятельное министерство со штатом в 900 человек, а его бюджет к 1934 году увеличился по сравнению с 1932 годом в пять раз! Гитлер, успокаивая правительства соседних государств, заверял, что Германия обязана иметь воздушный флот, равный ВВС РККА.

Крепли Вооруженные Силы Советской Республики. Был принят второй пятилетний план военного строительства.

На совещании авиационных командиров нарком обороны Ворошилов рассказал о плане развития ВВС на 1935–1937 годы и задачах командиров частей. Последние его слова: «За вами остается обязательство выполнить указание товарища Сталина о том, что мы должны иметь летчиков, преданных делу пролетарской революции, смелых, отважных, выносливых и в совершенстве владеющих техникой, чтобы играть ею» — были

встречены громом аплодисментов.

В перерыве Птухин решительно направился к Алкснису, чтобы решить давно мучивший вопрос. Яков Иванович беседовал с комбригом Красовским [С. А. Красовский — впоследствии маршал авиации] и, увидев Евгения Саввича, опередил его:

— Товарищ Птухин, молодец, рад вашим успехам. Бригада в числе передовых и по налету и по безаварийности. Вам сейчас надо выступить, поделиться опытом. Считайте, что вы завоевали право участвовать в первомайском параде. Не подкачаете?

— Нет, все силы приложим, оправдаем доверие.

— А у вас ко мне вопрос? — испытующе глядя на Птухина, спросил Алкснис.

— Да нет, теперь уже нет. Пожалуй, теперь не время, — замялся комбриг.

— А, значит, просьба. Так я вас слушаю.

— Даже не знаю, с чего начать. Как бы вам объяснить… Истребитель я, а бригада смешанная — бомбардировщики, разведчики — лапша всякая… Извините, — спохватился он, — не по мне это.

— Вот как? Огорошили, с вами не соскучишься. А успехов с лапшой-то добились неплохих. Значит, работа по долгу, но вопреки желанию.

— Если необходимо, я буду работать и в смешанной.

— А знаете, вас ведь нельзя оставлять дальше в этой бригаде. Так сказать, первоначальный порыв кончится, а затем может наступить спад до равнодушия. Мы иногда не понимаем, почему у опытного командира идут дела все хуже и хуже, хотя, казалось бы, должно быть наоборот. Возможно, одна из причин этого — ваш вариант. Пожалуй, хорошо, что вы рассказали об этом. Спасибо за откровенность. Надо подумать. Но подготовка к параду остается на вашей совести…

«Подготовка к параду на вашей совести!» — со злостью повторял Птухин уже в который раз, глядя по утрам в окно на моросящий дождь. «Почему только на моей совести? Это какое-то наказание. До парада остается неделя. Даже если случится чудо и тотчас прекратится дождь, то и тогда солнцу не хватит недели высушить болото, в которое превратилось летное поле».

Подняв воротник реглана, он, сам не зная зачем, под дождем ходил по аэродрому. Не хотелось, наверное, выслушивать слова сострадания, с которых начинались встречи в штабе. И тогда Евгений Саввич решился на последний отчаянный шаг.

Вернувшись в штаб, он отдал распоряжение свозить на аэродром солому и объявить утром всему личному составу бригады общий сбор, желательно вместе с женами. Нужно в

короткий срок построить «соломенный аэродром»!

Утром, когда возле огромных копен соломы собралось несколько сот человек, к ним подъехал автомобиль, из которого с трудом выбрался дед. Рядом с комбригом он выглядел подростком, одетым в старую поддевку, залатанные холщовые штаны, заправленные в онучи, туго перетянутые лыковыми ремнями лаптей. Птухин представил его:

— Вот дед Иван, соломенных дел мастер, сейчас покажет, как плести маты. Ими мы уложим полосу для взлета самолетов. Иного выхода у нас нет. Эскадрилья должна уйти на парад в Москву точно в срок.

Птухин ходил среди людей, разбившихся на группы, проверяя качество работы, подбадривал шуткой, поощрял песни, соревнование. Постепенно росла гора плотных соломенных квадратов.

— Как думаешь, дед Иван, выдержат они самолет? — с тревогой спрашивал комбриг крупнейшего во всей округе специалиста по плетению соломенных половиков.

— Пес его знает, кабы телегу на болоте, так я тебе точно сказал — не сумлевайся. А такую махину?..

К исходу пятого дня полоса была готова. Уложены последние маты, но народ не расходился. Все чего-то ждали, хотя Птухин объявил, что завтра утром опробует соломенную полосу и решит. А что решит? Завтра эскадрилья к полудню должна быть в Москве. «Нет, люди не успокоятся до завтра. Нельзя их томить, они хотят знать сегодня, не напрасен ли их труд… Да и я сам изведусь до завтра».

Надо было спешить, до темноты оставалось не так уж много времени. Самолет на руках был подтащен к полосе. Птухин прожег свечи и отмахнул рукой, чтобы отпустили самолет. Нехотя, мягко приседая, Р-5 начал разбег. «Скорее поднять хвост, чтобы не резать костылем солому, — подсказывал сам себе Птухин. — Хватит ли полосы? Уже конец недалеко. А если не хватит — это верный скоростной капот, и вдребезги! Спокойно!» Усилием воли он удержался от соблазна оторвать самолет, заворожено глядя на соломенный край, отчетливо видный в десятках метров. Почти на самой кромке самолет неслышно отошел от земли. Птухин придавил ручку, выдержал самолет и на высоте 10–15 метров круто стал разворачиваться. Не выходя из разворота, он посмотрел на соломенную полосу, возле которой прыгали с поднятыми руками и подбрасывали в воздух шапки люди…

Утром, разбрызгивая грязь на разбитой полосе, последним взлетел комбриг. Четким строем, пройдя над стартом, эскадрилья

взяла курс на Москву.

* * *

Внутрибригадные футбольные встречи Птухин любил судить сам, а матчи между истребителями просто никто, кроме него, судить не брался, потому что спорные моменты самой игры и тонкости судейства эти «петухи» выясняли недозволенными приемами. Уже и сегодня судье приходилось дважды серьезно вмешиваться в игру, особенно в начале второго тайма, когда вместо свистка по поводу закипающих страстей судья-комбриг сам в порыве азарта закричал: «Эх вы, маралы, верный гол не забили!» Это, наверное, и был сигнал к тому, что «маралы» кинулись выяснять, кто из противников подставил ножку нападающему. Трибуны немедленно отреагировали. Гвалт стоял такой, что трудно было услышать голос дежурного по штабу:

— Товарищ комбриг, товарищ комбриг!

— Ладно, оставьте. Дело не срочное, — остановил дежурного командующий ВВС округа Чернобровкин. — Посмотрим, чем кончится эта битва.

После матча командующий предложил Птухину пройтись пешком.

— Я думаю, если штаб округа не вмешается, то такое азартное судейство когда-нибудь закончится избиением рефери объединившимися командами, — все еще улыбаясь, начал разговор командующий округом.

— Как это вмешается! Запретит, что ли? — Птухин еще не остыл от спортивного азарта.

— Нет, не запретит, а переведет вас. Есть решение о назначении вас в Бобруйск командиром истребительной бригады… Не понимаю я настойчивости Алксниса. Зачем это? Только вытянули бригаду в число передовых, и вот, пожалуйста. Чему вы улыбаетесь? Вас это радует?

— Простите, так, вспомнилось.

«Спасибо, Яков Иванович, за исполнение просьбы», — благодарил он мысленно начальника ВВС.

Птухин даже сам растрогался, когда увидел искреннее сожаление на лицах людей, выстроенных на аэродроме. Много ли прошло времени, а сколько сделано вместе.

— Давай, Александр Александрович, действуй, па тебя остается бригада, — пожал он крепко руку Новикову.

Открутив над аэродромом прощальный пилотаж с «перцем», Птухин, покачав крыльями, взял курс на Бобруйск.

Люди долго не расходились. На поле не было ни одного летчика, к судьбе которого за это короткое время не прикоснулся комбриг Птухин.

Глава IV
ГОТОВ ЛИ ТЫ?

Мало кто из летчиков Белорусского округа не знал этот большой песчаный и пыльный аэродром на юго-восточной окраине Бобруйска. Птухин много раз бывал здесь.

После каждой посадки пыль не позволяла взлетать или садиться минут тридцать-сорок. К концу полетов летчики становились похожими на кочегаров. Но почему-то все думали не столько о себе, сколько о моторах, из-за пыли выходивших из строя раньше срока.

Оглядывая небольшой ангар, одноэтажное каменное здание штаба, деревянную веранду-столовую и полуподземное бензохранилище, Птухин на секунду пожалел о своем переводе, вспомнив благоустроенный Смоленский гарнизон. А здесь… Не дай бог война. Разве соберешь быстро по тревоге командиров, живущих на частных квартирах Березинского форштадта, или рядовых из казарм стрелкового корпуса в крепости города?

— С чего думаете начать, Евгений Саввич? — вывел из размышлений комиссар Маслов.

— В первую очередь летное поле засеять, оборудовать ангары, жилье для людей. Бригада должна жить компактно. Это необходимо и для боевой готовности, и для того, чтобы благоустраивать гарнизон общими усилиями. Потом…

— Этой работы хватит и нам, и нашим потомкам, — перебил начальник штаба.

Птухин резко повернулся.

— Потомков через год еще не будет, а гарнизон должен быть. С осени начнут приезжать летчики из школ на пополнение, и если их не принять в нормальные условия, то крылья у них опустятся.

* * *

Поезд сильно заскрежетал тормозами, все повалились по направлению движения, а в вагоне появился запах горелых букс.

— Эй, соколики, станция Березина, ваша, вылезайте, да поживее, а то стоянка одна минута, — со свечным фонарем в руках пробирался к летчикам по узкому забитому проходу проводник.

— Ну, с чего начнем, ребята? Со знакомства с девушками города или со знакомства с начальством? — обратился к друзьям Иван Соколов, когда летчики остались на перроне.

— Да, у начальства только и забот, что знакомиться с тобой. Ждет не дождется, когда ты прибудешь в кабинет.

— Вот я и говорю, давайте бросим вещички у дежурного по штабу и, пока о нас доложат по длинной лестнице инстанций, перезнакомимся со всеми невестами и юными вдовушками не старше двадцати.

— Надо бы помыться и почиститься с дороги, а то невесты не поверят, что мы холостяки, — предложил Виктор Годунов [В. А. Годунов — впоследствии генерал-майор авиации].

— Хорошо, звоним в штаб и выясняем обстановку. Ходивший звонить в часть Николай Герасимов вернулся быстро.

— Вот это номер! Оказывается, нас ждут, и сейчас приедет на станцию машина.

Уже в темноте, сильно раскачиваясь на ухабистой дороге, полуторка подкатила к крыльцу одноэтажного дома.

— Это штаб, проходите, товарищи командиры, — предложил шофер-красноармеец.

— Здравствуйте. — Из-за стола встал высокий лейтенант — дежурный по части. Он пожал каждому руку, неизменно добавляя: — Платон Смоляков. Не из Качи будете? — Узнав, что все из Оренбурга, добавил: — Жаль.

А почему жаль? Видимо, сам был из Качинской школы.

— Мы вас ждем… На днях прибыли еще шесть человек: Панфилов, Скляров, Лопатко, не знаете таких?.. Ничего, познакомитесь. Вон там гостиница, я позвонил… Идите устраивайтесь.

Почти следом за молодыми летчиками в гостинице появились два капитана.

— Комэск Чумаков.

— Комэск Зеленцов. Давайте познакомимся.

Несмотря на поздний час, комната наполнялась все новыми и новыми летчиками, и почти все разговоры связывались с именем командира Птухина. К концу беседы у вновь прибывших портрет комбрига сложился вполне определенный: отличный летчик, энергичен, строг, требователен, справедлив и, как они сами уже убедились, заботлив.

На следующий день по приказу Птухина был собран летный состав двух вновь формируемых эскадрилий. Выслушав рапорт Чумакова, он поздоровался, разрешил сесть.

— Познакомимся, когда начнем летать. А сейчас поговорим о деле, о наших больших задачах. Я не помню, — комбриг усмехнулся, — чтобы в армии были маленькие задачи. Они всегда большие, иначе быть не может. Только для вас лично они еще и удваиваются, потому что сроки их решения маленькие. В приказе

на новый учебный год говорится, что 1936 год станет годом перехода на новую материальную часть и мы должны овладеть ею в совершенстве. Особое внимание уделяется в приказе воздушным боям, которые должны стать для нас обязательным элементом каждого полета. Групповые воздушные бои, круговые перелеты станут проверкой готовности бригады к большим осенним маневрам. До весны вам нужно в совершенстве овладеть новым для вас самолетом И-5 и вместе со «стариками» изучить поступающий истребитель И-16 [И-16 в то время самый лучший в мире истребитель. Имел максимальную скорость до 450 километров в час. Выдержал пятнадцать модификаций]. Раньше на подобное отводилось около двух лет. Наша задача сделать 142-ю истребительную бригаду лучшей в ВВС, чтобы приставка «бобруйская» была вроде титула за победы, например, как у Суворова.

Вскоре официальная атмосфера беседы сменилась дружески доверительной, в которой Птухин столько же спрашивал, сколько и отвечал. Это был один из птухинских приемов изучения молодых летчиков.

* * *

Никто никогда не знал, когда появится на занятиях Птухин.

Командир эскадрильи Павлов просто и убедительно объяснял выполнение виража на самолете И-16 и, поскольку вопросов не было, стал рассказывать теорию петли. Вошел комбриг, жестом показал, чтобы занятие не прерывалось, сел на свободное место. Видимо, желая подчеркнуть сложность пилотирования И-16, Павлов перестарался. Его словно подменили. Из объяснений следовало, что теперь чуть ли не каждое движение рулями ведет к срыву в штопор.

Птухин хмурился, наконец не выдержал:

— Что вы летчиков запугиваете? Послушаешь вас, так петлю не захочешь делать. Мне и то страшно стало…

Ему-то страшно не было. Каждый раз перед началом полетов комбриг взлетал на своем ярко-красном «ишачке» [«Ишачок» — так ласково летчики называли самолет И-16] и, как любил говорить, «разминал кости». Маленький тупорылый моноплан И-16, совершенно непохожий на «этажерки» И-3, И-5, подобно назойливой мухе, то кружился над головой, то свечой устремлялся вверх, делая по две-три восходящие бочки в обе стороны. Глядя, с какой легкостью машина выполняет фигуры, не верилось, что этот самый легкий в мире истребитель сложен в

пилотировании и рассчитан на летчика высокой квалификации. Сам комбриг этого никогда не подчеркивал.

Когда прерывались полеты из-за погоды, молодые летчики садились за вычерчивание схемы района полетов радиусом 300 километров. Это было требование комбрига. И комэск Чумаков, раздавая листки бумаги, заученно повторял слова Птухина: «Близость госграницы обязывает нас знать район полетов не хуже своей биографии. Тот, кто потеряет ориентировку и пересечет границу, считается преступником, а если сядет на вынужденную там — изменник Родины».

Ребята старались. Однако Чумаков, знавший район отлично, с беспристрастностью криминалиста выискивал неточности в схеме и безжалостно ставил двойки, добавляя:

— На «три» знаю я, на «четыре» — комбриг, на «пять» не знает никто, потому что в природе все течет, все изменяется.

* * *

Весна 1936 года, казалось, полностью учла заботы бригады. Бурно и коротко прошло необходимое количество дождей, рано установились теплые солнечные дни. Теперь Птухина почти каждое утро можно было увидеть на аэродроме. По его приказанию летное поле засеяли травой. Сидя на корточках, он, казалось, замерял, на сколько миллиметров прибавилась травинка за прошедшие сутки. Чтобы не делать «плешин», старт каждый раз перемещали на новое место, давая примятой колесами траве возможность выправиться.

Аэродром начинал гудеть с восходом солнца, с традиционной «разминки костей» комбрига в воздухе. Затем вместе с командирами эскадрилий и отрядов он проверял подготовку к вылету четырсх-пяти летчиков. Если была необходимость, то и сам летал за инструктора целый день.

Вот и сейчас, сидя за спиной молодого летчика Виктора Годунова, он отмечал особенности его пилотирования. «Фигуры, пожалуй, следует делать более плавно… И выдерживание направления на пробеге энергичное, часто излишнее. Казалось, самолет и попытки не делает отклониться, а пилот уже задергался. Нервничает, и опыта мало. Со временем освоится, не будет так… Пожалуй, можно выпускать одного».

После приземления Годунов подскочил получить замечания. Рука его во время отдания чести мелко дрожала, а пот крупными каплями зацепился за брови. Вспомнил Евгений Саввич, как он сам получал послеполетные замечания у Саввова. Вспомнил и

дружески улыбнулся.

Птухин радовался. Бригада набирала силу. Крепли крылья молодых пилотов. Бывало, не успеет комбриг пристроиться к кому-нибудь из летчиков в зоне или на круге, а тот уже покачивает с крыла на крыло: вижу, мол. Осмотрительность истребительская. Молодцы! Приятно смотреть, как на малой высоте выскакивает звено или отряд в плотном строю, крыло в крыло, и, глубоко заложив крен, один за другим отваливают на посадку.

Иногда надо бы поработать и в кабинете, но вот взревел мотор на взлете, комбриг невольно отрывается от бумаг, подходит к окну и провожает взглядом самолет до набора высоты. Прямо хоть занавешивай окна, невозможно работать!

Последнее время появилась какая-то тревога на душе. Уж слишком хорошо все идет в бригаде. Самолет можно считать освоенным, все летают уверенно, несут боевое дежурство, по тревоге взлетают в предельно короткое время. Ни в одной другой бригаде не освоили И-16 без поломок. «Старики» эскадрильи Павлова даже летали на воздушный парад и были отмечены в числе лучших.

Но опытом Птухин чувствовал, что неприятность где-то уже близко. Чем она будет вызвана, он еще не определил, но как будто бы наметилась у летчиков какая-то фамильярность с самолетом, в идее конструкции которого заложено обращение на «вы». Как и когда появилась эта самоуверенность? Птухин чувствовал, что еще не готов к тому, чтобы пресечь эту фамильярность с самолетом, не ударив ненароком по вере летчиков в свое мастерство. Но необходимость в этом уже появилась. Это и тревожило комбрига.

Птухин, как всегда, первым вылез из самолета. На рулении он отстегивал ремни и выпрыгивал из кабины до того, как останавливался винт. После посадки обязательно шел за хвост машины и закуривал. Такая выработалась привычка.

В этот раз подскочил комиссар Маслов с газетой в руках.

— Евгений Саввич, с вас приходится, вот смотрите.

Птухин увидел в длинном списке подчеркнутое красным карандашом: «Птухин Е. С. — комбриг». Потом выше «орденом Красная Звезда», еще выше «Постановление Центрального Исполнительного Комитета СССР от 25 мая 1936 г.». «За выдающиеся личные успехи по овладению боевой авиационной техникой и умелое руководство боевой и политической подготовкой Военно-Воздушных Сил РККА наградить…»

— И Павлова наградили орденом «Знак Почета».

Приятно было видеть газету и принимать поздравления

окруживших летчиков. Первая награда, и какая — орден Красной Звезды!

— Смотрите, смотрите, на пробеге!.. — закричал кто-то в толпе. Когда все оглянулись в сторону посадочной полосы, там уже стоял на носу И-16, стоял устойчиво, будто поставленный давно и основательно.

«Вот оно, черт побери! Опоздал!» — успел подумать Птухин и ринулся во главе толпы к самолету. На ходу они видели, как осторожно по фюзеляжу ополз летчик лейтенант Скляров. Он сначала опустился на землю, но, увидев в толпе бегущих комбрига, быстро вскочил.

— Что случилось? — Птухин с трудом перевел дух.

— Товарищ комбриг, не удержал направление и…

— Почему не удержал? — почти навис над ним Птухин.

— Расслабился, зазевался.

— Ах, ты расслабился, сукин сын, разнежился! Ты что же, думаешь, тебе дали такой замечательный самолет нежиться? Дудки! Больше не будешь летать! Каждое утро на поганой метле вокруг аэродрома скакать, понял? Марш с аэродрома!

На разбор были собраны три эскадрильи. Судя по реакции комбрига на старте, ожидался крупный разнос.

— Знаете, что вчера произошло? — Птухин обвел глазами присутствующих. Все притихли. — Значит, объяснять не надо. Может, у вас, герой дня, есть оправдание? Или только обида на меня?

Скляров поднялся, опустил голову. Конечно, вчера у него была обида. Так обругать, да еще при всех! Он бежал с аэродрома до гостиницы с пылающими от стыда ушами. Думал найти сочувствие у своего друга Ивана Панфилова, только что вернувшегося из отпуска. Но Иван его не поддержал.

— Ты сам подумай: из-за чего сломал самолет, государственное добро? Так что же. комбриг должен был по головке тебя погладить? Видя снисходительность командира, завтра другие начнут «варежку жевать» на посадке.

Нет, сегодня Скляров уже не обижался, зло разбирало на себя за беспечность. Противно залились румянцем щеки.

Птухин видел, что парень переживает. Он знал, что Скляров летчик-то неплохой. И конечно, уже никогда не позволит себе еще раз расслабиться в кабине.

Тишина затягивалась. И вдруг, все даже вздрогнули, комбриг захохотал.

— Я вот представил сейчас себя на вашем месте — съезжающим на пятой точке по фюзеляжу на землю. Страх — как необычайно и, должно быть, противно!

От взрыва хохота задребезжали стекла.

— Ладно, потом как-нибудь расскажете, садитесь. Не забывайте, товарищи: каждый самолет — это не только народные деньги, это частица нашей готовности дать отпор врагу. Партия и народ в любой момент могут спросить: «Готов ли Птухин, Скляров или Годунов?»

Виктор Годунов вскочил, услышав свою фамилию:

— Так, как комбриг Птухин, я еще не готов. Пока не владею самолетом так, как вы!

— Как я? Почему как я? Учиться летать — это не значит подражать комбригу Птухину. Если подражать, то можно стать подобным Птухину. А летчик должен иметь свой стиль, как имеет его Птухин, как будет его иметь Годунов. — Раздался смех. — Зря смеетесь! Будет, обязательно будет. И через десяток лет такие же зеленые стручки скажут: «Смотрите, садится Годунов, так может сесть только он».

* * *

Одним из мероприятий социалистического соревнования между истребительными частями было выявление лучшего звена, отряда, эскадрильи по воздушной стрельбе. Лучшим в Бобруйской бригаде было звено Александра Гусева [А. И. Гусев — впоследствии генерал-майор авиации]. Его и представили комиссии ВВС.

Стреляли прямо над аэродромом по трем конусам, буксируемым звеном Р-5. Сотни глаз следили за маневром и стрельбой. Уже до сброса конусов многие поняли: доверие не оправдано.

Птухин не стал устраивать разнос Гусеву, а лишь сказал как-то горько:

— На месте комиссии я сделал бы вывод, что если у Птухина это звено лучшее, то худшее пулемет от оглобли не отличает.

— Волновались, товарищ комбриг, попросите перестрелять, голову даю, не посрамим.

— Я попрошу, и они, возможно, согласятся. А кого просить в настоящем бою?

— А ведь ребята в самом деле здорово волновались, Евгений Саввич, — подошел председатель комиссии. — Пусть завтра перестреляют. Ведь и в бою от волнения первый раз можно не попасть.

— Сегодня, — решительно попросил Гусев.

— Вы слышали — завтра, когда остынете. А то сгоряча

врежетесь в конус, — оборвал комбриг. Оборвал и сам пожалел. Гусева он любил как летчика, как человека, умеющего постоять за себя, если прав. На днях Гусев принес комбригу коллективный рапорт летчиков, желающих поехать добровольцами в Испанию. Вначале Птухин решил отчитать Гусева за нарушение уставного порядка — подачу коллективного рапорта, но передумал. Ведь Гусев просился на войну.

В последнее время Птухин стал приходить в какое-то смятение, когда заходил разговор об Испании. Причиной тому, наверное, была резолюция начальства на его рапорте с просьбой отправить в Испанию: «Всему свое время». А вот друзья Ваня Копец, Петр Пумпур давно уже там. Значит, их время наступило. А его еще нет? Птухина подмывало написать второй рапорт, но перспектива получить второй отказ с подобной резолюцией охлаждала пыл.

Был момент, когда Птухин обрадовался вызову к начальнику ВВС. Не сомневался, это Испания! Весело и таинственно, словно мальчишка, прощаясь, намекал, что, возможно, вернется не скоро. Но это была командировка в Чехословакию с военной делегацией.

Только работа притупляла остроту переживаний. А работы, слава богу, хватало. Предстояли крупнейшие осенние маневры, проводимые наркомом Ворошиловым.

* * *

К началу маневров бригада была подготовлена к воздушным боям в полном составе. Организацию взаимодействия сухопутных войск и авиации командующий войсками округа Уборевич поручил своему заместителю комкору Тимошенко [С. К. Тимошенко — впоследствии Маршал Советского Союза], который предложил высказаться командирам пехотных и кавалерийских дивизий, авиационных бригад. Вопрос решался об авиационном прикрытии форсирования реки Березины. Замысел этой операции предложил командир 4-й Донской казачьей дивизии Георгий Жуков [Г. К. Жуков — впоследствии Маршал Советского Союза, Министр обороны], требовавший начать авиационную подготовку еще до начала форсирования.

— А почему так рано надо действовать авиации? — обратился к Жукову Птухин.

— Ну, во-первых, для того, чтобы обеспечить шумовую маскировку подхода частей к реке, а во-вторых…

— Так и шумите артиллерией, четким планированием стрельбы, это проще и дешевле, а авиацию следует использовать с

началом форсирования.

— А я и не знал, что истребительной бригадой командует комбриг-экономист Птухин, — полушутя заметил Жуков.

— Он дело предлагает, Георгий Константинович. Почему бы не начать с артподготовки, — вмешался Тимошенко…

Когда, договорившись по всем вопросам, стали расходиться, Жуков, пожимая руку Птухину, предложил:

— Приезжай сам ко мне в качестве авиационного представителя да захвати бухгалтерские счеты, — и хитро подмигнул.

* * *

Заканчивался трудный 1936 год. Заканчивался хорошо, с большими достижениями в боевой подготовке. Это признал командующий округом на разборе маневров. Это подтвердил нарком, наградивший комбрига Птухина, первого по ВВС, новым автомобилем М-1. А главное, понимали сами летчики, каких усилий стоило штабу бригады и комбригу выполнить громадные задачи по освоению новой техники без аварий и катастроф!..

И вдруг…

Первые полеты после ноябрьских праздников совпали с преждевременными сильными заморозками. Кристально чистый гул И-16 почти не приглушался в морозном воздухе, несмотря на то, что самолет удалялся после взлета до первого разворота.

Летчик Булыгин, сделав круг, прошел над стартом и энергично перевел самолет в набор с разворотом влево в первую зону. Те, кто наблюдал за ним, видели, что уже давно пора было уменьшить угол набора и крен, чтобы идти нормально в зону. Однако самолет продолжал неестественно круто искривлять траекторию, одновременно заваливая крен. Затем, потеряв скорость, он скользнул на хвост, резко опустил нос и с отрицательным углом пикирования, без намека на вывод, врезался в землю. Какую-то долю времени все оцепенели от неожиданности, потом ринулись в направлении падения самолета, хотя спешить было бесполезно, так как с аэродрома был виден взметнувшийся столб дыма.

Комиссия при всей своей добросовестности не могла установить причину катастрофы.

— Может, все-таки праздники, застолье виновато, а, Евгений Саввич? — стал робко склонять комбрига председатель комиссии к высказанному в начале расследования предположению. Увидев возмущенный взгляд Птухина, осекся. — Ну ладно, предположим

самое более или менее правдоподобное. Ты говоришь — техника. А инженеры говорят — нет! Что прикажешь доложить Алкснису?

— А что мне доложить летчикам, которые прекрасно знают, что праздники здесь ни при чем? Самое лучшее всем сказать правду — не нашли причину. По крайней мере так честнее.

После разрешения начальника ВВС снова приступили к полетам по кругу и на групповую слетанность. Выпал снег, и летчикам нужно было адаптироваться к белому покрову, особенно при посадке. Однако летать пришлось недолго. На третий день механик, наблюдавший пилотаж своего летчика, жутким голосом заорал на весь аэродром: «Разбился! Летчик Бушма разбился!» С обезумевшим взглядом он показал рукой в сторону третьей зоны.

Не успел двинуться автомобиль командира бригады к месту катастрофы, как на аэродром с нарушением круга полетов грубо произвел посадку И-16. Чудом не подломив шасси, он на большой скорости развернулся и подрулил к командирскому автомобилю. Еще не заглох мотор, из кабины, судорожно срывая ремни, выскочил бледный летчик, повторяя: «Малютин разбился, мой командир разбился…»

Направив комиссара и командира эскадрильи в район гибели Бушмы, Птухин с техником Иваном Прачиком поехали по Варшавскому шоссе к месту падения Малютина. За мостом через Днепр они увидели вдали группу спешившихся кавалеристов возле зелено-голубых обломков самолета.

К Птухину подошел плотный коренастый кавалерист.

— Командир полка Шингарев [И. И. Шингарев — впоследствии генерал-майор]. Чем могу помочь, товарищ комбриг? — тихо, так говорят в доме, где лежит покойник, обратился он к Птухину.

— Что-нибудь видели? — быстро спросил комбриг.

— Да, он шел со снижением над шоссе нам навстречу. Прошел почти над головами. Мы думали, так и надо. А потом, обернувшись в седле, провожали его взглядом, пока самолет не начал прыгать по кучам щебня на обочине.

Малютин лежал метрах в пятнадцати от самолета, крепко сжимая кусок оторвавшейся ручки управления. Летчику не повезло, еще немного, и он, проскочив щебень, наверняка удачно посадил бы самолет на дорогу.

— Если будет нужно для комиссии, где вас найти? — Птухин обратился к Шингареву.

— Мы соседи ваши. Из Рогачева, дивизия Еременко, — ответил командир полка.

Кавалеристы отошли пешком от места аварии и только после этого сели в седла.

Комиссия из Управления ВВС, конструкторского бюро Поликарпова и научно-исследовательского института не уходила сутками с мест катастроф. Закоченевшие, все возвращались в гарнизон и там продолжали работу.

— Вы много занимаетесь не делом, — сердился комбриг на инженеров, уточнявших летную подготовку погибших. — Погибли классные летчики. Ищите причину в управлении. Вам это подсказывает рука Малютина, крепко сжимавшая обломок ручки. Малютин был вообще безупречен в технике пилотирования. Вам такой характеристики должно быть вполне достаточно, чтобы стать на верный путь поиска.

Пришли ответы от конструктора Поликарпова, проверявшего расчеты прочности, и Чкалова, давшего самолету путевку в жизнь. Однако это не прояснило причины трех катастроф.

— Послушай, Прачик, ты инженер бригады, ты не они. — Птухин кивнул в сторону комиссии. — Видишь, они уже остывают, время уходит, мы не выполнили долга перед погибшими, не развеяли сомнения живых. Ну, давай же, ищи, думай, я помогу тебе чем хочешь: полетами, силами — что нужно! Ты-то знал летчиков, веришь ведь, что они невиновны. Надо сосредоточиться на управлении, чует моя душа — зло там. Каждый миллиметр надо проверить на разрыв, на излом. Ведь не можем мы летать на самолетах с клеймом недоверия.

Да, комиссия остывала. Тихо, но все чаще стали повторяться на разный лад мнения, что причину надо искать в ошибках методики обучения летчиков, что неплохо бы организовать хорошую проверку в бригаде опытными летчиками-методистами.

Первым высказал эту мысль комбригу представитель особого отдела:

— Евгений Саввич, всем трудно признаться в своих ошибках. Может, в самом деле командиры эскадрилий неверно учат летчиков? Не можем же мы подрывать доверие к такому самолету. Это, в конце концов, престиж не только Поликарпова, но и государства.

— Я учил их. Я, понятно? — вспылил Птухин. — Так престиж не сохранишь. Надо найти причину, устранить ее, тогда и престиж восстановится. А иначе на кой черт нам расследования? Убился летчик, и молчи ради престижа.

Птухин был на грани отчаяния. Вот-вот должна поступить телефонограмма об отзыве комиссии, а там… Родится неверное заключение, и летчики будут со страхом и ненавистью садиться в самолет.

Прачик позвонил поздно вечером и каким-то робким голосом сказал, что вроде бы нашел причину.

— Ты где? — закричал в трубку Птухин. — В мастерской? Я мигом!

— Понимаете, Евгений Саввич, — встретил его инженер с поломанной ручкой управления, — на холоде, именно на холоде основа ручки ломается при нормальном для летчика усилии так, как она оказалась сломанной у Малютина. Вот, смотрите, это уже вторая.

За ночь, дав ручкам охладиться, они сломали еще две.

— Хватит, Евгений Ссввич, так все поломаем, надо еще и комиссии поупражняться.

— Прачик, дорогой, — Птухин сгреб в охапку маленького ростом инженера, — какой ты, к черту, Прачик, ты сам великий Шерлок Холмс. Да нет, выше, тот барахлом занимался, а ты… я не знаю даже, с кем тебя и сравнить…

Актом комиссии было определено, что прочность ручки в узлах крепления тяги руля высоты и элеронов оказалась недостаточной и в условиях низких температур не выдерживала нагрузки при выполнении фигур пилотажа.

После замены ручек Птухин, открывая полеты, каждый раз брал один из самолетов бригады и сам выполнял пилотаж над летным полем.

Постепенно все возвращалось к норме. Бригада набирала темпы полетов, наверстывая упущенное время. Тупорылый «ишачок» снова восстановил доверие к себе. Правда, он становился все тяжелее и сложнее от серии к серии. От серии к серии… Их было уже несколько.

…Никто и не придал значения новой серии самолетов. Они влились в общую массу, став предметом зависти к их счастливым обладателям. Птухин уже решил, что если этих самолетов поступит достаточно много, то все они, лучше отделанные, новые, следовательно, более надежные, пойдут на первомайский парад.

Когда через две недели на одном из самолетов этой серии отвалилась плоскость, никому и в голову не пришло, что началась новая волна летных происшествий. После третьей аварии Птухин прекратил полеты и вызвал заводскую бригаду. Комбриг напоминал гранату со снятым предохранителем…

Утром Птухина вызвали прямо в ангар.

— Это я вас поспешил пригласить, Евгений Саввич, вот, полюбуйтесь, — подвел Птухина к разобранной консоли крыла представитель особого отдела.

Птухин заглянул в огромное отверстие, открывавшее обзор внутреннего набора крыла, и остолбенел. К верхней полке лонжерона была прибинтована ножовка.

— Видите, уже сделан надрез, достаточный, чтобы консоль

обломилась. Все это происходит в полете от вибрации медленно и незаметно, — пояснил особист.

— Вот еще одна плоскость и тоже с начинкой! — крикнули из другого угла ангара, где трудились члены заводской бригады.

Вся серия оборудована жутким приспособлением.

* * *

Это был первый выходной у комбрига после майских праздников. Птухин пришел в опустевший штаб. Сел. Чувствовалась усталость. Хотелось откинуться на стуле, вытянуть ноги, закрыть глаза, расслабиться, чтобы никто не беспокоил.

— Разрешите обратиться, — вывел Птухина из размышлений дежурный по штабу. — На ваше имя телеграмма.

Птухин неторопливо стал читать; «Комбригу Птухину. 12.5 1937 года к 16.00 явиться в распоряжение начальника Управления ВВС».

— Женя, я провожу тебя и подожду возле твоего штаба.

Мама сказала тихо и вместе с тем так настойчиво, что он не посмел ей возразить. Всю дорогу она держала его под руку, не скрывая своей гордости за сына, такого большого командира и орденоносца. Приятно было видеть, как встречные военные вскидывали руку, четко отдавая ему честь.

Алксниса Птухин встретил на лестнице. Поздоровался и поблагодарил за присланную книгу «Ваши крылья» американского автора Джорданова, переведенную по настоянию Якова Ивановича. Вошли в просторный кабинет начальника ВВС. Во время доклада о делах бригады Яков Иванович все время смотрел на большую карту Европы. Чувствовалось, что дела бригады не главная тема разговора. Птухин тоже стал смотреть на карту, где сейчас рельефнее всего выделялась Испания, пересеченная извилистой линией фронта с северо-востока на юго-запад.

Алкснис начал тихо:

— Закончился второй период борьбы испанского народа. Для фашистов небо Испании оказалось не таким уж безоблачным [«Над всей Испанией безоблачное небо» — сигнал к фашистскому мятежу, переданный радиостанцией «Сеуты» (Марокко) 18 июля 1936 года]. Правда, и республиканцам приходится трудно. Правительства Германии, Португалии, Франции, Англии, давно изменили лозунги «невмешательства» [«Комитет по наблюдению за невмешательством в испанские дела», созданный по инициативе французского правительства из 27 послов

европейских государств, аккредитованных в Лондоне]. Сейчас в войне в Испании принимают участие Италия и Германия. По последним сведениям, армия интервентов насчитывает около 100 тысяч человек. Германия устроила в Испании натуральный полигон, где проверяет новейшую технику, особенно авиационную. На фронте появились итальянские «Фиат СР-32» с более сильным мотором. Стало известно, что скоро поступят новые немецкие истребители Ме-109, бомбардировщики Хе-111. Следует разобраться в их возможностях, найти слабые стороны, сравнить с нашими И-15, И-16, СБ [СБ — скоростной бомбардировщик конструкции А. Архангельского], разработать новые тактические приемы боя, способы завоевания господства в воздухе. Мнения о возможностях нашей авиации разноречивые: есть искреннее заблуждение по неграмотности, есть ложнопатриотическое желание приукрасить, есть и отрицательное, почти паническое. Нам нужна объективность. С нашей точки зрения, это вам по плечу. А сами вы как считаете? Готовы к этому?

Птухин не мог сдержать радостной улыбки. Выходя из подъезда, Евгений Саввич только сейчас вспомнил о маме.

— Ну что, Женя, — подошла Мария Яковлевна, — едешь в командировку?

— Да, мама, ненадолго. — Застигнутый врасплох, Евгений Саввич еще не придумал, куда едет. Стал сосредоточенно искать по карманам папиросы.

— Это не туда?

— Нет, не туда, с чего ты взяла? Это рядом, в соседнюю страну.

— Ну и слава богу. — Потом, немного помолчав, добавила: — Ты как был воробышком, так и остался… только курящим.

Глава V
МОСКВА — МАДРИД

Теперь, когда поездка в Испанию стала делом ближайшего будущего, Птухин считал необходимым глубоко вникнуть в причины происходящих там событий.

К началу 1930 года гнев испанского народа достиг критической точки. Спасая монархию, буржуазия принесла в жертву своего кумира, диктатора генерала Мигеля Примо де Риверу. Но теперь уже этого оказалось недостаточно. Победа республиканцев на муниципальных выборах 12 апреля 1931 года убедила короля Альфонса XIII, что настало время, когда лучше потерять королевство, чем голову. Король не отрекся, он покидал

свой «непослушный» народ, заявив на прощанье, что ответствен только перед историей.

Народ же провозгласил республику. Народ радовался победе. Однако, как оказалось, радовался рано. Прошло два года: ни новая конституция, ни законы не решили даже основного вопроса буржуазно-демократической революции — аграрного. Все сильнее обострялись противоречия между политическими силами страны. Бурно росло влияние компартии в массах [В 1931 году Компартия Испании насчитывала 800 членов, в 1933-м — 21 тысячу, в 1936 году — уже 100 тысяч]. Укрепляли свои позиции и другие прогрессивные силы. В противовес им в конце 1933 года возникает фашистская партия «Испанская фаланга», во главе которой оказался сын бывшего диктатора Хосе Антонио Примо де Ривера. «Фаланга» становится идеологической опорой реакции.

Приход Гитлера к власти в Германии окрылил испанскую реакцию. Используя шантаж, подкуп и оружие, фашисты добиваются победы на декабрьских выборах в кортесы 1933 года. В стране наступил период «черного двухлетия».

К. лету 1935 года усилиями компартии удается объединить антифашистские силы в Народный фронт [В Народный фронт входили: коммунистическая, социалистическая, каталонская левая, левореспубликанская партии, Республиканский союз, Всеобщий союз и др]. В феврале 1936 года Народный фронт одержал победу на выборах в кортесы. Это послужило сигналом всеобщей тревоги в стане испанских, германских и итальянских фашистов, решивших не допустить сохранение демократического режима в стране. В Испании стали множиться контрреволюционные организации, финансируемые Гитлером, Муссолини, португальским диктатором Салазаром, английской разведкой «Интеллидженс сервис», Ватиканом.

18 июля 1936 года на рассвете прозвучал сигнал к фашистскому мятежу. Вслед за ним все радиостанции Канарских островов и Испанского Марокко передали манифест генерала Франко [Франсиско Франко — с 1916 года агент германской разведки. За жестокую расправу с марокканцами в 1927 году произведен в генералы. С 1927 по 1933 год командовал военной академией в Сарагосе. В 1934 году возглавлял генштаб. В феврале 1936 года, несмотря на требования коммунистов посадить его в тюрьму, был назначен военным губернатором на Канарские острова. Впоследствии диктатор Испании], призывавшего народ к восстанию. Для руководства мятежом Франко на личном самолете бывшего короля Великобритании Эдуарда VIII, пилотируемого английским летчиком, был доставлен с Канарских островов в Испанское Марокко.

Главари мятежа рассчитывали на скорую победу, поскольку на их стороне выступило 80 процентов регулярной старой испанской армии, 35 тысяч марокканских солдат, 7 тысяч человек иностранного легиона, 30 тысяч жандармов гражданской гвардии. Но в их планах оказался существенный просчет. Для миллионов трудящихся республика оставалась знаменем борьбы за социальную справедливость. Началась народная война, и душой республиканцев стала Компартия Испании.

Постепенно фашистский мятеж перерос в германо-итальянскую интервенцию. Уже в начале ноября на аэродромы мятежников приземлились 100 самолетов германского легиона «Кондор». Постепенно переправлялась наземная его часть, состоящая из трех зенитных полков. Морем и по воздуху прибывали итальянские войска. Горючее для них поставляла Америка, отказавшая в то же время законному правительству Испании в покупке оружия. Под нажимом Англии французское правительство Леона Блюма расторгло торговый договор с Испанией, лишив, таким образом, республиканцев возможности приобрести французское оружие.

Для республики события принимали трагический оборот. Вся надежда была на интернациональную помощь.

В телеграмме вождю испанских коммунистов Хосе Диасу Сталин выразил мнение советского народа: «…освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества».

Группами и в одиночку пробирались в Испанию честные люди всей планеты, кому было свято чувство свободы народа.

* * *

В Париже с Северного вокзала советские летчики должны были самостоятельно добраться в советское посольство на Рю де Гренелль. Однако, как только они вышли из вагона, к ним подошел молодой респектабельный господин, в котором Птухин с трудом узнал старого однополчанина военлета Васильченко, работавшего здесь военно-воздушным атташе:

— Птухин! Женя! Я, когда узнал, что ты едешь, волновался как мальчишка. Мы ведь не виделись со времени службы в Подосинках. Уже не помню, когда это было!

— В 22-м. Ты хоть не забыл, что я обслуживал твой самолет? Потом я уехал учиться, а ты улетел в Персию.

Они двинулись к выходу.

— Дня три придется ждать визы. Если не возражаешь, предлагаю такой план. Завезем твоих товарищей в гостиницу, а тебе придется пострадать. Поедем ко мне, вспомним прошлое, поговорим о настоящем.

…Александра Николаевна, жена Васильченко, в третий раз приготовила им кофе и ушла отдыхать. Приятно было сидеть у раскрытой балконной двери. Париж начинал успокаиваться. Реже раздавались автомобильные сирены. Даже запах смеси горелого бензина и асфальта сменился запахом зелени из недалеко расположенного сада Тюильри.

Вспомнили все. От начавшей затягиваться поволокой времени гражданской войны до последних тревожных событий сегодняшнего дня.

— Коля, объясни мне, неужели французское правительство до сих пор не знает, куда мы едем через их страну?

— Конечно, знает. К каждому советскому человеку здесь особое отношение, как к опасному идеологическому диверсанту. Министерство иностранных дел сейчас уже знает, что наши «туристы» и деловые люди в конце концов любыми путями убывают в Испанию, но делает вид, что ничего не происходит, и пока серьезных препятствий не чинит. Это, если хочешь, своеобразный кукиш в кармане Лондону, Риму, Берлину. Под нажимом Англии и Италии французы согласились с нарушениями Германией Версальского договора, а ведь это против них. Нарушения Локарнского соглашения тоже против. Операция «Шулунг» по захвату Рейнской области — тут и говорить нечего. После этой операции Гитлер провозгласил, что «в Европе должен возникнуть новый порядок». Как бы ты воспринял такое на место французов? Интервенция в Испании — это ведь прямая угроза Франции с тыла. Но страх перед республиканской Испанией, давление Англии и Италии — вот что заставило премьера Блюма объявить о намерении Франции воздержаться от поставок оружия республиканской Испании.

* * *

На аэродроме Ла Бурже Александра Васильченко сказала, что с ними полетят еще трое русских: Комаров, Стариков, Яманов. Но общаться между собой им пока не следует.

Когда производили посадку, Птухин с интересом рассматривал старенький, неряшливо залатанный пассажирский самолетик, который на советских линиях, пожалуй, уже не пустили бы в небо.

Теперь, сидя в салоне, он без труда узнал «наших». «Ну и маскировочка! — улыбнулся он. — Из Москвы, наверное, как и мы, выезжали в новых шляпах, а из Парижа — все в новых беретах. И одеты одинаково, словно по уставному порядку».

Самолет с трудом справился с набором двух тысяч метров и теперь, опасно поскрипывая при каждом броске болтанки, шел в горизонтальном полете. Местность почти не перемещалась. Видимо, скорость была не больше ста километров в час. Наблюдать в маленький иллюминатор было неудобно. Кроме того, от болтанки начинало неприятно мутить. Евгений Саввич знал за собой такую слабость. Когда-то давно в пассажирском самолете, обнаружив у себя морскую болезнь, Птухин с ужасом представил себе, как его, в форме, в присутствии гражданских людей, начнет тошнить. Огромным усилием воли тогда удалось справиться с недугом, позорящим его профессиональное достоинство. Но потом он установил, что это не такое уж редкое явление среди летчиков-истребителей. Достаточно самому взяться за управление, как все симптомы морской болезни исчезают.

Птухин откинулся в кресле, закрыл глаза. Так организована психика летчика: он отдыхает даже при сильном грохоте мотора. Но только до тех пор, пока в этом грохоте не появляются дополнительные звуки или, еще хуже, моменты тишины…

При первых же кратковременных перебоях в левом моторе Птухин открыл глаза и прислушался. Перебои усиливались, сопровождались теперь рысканьем самолета по курсу. Комбриг заглянул в иллюминатор. Шли метров на триста выше почти сплошной облачности. Сам по себе начался анализ обстановки: «Сейчас 20 часов, значит, у земли пасмурно. Лучше сесть на ближайшем аэродроме. Ясно, что теперь на этих розвальнях через Пиренеи не перевалишь». Как бы в подтверждение мыслей Птухина мотор резко обрезал, и самолет медленно стал снижаться. «Этого только не хватало». Нырнули в облака. Хотелось сесть самому за штурвал — казалось, что пилоты лучше, чем он, не приземлят самолет.

Однако французы, выйдя из-под облака, вскоре произвели посадку на аэродроме. Открыв дверь кабины, пилот, улыбаясь, что-то затараторил, обращаясь к пасса-жирам. Можно было догадаться, что это Тулуза и им предлагают покинуть самолет.

На следующий день из гостиницы их рано утром снова привезли к этому же самолету.

Над Пиренеями пролетали угрожающе низко. Самолет, как бы съезжая по склону гор, постепенно терял высоту. Вдали видно уже было Средиземное море. Птухин отметил про себя, что он

снижения делать бы не стал, пока самолет не вышел к береговой черте. Слишком неприветлива была внизу земля для вынужденной посадки.

Выискав среди буйной растительности маленький, близ Барселоны, аэродромчик, ветеран частного воздушного предпринимательства мягко приземлился, оставляя за собой облако тонкой белесой пыли.

У выхода из самолета в кожаной куртке стоял улыбающийся и сильно загорелый Иван Копец. После крепких рукопожатий Копец предложил не нарушать русской традиции — начать с обеда, после чего отправиться в штаб.

— Страшно жарко, да я еще и не проголодался, поедем сразу в штаб, — попросил Птухин.

Несмотря на поздний час, командующий ВВС Испанской республики Игнасио Идальго де Сиснерос и его советник комбриг Я. В. Смушкевич находились в штабе. Зная, что он отныне поступает в распоряжение командующего ВВС, Птухин доложил о своем прибытии. Прищуренным взглядом глубоко посаженных глаз Сиснерос внимательно рассматривал Птухина во время доклада. Копец сказал Сиснеросу, что прибыл один из лучших командиров истребительных бригад советских ВВС.

— Очень приятно, но мне хотелось, чтобы и второй ас в лице Хосе также остался здесь. — Он кивнул в сторону самого Копца. Все засмеялись. Еще в Москве было известно, что Птухин заменит командира истребительной группы Ивана Копца, воевавшего здесь под именем Хосе.

Следующий визит полагалось нанести командующему Центральным фронтом генералу Миахе [В марте 1939 года, будучи командующим республиканской зоной, Миаха вместе с командующим армией «Центр» Касадо подняли мятеж, предав республику], штаб которого занимал подвальное помещение министерства финансов в Мадриде. Вновь прибывших Птухина и Филиппа Агальцова [Агальцов — впоследствии маршал авиации, Герой Советского Союза], комиссара летчиков-добровольцев, представлял Миахе советник командующего Центральным фронтом Максимов.

Работая с Миахой, Максимов уже научился определять настроение старого генерала королевской армии и, глянув на хмурое лицо командующего, понял, что сегодня тот не в духе.

Однако Миаха, сознавая неоспоримое превосходство в оперативной подготовке своего молодого советника, глубоко уважал его и отказать ему во внимании не мог.

Максимов сразу же перешел к делу:

— Разрешите представить вам двух новых русских

волонтеров: Хосе и Мартина.

Переваливаясь толстым телом, затянутым в мундир, Миаха подошел к Птухину и Агальцову. Несколько банальных фраз, пожеланий. Представление командующему Центральным фронтом закончилось.

— Ладно, едем ко мне в «Гайлорд», там познакомитесь с обстановкой, — предложил Максимов, когда они вышли из штаба Миахи.

Сидя за обеденным столом, Максимов рассказал о положении в стране в связи с только что сформированным новым правительством Хуана Негрина. Дела на Южном, Центральном Арагонском и Северном фронтах он попросил осветить Родиона Малиновского [Р. Я. Малиновский — впоследствии Маршал Советского Союза, министр обороны], с которым Птухин был знаком по Белорусскому военному округу. Смушкевич охарактеризовал состояние авиации сторон. Тревожило количественное превосходство противника в самолетах, которому нужно было противопоставить лучшее качество наших самолетов, тактику и героизм летчиков. Теперь эта задача ложилась на плечи Птухина.

— Ну, хватит о делах, давайте обедать, — распорядился Максимов.

Теперь к разговору присоединились переводчицы Елена Михайлова и Софья Александровская.

Елена Михайлова, переводчица Малиновского, потешно копируя «неистового Колпакчи» [В. Я. Колпакчи — впоследствии генерал армии, Герой Советского Союза], рассказала, как он ругал вернувшегося из боя танкиста, у которого отказала пушка. Поскольку переводчика поблизости не было, он, как мог, объяснял недоумевающему танкисту-испанцу, что нужно было идти на танки противника: «Таран, понимаешь, таран». Наклонив голову, Колпакчи ринулся на танкиста.

— Ombre! [Ombre — испанское восклицание, выражающее удивление] — воскликнул танкист и, сдернув куртку, словно torrero перед разъяренным быком, изящно уклонился от Колпакчи.

У Малиновского от хохота глаза наполнились слезами.

Потом Максимов заставил смущенную Соню рассказать, как она убегала от фашистского самолета. На КП они наблюдали воздушный бой. Сбитый самолет мятежников со шлейфом черного дыма начал резко терять высоту. Соне показалось, что он падает именно на нее. Она ринулась в сторону. Оглянулась. Самолет как будто ее преследовал. Соня помчалась в противоположном направлении. Но, глянув в сторону зловещего

самолета, она поняла, что все ее попытки спастись тщетны. Тогда Соня замерла на месте и в страхе закрыла глаза руками. Самолет грохнулся в стороне на почтительном расстоянии.

Птухин, прищурившись, о чем-то думал.

— Ты что такой угрюмый? — наклонился к нему Агальцов.

— Если фашисты применят новые самолеты, так они применят и новую тактику. Мне надо самому летать, чтобы предметно давать рекомендации летчикам… Кроме того, это задание Алксниса…

— Да? А кто за тебя руководить авиацией будет? Я, что ли?

— И ты и я, штаб хорошо отладим… Еще мне нужны мои бобруйские ребята. Я знаю, на что они способны.

На следующий день Евгений Саввич попросил Копца слетать с ним, чтобы познакомиться с линией фронта.

Вскоре Копец уехал, оставив Птухину вместе с должностью свое испанское имя Хосе.

Свою деятельность Птухин начал со знакомства с советскими и испанскими летчиками. Удобный случай облегчил эту задачу. Пришел в Барселону теплоход с двумястами испанскими летчиками, обучавшимися в Кировабаде. Птухин поспешил в Барселону.

Молодые испанские патриоты прямо с дороги готовы были ринуться в бой. Это Птухину нравилось. Здороваясь с каждым, он пока не мог запомнить представлявшихся ему летчиков: Ариас, Лорьенто, Меранье… Но опытным взглядом оценивал, что можно ожидать от каждого из них…

* * *

Уже не первый вылет делал Птухин в надежде встретиться с новым фашистским бомбардировщиком «Хейнкель-111». На днях удалось «схлестнуться» с новым истребителем Ме-109. Теперь ему было известно, что это далеко не «фиат» или «Хейнкель-51». Мнение уже сложилось: с «мессером» И-16 может драться, если на нем достаточно опытный летчик. А вот на И-15 можно рассчитывать только на внезапную атаку. Приехавший к нему на аэродром Алькала де Энарес Агальцов напомнил, что Птухин не должен летать на воздушные бои. К тому же формируются новые истребительные группы в Лос-Алькасаросе, и надо быть Евгению Саввичу там.

— Хорошо, завтра едем в Лос-Алькасарос. Но пойми меня, Мартин, первым с новыми самолетами противника должен встретиться я, а не мальчишки-пилоты. Иначе зачем здесь я со

своим многолетним летным опытом, если они через горечь поражения сами познают новую технику противника.

— Но ты словно одержимый! А в таком состоянии можно наделать кучу ошибок, и тогда…

Это было утром. А теперь, когда Птухин резко, полупереворотом на полном газу ринулся за одним из трех увиденных им Хе-111, он вспомнил слова Агальцова о том, что сгоряча можно наломать дров. Вот сейчас, боясь упустить противника, он сделал резкий маневр и, конечно, оторвался от ведомых летчиков. Теперь он один. Возможно, где-то сверху есть у фашистов истребители прикрытия, и тогда они «съедят» и мальчишек и его. Правда, полагаясь на большую скорость, «хейнкели» летают пока без прикрытия. А если?..

Птухин заворожено смотрел на правую часть центроплана фашистского самолета, где находился один из топливных баков. Машинально определяя оставшееся расстояние, он постепенно подводил в это место перекрестие прицела. «Еще повременить, чтобы наверняка», — сдерживал он соблазн нажать гашетку пулеметов.

Видимо, так же думал поступить и стрелок «хейнкеля», потому что, как только дистанция достигла метров пятисот, от самолета противника вытянулись светящиеся трассы, и в тот же миг Птухин почувствовал дробный стук по левой плоскости. У противника были пулеметы более крупного калибра, и он мог себе позволить стрелять с такой дальности.

Одновременно со стрельбой бомбардировщик вошел в правый разворот с набором высоты. С большой угловой скоростью он мелькнул перед капотом самолета Птухина. Атака была сорвана.

«Молодец, грамотно, я бы тоже так сделал, — по привычке оценил комбриг маневр врага, как будто обучал своих летчиков воздушному бою. — Ничего, это только начало, живым я тебя не выпущу». Снова, как бывало в родном небе во время учебного воздушного боя, наступило то величайшее напряжение мускулов и мозга, при котором он готов был драться хоть с десятком самолетов противника.

Имея преимущество в скорости, можно было сделать левый ранверсман вслед за противником и оказаться в хвосте. Но в верхней точке почти всем планом самолет зависнет на малой скорости. Конечно, стрелок не упустит такой момент. Мгновенная оценка обстановки, и Птухин энергично ввел машину в левый вираж, зная, что сейчас он встретится с фашистом в лоб. Видимо, предупрежденный стрелком о маневре истребителя, фашистский пилот переложил из правого виража в левый. Закончив разворот, Птухин увидел, что они находятся в диаметрально

противоположных точках виража. Имея почти одинаковые скорости, противники крутили уже третий вираж. Перегрузка была на пределе. С трудом удерживая поднятую голову, Птухин видел тщетные попытки стрелка переложить турель с правого борта на левый. Из-за большой перегрузки это оказалось ему не под силу. Фашист мог стрелять только во внешнюю сторону виража. Обессилев, стрелок сидел вдавленный в сиденье. «А ведь он теперь безоружен с внутренней стороны виража», — мелькнула мысль у Евгения Саввича. Увеличив крен больше 90 градусов, Птухин с потерей высоты срезал окружность и на выходе в набор стал приближаться к противнику. Когда, как показалось, стали видны заклепки на обшивке, он с каким-то особым усилием нажал на гашетку. Почудилось, что тонкие блестящие шпаги вонзились в ненавистное бледно-голубое тело чудовища. Проскакивая под противником, Птухин уже не сомневался, что фашисту нанесен смертельный удар. И верно, враг медленно, так происходит при повреждении управления, завалил левый крен с опусканием носа. Так же медленно вращаясь, он почти отвесно стал быстро удаляться от Птухина. Затем в том месте, где точка самолета коснулась земли, беззвучно выросло большое огненно-черное облако.

Первым, кого Евгений Саввич увидел, подруливая к стоянке, был Агальцов. Птухин по-мальчишески изобразил улыбку, хотя знал, с чего тот начнет разговор.

— Слушай, я с тобой бороться не буду! Уже устал. Но Штерн [Г. М. Штерн — главный военный советник республиканской армии] запретил тебе летать, а меня предупредил, что отвечаю за тебя головой. Надеюсь, главный военный советник для тебя что-нибудь да значит, если ты, конечно, не махровый анархист.

— Так. Наябедничал. Своя «пятая колонна». — Но радость победы не могло омрачить даже напоминание о запрете Штерна. — Эх ты! Даже не спросил о полете! На худой конец, уж не портил бы «предкомидное» [Каламбур от испанского слова «комида» — «обед», по аналогии с русским «предобеденное»] настроение.

— Я тебя не для этого искал. Штерн приказал нам с тобой ехать к начальнику генерального штаба. Обойдешься комидой на ходу.

Висенте Рохо, начальник генштаба, приветливо слушал как Сиснерос представлял Птухина и Агальцова, называя их Хосе и Мартин.

— Я пригласил вас, чтобы поставить задачи авиации новой — мы назовем ее Брунетской — операции, цель которой отбросить мятежников от Мадрида и помочь Северному фронту. Положение

этого фронта вызывает особую тревогу. Пусть вас не удивляет, что задачу я ставлю так необычно: здесь только те, кто будет участвовать в ее разработке. О подготовке операции знают единицы, даже не все командующие фронтами, в штабах которых слишком много друзей Франко. Опыт Харамской операции показал, что мятежники узнают о наших решениях раньше, чем мы доводим их до командиров корпусов и дивизий…

Слушая Рохо, Птухин невольно вспомнил те короткие сведения, которые слышал о нем, и теперь сопоставлял их со своим мнением.

Благодаря своим способностям Рохо месяц назад был назначен на пост начальника генштаба. Грамотный, энергичный, преданный делу республики, он выгодно отличался от своего бывшего начальника генерала Миахи, у которого когда-то служил в дивизии в чине майора, а последнее время у него же начальником штаба фронта. Птухин слышал, что такая перемена служебного положения очень осложняет отношения между Рохо и старыми генералами — командующими фронтами.

— …У меня есть к вам еще один вопрос, — продолжал Рохо. — Проведение операции совпадет с работой в Мадриде международного конгресса писателей-антифашистов. Это важное политическое событие, которое накладывает на авиацию дополнительные обязанности обеспечить безопасную работу конгресса. И не только днем, с чем, нет сомнения, авиация справится, но и ночью. Есть ли какие-либо возможности пресечь безнаказанные ночные бомбардировки Мадрида?

Вопрос относился не только к Птухину, но все терпеливо ждали ответа от него.

— Летчики, подготовленные к боевым действиям ночью, у нас есть. Нет прожекторов и другого оборудования… — Евгений Саввич начал перечислять необходимое.

Сиснерос что-то быстро записывал в блокноте.

— Я сделаю все от меня зависящее. А сейчас… — Рохо нажал кнопку звонка, — не откажите в любезности выпить по чашечке кофе.

Почти тотчас появился солдат в белой тужурке с подносом, уставленным маленькими чашечками.

— Франко охарактеризовал действия мятежной авиации как классический пример подтверждения теории Джулио Дуэ [Д. Дуэ — итальянский генерал, военный теоретик. Автор труда «Господство в воздухе», написанного в 1921 году, где утверждается абсолютная независимость воздушной войны. Переведена на русский язык в 1926 году Виноградовым]. — Рохо испытующе посмотрел на советских советников.

— В нелепости этого вывода он должен был убедиться с первых же дней войны, — вставил Агальцов.

— Вы знакомы с этой теорией?

— Изучал в академии…

— Вы закончили академию? А вы? — обратился он к Птухину.

— Я закончил летную школу и курсы при академии.

— В Испании это доступно только детям аристократов. Вы оба из дворян?

— Да, из тех, что на дворе работают, — пошутил Агальцов. — Я потомственный батрак. С семи лет коровами повелевал. Если бы не революция, дальше бы и не продвинулся. Вот Хосе почти из интеллигентов.

— Это правда? Вы имели состояние?

— Отец был почтовым служащим, а все его состояние — семь человек детей… Правда, работать я начал немного позже, чем Мартин.

— Значит, из нас всех только Идальго де Сиснерос аристократического рода. Я ведь тоже из бедной семьи, и мне стоило громадных усилий продраться через кастовые преграды и стать преподавателем кадетского корпуса. И вот теперь почти все мои ученики воюют против своего учителя. Поверьте, грустно это.

Подготовка авиации к Брунетской операции Центрального фронта происходила с лихорадочной поспешностью. Времени было мало, а дел невпроворот. Птухин добился, чтобы к началу операции было построено несколько новых посадочных площадок. На них возлагались большие надежды, поскольку все аэродромы были хорошо известны противнику, и только три из них еще не подверглись бомбардировке. Дни и ночи под руководством недавно приехавшего инженера Бобруйской бригады Ивана Прачика трудились техники, ремонтируя самолеты к предстоящей операции.

5 июля 1937 года на рассвете войска республиканцев начали наступление на Брунете. Скрытно сосредоточенная за несколько часов до наступления, авиация республиканцев в количестве 133 самолетов была полной неожиданностью для мятежников. С первых же дней начались ожесточенные воздушные схватки. Как только противник установил направление главного удара, его авиация стала численно расти, в то время как у республиканцев в резерве оставались только героизм, находчивость и толковое руководство.

Птухин метался от аэродрома к аэродрому, едва успевая сделать разборы особо трудных боев, поставить задачи. На подведение итогов и планирование боевых действий оставался маленький промежуток короткой ночи. С восходом солнца он уже

был на КП в Каса-дель-Пино, где теперь располагался наблюдательный пункт командующего фронтом и начальника зенитной артиллерии. Отсюда в разгар ожесточенных воздушных боев через междугородную телефонную связь, без труда прослушиваемую мятежниками, он как мог любезнее вынужден был просить: «Сеньорита, соедините меня, пожалуйста, с таким-то аэродромом…» Ужасно раздражало, когда в самый напряженный момент отдачи приказа врывался безмятежный женский голосочек: «Вы говорите?»

9 июля Птухину показался самым тяжелым днем жизни. Прямо над головой появилась тройка наших «катюш» [«Катюша» — так в Испании назывался наш самолет-бомбардировщик СБ] и звено сопровождавших их И-16. Внезапно с принижением на них ринулась шестерка «фиатов». Наши приняли бой. Через считанные минуты со стороны противника появился еще десяток самолетов. Птухин срочно вызвал три звена с ближайшего аэродрома. К тому моменту, когда они подошли, «воздушная карусель» катастрофически разрослась. Теперь на 12 наших Птухин насчитал 50 истребителей противника. Вой моторов смешался с непрекращающимся треском пулеметов. Трудно было уследить, сколько самолетов противника гоняется за каждым нашим и за каким «фиатом» охотится каждый наш летчик. Где-то минут через тридцать, подловив зависший на полуперевороте истребитель противника, наш летчик короткой очередью свалил первого фашиста. Объятый пламенем «фиат» не ускользнул из внимания всей массы летчиков, придав нашим уверенность, а фашистам смятение. Тотчас несколько самолетов противника штопором стали выходить из боя. Вскоре еще за одним «фиатом» потянулся дымный след. Это послужило окончательным сигналом к бегству мятежников. Трудно было поверить своим глазам, что наши вышли из боя невредимыми. Все, кто на КП наблюдал бой, с восхищением смотрели на авиационных представителей, словно это они только что продемонстрировали в воздухе пример стойкости и героизма. Потом Птухин узнал, что, прекратив перестрелку, этот бой наблюдали солдаты республиканских войск и мятежников.

Поздним вечером Птухин, как всегда, сидя за столом на КП, подсчитал оставшиеся боеготовные самолеты. Общее число неисправных и сбитых самолетов катастрофически росло день ото дня. Мозг неустанно сверлила мысль: где выход? Евгений Саввич машинально уже в который раз обводил роковую цифру.

Когда кто-то вошел и остановился за его спиной, на листке рядом со словами: «Где выход?» — уже была написана фамилия «Прачик». Евгений Саввич верил в способности своего

«технического доктора». И «исцеление» большого числа подбитых и неисправных самолетов связывал сейчас только с Прачиком.

Птухин обернулся и увидел перед собой Ивана Андреевича Прачика, который терпеливо ждал.

— Иван, ты всегда появляешься, когда мне очень нужна твоя помощь…

— Евгений Саввич, — Прачик еще не привык называть своего командира по-испански Хосе, — хочу показать вам список истребителей и бомбардировщиков, которые придется списать. Самолет Боброва — двадцать девять пробоин, Герасимова — восемьдесят, Яркового…

— Постой, не трудись. Я и сам могу продолжить этот список. Ты мне лучше расскажи, как можно их восстановить. Я ведь надеюсь на твои способности. Ты уж поколдуй над ними. Выручай. Слышал, что твой ПАРМ [ПАРМ — подвижная авиаремонтная мастерская] испанцы называют мастерской золотых дел. Держи марку. Ты же бобруйский!..

Птухин говорил и видел, как Прачик медленно складывал в четверть свой листок и машинально рвал пополам. Это значило, что списанные самолеты будут летать. Будут!

Летчики поднимались в воздух по пять-семь раз в день. Летали на пределе возможного. С таким напряжением истребители здесь еще не воевали. Но как его уменьшить, если самолетов И-16 осталось 43, а И-15 — 27! И есть уже потери не только в самолетах, но и в людях.

Теперь Птухин с Агальцовым оценивают состояние летчиков по новым критериям: продолжает ли шутить весельчак Антонов, не угас ли бойцовский темперамент Анатолия Серова? Раньше были другие показатели: аппетит, внешность. Теперь не до этого.

В разгар Брунетской операции мятежники активизировали действия на Северном фронте. Птухин принял «305», хотя помощь истребителями считал как самоампутацию без наркоза. Кроме того, сама переброска истребителей на север через территорию противника более чем на 400 километров была серьезной операцией. Трудно гарантировать, что, выполняя полет на большой высоте, истребители не собьются с курса, особенно при облачности, и тогда… Не хотелось думать, что могло произойти тогда…

На аэродроме Алькала де Энарес Птухин крепко обнял каждого летчика группы Ухова, улетавших на Северный фронт. Каждому сказал напутственное слово: одному громко, другому почти шепотом, кого подбодрил, кого пожурил. Потом долго стоял на старте, пока не скрылись истребители в бездонной синеве утреннего неба. Птухин знал, что республиканский

телефон — слуга двух господ и наши летчики еще не успеют сесть, а в штабе авиации мятежников уже об этом будет известно.

Евгений Саввич возвращался в Мадрид. Настроение было такое, словно только что простился с очень хорошим другом без уверенности увидеть его еще раз живым. Хорошо, что словоохотливый шофер Сервандо научился улавливать его настроение и ведет машину ровно, на средней скорости. Можно спокойно обдумать события. Птухина очень беспокоит, что до сих пор еще не освоены ночные перехваты немецких асов из легиона «Кондор». Налеты изматывают мадридцев систематическими, неприцельными, а следовательно, бессмысленными бомбардировками. Для борьбы он решил привлечь летчиков на самолетах И-15, так как для И-16 ближайшие к Мадриду аэродромы были малы.

По указанию Птухина определили периодичность налетов, прохронометрировали бомбежки в течение семи ночей. Немецкая педантичность — каждые 40 минут появляется самолет над городом. «Вот на этом их можно подловить!» Птухин решил посоветоваться с летчиками. Идея ночной охоты была встречена русскими летчиками с энтузиазмом. Присутствовавший на этом собрании Сиснерос был тронут до слез. Горячий Анатолий Серов готов был вылететь этой же ночью. Его не смутило замечание Птухина, что ночные перехваты будут дополнением к дневной нагрузке, хотя у некоторых от этого сообщения энтузиазм несколько поостыл.

— Пока ночными полетами займутся Кузнецов, Серов, Рыбкин, Якушин, Антонов, Соболев. Потом, если станет полегче, подключатся и другие, — подытожил Птухин.

Вскоре, взвесив обстоятельства, он решил разгрузить «ночников» от дневных полетов. Это можно сделать, отказавшись от дежурства звеньями над своими аэродромами для их охраны. Расход сил и средств большой, а эффект никудышный: обнаруживают противника поздно, когда бомбардировку не предотвратишь. К счастью, фашисты бомбят тоже без эффекта — с большой высоты, и потому еще не был поражен ни один самолет республиканцев. Часть самолетов, освободившихся от дежурства, можно выделить и для прикрытия сухопутных войск. А то ведь почти все силы истребителей расходуются на обеспечение действий легких бомбардировщиков. Просто неудобно перед пехотой. Вот и сейчас Евгению Саввичу надо ехать объясняться с командиром 2-го мадридского корпуса полковником Альсугарайя, который два дня назад без церемоний высказал Сиснеросу, что «новая мода» не выделять авиацию для поддержки пехотных дивизий, видимо, навязана новым советником. И это в

присутствии Птухина!

…Машина выскочила на одну из десяти улиц, упирающихся в центральную площадь Мадрида Поэрта дель Соль. И вскоре остановилась перед массивными воротами королевского дворца Буэн-Ретиро. Шофер громко постучал массивным чугунным кольцом, свисающим из пасти бронзового добродушного льва. Натужно скрипя, распахнулись ворота, и без пропусков и паролей старый монах (?) в черной накидке пропустил их в штаб корпуса. Святая беспечность! Птухин уже привык и не удивлялся этому.

Командира не было. Начальник штаба корпуса подполковник Эстрада доброжелательно отнесся ко всем вопросам взаимодействия авиации с частями корпуса, выделил офицера для обучения знакам обозначения и наведения. Затем пригласил посмотреть наблюдательный пункт, где будет находиться офицер ВВС.

На площадке, ограниченной толстыми мешками с песком, уже находились другие офицеры-наблюдатели. Прямо под стеной берег круто опускался к реке Мансанарес и рядом с мостом Принцессы лежали остатки сбитого итальянского самолета «фиат».

Пора было ехать. Птухин подошел поблагодарить переводчицу Анну Чусову. Неожиданно она сказала, что хорошо знает его, хотя раньше с Евгением Саввичем никогда не встречалась.

— Мне о вас рассказывал полковник Пидгола, у которого я была переводчицей. Он в Каталонии и мечтает о встрече с вами. Но сейчас у него трудное время.

Птухин обрадовался, будто перед ним был его милый старый друг Пидгола. Он подробно расспросил о нем и дал слово, что непременно в ближайшее время увидится с ним.

* * *

Уже неделя, как наши начали летать ночью на перехват, а похвастаться было нечем. Каждый день справляется о результатах Штерн, интересуется и Висен-те Рохо. Уже появились скептики, не верящие в птухинскую затею. А он верит, даже настаивает на прикрытии Валенсии, где находится правительство. Верят Агальцов и Сиснерос — это важно.

Зазвонил телефон. Птухин не сомневался, что это Штерн, и знает, что сейчас последует вопрос: «Хосе, как дела?» И он, как всегда, скажет: «Пока ничего». А как хочется сообщить радостную весть.

— Хосе, какие у вас планы? — несколько иначе спросил Штерн.

Птухин сказал, что едет в Алькалу к ребятам разобраться, помочь. Есть кое-что обнадеживающее.

Летчик Кастехон [Карлос Кастехон — испанское имя Михаила Якушина, впоследствии генерал-майора авиации] обнаружил Ю-52, но не сбил. Видимо, ошибка в определении дальности. Ночью все кажется значительно ближе, чем на самом деле.

— Загляните ко мне, дело есть, — попросил Григорий Михайлович.

Штерн выглядел уставшим, осунувшимся от бессонных ночей за время Брунетской операции.

— Евгений Саввич, сегодня пришла телеграмма о вашем назначении старшим советником командующего ВВС республики. Теперь вы ответственны за боевые действия всех родов авиации здесь и на Северном фронте.

Возвращаясь к себе, Птухин думал о том, что Штерн даже не спросил о действиях ночных истребителей. Знал, что похвастаться нечем.

Гораздо темпераментнее поздравил с новым назначением Идальго де Сиснерос. Он крепко тряс руку и, путая русские слова с испанскими, сказал, что поздравляет дважды, поскольку испанское правительство присвоило Хосе звание генерала ВВС.

На аэродроме Алькала де Энарес уже знали о назначении Птухина. Поздравляли, но об идее ночных перехватов, не скрывая, говорили как о пустой затее. Жалели энтузиастов-летчиков, им приходилось ночью вместо отдыха дежурить у самолетов. Птухин еще раз разобрал варианты поиска самолетов и определения дистанции стрельбы, направление атак. А в конце без обиняков спросил:

— Может быть, оставить попытки ночных перехватов? Все-таки тяжело и днем и ночью, — обратился он к летчикам.

Но Серов набычился. Да и все остальные «ночники» верили в птухинскую идею. И не зря.

В ночь на 26 июля телефон разбудил Птухина.

— Хосе у телефона.

— Сби-и-или Ю-52! — заорал дежурный в трубку. — Кастехон!

Птухин не помнил сам, с какой вертикальной скоростью спустился с четвертого этажа гостиницы. Якушин выглядел именинником. Вслед за поздравлениями друзей и товарищей испанское командование наградило его автомобилем и золотыми часами. Быстро пришел и ответ на шифровку, отправленную

Агальцовым Ворошилову. Нарком поздравлял Якушина с награждением орденом Красного Знамени.

Птухин радовался не менее Якушина. Это была первая в небе Испании победа в ночном воздушном бою. И это была победа его идеи.

Глава VI
НА ПЕРЕКРЕСТЬЕ ВСТРЕЧ

Бобруйские летчики-истребители, только что прибывшие в Мадрид, помылись и перекусили с дороги. Прошло минут пятнадцать. Не зная, куда себя деть, парни прильнули к окну, рассматривая чужой город.

— Здравствуйте, дорогие орёлики!

Можно было, не оглядываясь, узнать, кто вошел. Так здоровался только Птухин и только с теми летчиками, среди которых не было «марал». Все вскочили. Воинская сдержанность не позволяла броситься на шею своему по-граждански одетому командиру, которого они почитали как родного отца. Птухин сам пошел по кругу, крепко обнимая каждого.

— Рад вас видеть. Честно скажу, соскучился. И тревожился, что просьбу мою уважат: летчиков пришлют, да не бобруйцев! Ну, что нового в бригаде?

Ребята, перебивая друг друга, рассказали о последних событиях в родной Бобруйской. И уже несколько раз кто-нибудь да задавал вопрос: «Скоро ли в бой?» Птухин вначале только улыбался и отшучивался. Потом ответил всем одним разом:

— Видите ли, за год войны у нас уже определилась методика ввода летчиков-добровольцев в строй. Не будем ее нарушать… Там, — он многозначительно показал пальцем за спину, подразумевая противника, — тоже летчики, и есть асы. Поэтому пришлю к вам опытного летчика для «натаскивания». Потренируйтесь на прикрытии тыловых объектов, и уж тогда можно в самое пекло. Сейчас пойдем в штаб, представлю вас командующему ВВС.

На лестнице Птухин остановился против высокого мужчины с узенькими усиками.

— Вот, Григорий Михайлович, мои орёлики. Дождался, — улыбаясь, показал он на своих летчиков.

Штерн каждому пожал руку.

— Рад за вас, Евгений Саввич, очень рад.

После торжественного ужина, устроенного Сиснеросом, Птухин попрощался с бобруйцами, пожелал благополучно добраться до аэродрома формирования и уехал.

Ему надо было спешить. Готовилась новая операция на Арагонском фронте. Задыхалось без авиации сопротивление республиканцев на севере. Везде нужны были самолеты. Сегодня генерал Хосе должен поставить задачу командиру эскадрильи самолетов СБ Александру Сенаторову, возглавившему новую группу истребителей-испанцев, отправлявшуюся к берегам Бискайи. Учил их Сергей Плыгунов.

Птухин вспомнил, каким горестным сделалось лицо Плыгунова, когда несколько недель назад он узнал, что вместо воздушных схваток ему снова предстоит «натаскивать» молодых испанских летчиков. Евгений Саввич даже не нашелся, что ответить, услышав, как Сергей в сердцах выкрикнул:

— Я воевать сюда ехал, а не быть дядькой-гувернером!

Птухин растерялся. Слишком близка и понятна была ему обида Плыгунова. Спасибо, выручил рядом оказавшийся врач Леня Ратгауз [Л. Г. Ратгауз — впоследствии генерал-лейтенант медицинской службы].

— А если я не держу в руках винтовку, значит, и не имею права сказать, что защищал Испанскую республику?

— Ну что ты, в самом деле. Пойми, испанские летчики говорят, они лучшего инструктора и в России не встречали. Успеешь, навоюешься. — Евгений Саввич торопливо пожал Плыгунову руку.

Уже в машине он подумал, что не убедил Плыгунова, как не убедил его самого Штерн, запретивший летать ему на воздушные бои.

…Машина вырвалась на шоссе, ведущее в Мадрид. Быстрая езда всегда действовала на него отвлекающе. В такие моменты он мог позволить себе думать о переводчице Соне, теперь неизменном спутнике его скитаний по аэродромам. Вернее, он уже не мог не думать о ней с тех пор, как увидел ее в боевой обстановке в горах Сьерра-Гвадаррамы. Хрупкая, какая-то по-детски беспомощная, она никак «не вписывалась» в картину боевых действий. Можно было смириться с ее присутствием в Мадриде, где он впервые познакомился с ней на обеде у Максимова в гостинице «Гайлорд». Но на передовой?! Сознание не мирилось с тем, что она здесь, в горах, под постоянной угрозой артиллерийского обстрела.

Помнится, месяц назад он приехал в горы Сьерра-Гвадаррамы искать своего летчика, приземлившегося на парашюте. В надежде получить помощь от командира пехотной бригады Птухин ждал, когда Максимов с помощью Сони уточнит боевую задачу офицерам штаба. С удивлением и восторгом смотрел Евгений Саввич, как Соня переводила военную терминологию без

переспрашивания и уточнений, что было редким явлением среди переводчиц. Чем больше он смотрел на нее, тем больше она казалась ему какой-то необыкновенной. И когда пришло время уезжать, Птухин искренне огорчился, что не может забрать ее отсюда, где на каждом шагу подстерегает опасность.

Вскоре он улетел на Арагонский фронт и в редкие минуты свободного времени думал только о ней, тревожился за ее судьбу, мысленно упрекал Максимова за то, что много возит Соню по передовой. В первое время ему казалось, что это естественное чувство покровительства сильного человека слабому. Но постепенно желание видеть ее ежедневно, ежечасно, не расставаться ни на миг подсказало ему, что это не просто покровительство, что пришла большая, настоящая любовь.

По возвращении в Мадрид прямо с аэродрома Птухин позвонил Максимову и узнал, что Соня лежит больная. Он помчался в гостиницу и пулей влетел на третий этаж. Впервые переступив порог ее комнаты, Евгений Саввич, еле переводя дыхание, замер в дверях с большой корзиной фруктов. Соню трудно было узнать. Осунувшаяся, слабая, она едва пошевелила рукой, показав, чтобы он сел…

С этого момента Птухин не мог пройти мимо ее комнаты, не заскочив хоть на минутку, чтобы узнать о самочувствии.

После выздоровления Соня должна была ехать на юг с советником, сменившим Максимова, но Птухин упросил Штерна оставить ее при штабе ВВС.

И вот теперь мужественно, без намека на усталость она выдерживает бесконечные дороги, перелеты с аэродрома на аэродром. Птухин вспомнил, как в первый раз, видимо желая блеснуть своей стойкостью к воздушной болтанке, она весело улыбалась при каждом броске старенького «Дугласа», для которого эта «ухабистая дорога» была явно на пределе его прочности. Птухин смотрел на Соню и думал, что вот так, не поняв опасности своего положения, она и погибнет, кувыркаясь в обломках развалившегося самолета. Он пошел в пилотскую кабину и приказал повернуть в сторону моря, где болтанка меньше. Это решение было продиктовано прежде всего ответственностью за ее жизнь.

Птухин знал, что Соне нелегко с ним работать. Специальная терминология, авиационный жаргон, трудно понимаемый непосвященными. Только недавно она перестала смущаться, когда слышала, что кто-то «сел на пузо», а кто-то «сделал козла». Нередко, заражаясь экспансивностью испанцев, Птухин произносил такие длинные и корявые фразы, что их и русскому трудно переварить. Однако Соня схватывала мысль, фильтровала

от словесного мусора, переводила спокойно и коротко, отчего договаривающиеся стороны быстро приходили к согласию.

Ему хотелось знать о Соне все. Коротая дорогу, она по его просьбе рассказала о трудной жизни своего отца, известного революционера Комина-Александровского, его затянувшейся на двенадцать лет эмиграции в Аргентину, куда он бежал от расправы царской охранки. Сопоставив время и события, Птухин установил, что мог увидеть Соню еще в 20-м году, когда ее семья, приплыв в Россию, нелегально пробиралась через деникинский фронт в Москву.

Соне тоже очень хотелось знать о жизни Евгения Саввича, но задавать вопросы она стеснялась. Ее выручал шофер Сервандо, боготворивший русского «хенераль Хосе», так непохожего на надменных старых испанских генералов. Едва машина выезжала за черту города, шофер обращался всегда с одной и той же просьбой:

— Камарада Соня, спросите у генерала Хосе, можно задавать вопросы?

Много раз по его просьбе повторялась одна и та же история о том, как, подделав документ, Птухин в пятнадцать лет попал в армию. Сначала, слушая это как интересную сказку, шофер громко выражал восторг умению генерала Хосе сочинять. Но потом, поверив в реальность, Сервандо требовал подробности.

— Кем ты будешь, когда кончится война? — где-то между вопросами Птухину удалось спросить шофера.

— Стеклодувом, как мой дед и отец, — ответил он с гордостью за фамильную профессию.

Птухин прыснул от смеха.

— У стеклодува рот занят, а у тебя он не закрывается. Иди на «Телефонику» [«Телефоника» — так называлась среди добровольцев Центральная телефонная станция — самое высокое здание Мадрида, где на верхнем этаже был оборудован наблюдательный пункт ВВС и артиллерии], там тебе цены не будет.

Но сегодня Сервандо задавать вопросы не будет. Он понял, наступило время, когда генерал Хосе и камарада Соня должны поговорить между собой, и чтобы никто им не мешал. Он не огорчен, что нужно воздержаться от интересных вопросов. Он даже гордится тем, что причастен к вспыхнувшей любви между двумя хорошими людьми. Слушая их тихую непонятную речь, Сервандо мечтает о том, как поженятся здесь генерал Хосе и камарада Соня, а он повезет их венчаться в церковь и от того будет не менее счастлив, чем они.

* * *

Первые успехи Народной армии под Брунете не были использованы высшим испанским командованием для развития наступления. Спустя 20 дней ожесточенных боев франкисты ликвидировали угрозу на Центральном фронте и вновь перешли в наступление на Северном фронте. Чтобы облегчить положение на севере, решено было провести отвлекающую операцию на Арагонском фронте. В этой операции получала боевое крещение бобруйская эскадрилья под командованием Александра Гусева, и Птухин особенно волновался, когда его «орёлики» уходили на сопровождение легких бомбардировщиков. Сделав несколько вылетов, эскадрилья уже успела открыть счет сбитым самолетам противника, и командование доверило ей более сложную задачу — прикрытие сухопутных войск…

Это был первый вылет эскадрильи Гусева на прикрытие сухопутных войск, первый тяжелый групповой воздушный бой. Теперь Птухин ехал к Гусеву на разбор этого боя, который проходил на глазах у него и Агальцова. В голове Евгения Саввича назойливо стояли десятки вопросов. Почему так начался воздушный бой? Почему Гусев первым ринулся в атаку? Почему мигом рассыпалась эскадрилья? Сколько этих «почему»! Еще в Валенсии, перед началом Сарагосской операции, он многократно повторял всем командирам эскадрилий: «Первыми в бой не ввязываться. Ваша задача — прикрывать войска от бомбардировок. Слишком у нас мало самолетов, чтобы вести бой ради боя. Для нас это непозволительная роскошь. Главное — осмотрительность! Держаться зубами за ведущего!» Все забыто! Как будто никогда об этом не слышали. Вот и исход боя — трое сбиты. Ильин и Базаров приземлились благополучно, а Микулович… Птухин вспомнил тихого, застенчивого Андрея Микуловича, светловолосого белорусского парня. Хороший был летчик. «Здесь и моя вина. Гусев молод, горяч. Сначала нужно было в воздух поднять «старых», например серовских. Они бы не клюнули на первую попавшуюся группу «фиатов», чтобы потом оказаться в западне. Как хорошо это было видно с земли! Если бы радио! Хотя бы на самолетах ведущих групп! Сколько из-за этого потерь! И будут еще». Соня говорила ему потом, что он временами кричал на своем наблюдательном пункте: «Гусев, смотри справа!» И еще кому-то: «Оглянись, марала!»

Разбор затянулся на три часа. Птухин поднимал каждого, подробно спрашивал, что видел, как маневрировал, как стрелял. Виновных тут же награждал обидными «титулами». Агальцов морщился, иногда вставляя: «Ну, ты уж перегнул!» Но ни у кого

из «гусевцев» не появилось на лице выражение недовольства. Птухин для них и дома и здесь оставался не только командиром, но и самым близким другом.

Остаток ночи они провели в дороге до Мадрида. Утомленные дневной жарой, напряжением прошедшего боя и дорогой, все молча, безвольно мотались на сиденьях в такт раскачиванию автомобиля.

— Нет, так нельзя. Сервандо тоже не железный, заснет, честное слово, заснет, — взбодрился Птухин. — Мартин, давай петь.

И тихо, басовито затянул: «Степь да степь кругом…»

Соня прислушалась к голосу Птухина. Ей нравится его пение. Ей теперь нравится все, что связано с ним…

* * *

Всего несколько месяцев работают бок о бок Сиснерос и Птухин, а уже привыкли и понимают друг друга, словно служили вместе не один год. Быстро сами собой сложились взаимное уважение и даже какая-то сдержанная мужская привязанность, основой которой оба считали преданность авиации.

Питая глубокую симпатию и доверие к генералу Хосе, Сиснерос безоговорочно принимал все, что предлагал его русский советник и друг. По темпераменту и внешности совершенный антипод Птухину, Сиснерос восхищался твердостью его характера, глубиной и оперативностью мышления.

Давно хотелось Сиснеросу пригласить Птухина домой поговорить о жизни, выпить по чашечке кофе. Да все мешали боевые действия. Сегодня они оба по делам оказались в Валенсии, и Игнасио решил этот вечер провести вместе со своим другом.

— Сеньорита Соня, переведите Хосе, что моя жена и я приглашаем вас вечером к себе на чашку кофе.

На пороге квартиры их встретила молодая стройная красивая женщина. Видимо, предупрежденная заранее, она без тени удивления приветливо пригласила гостей, затем, протянув руку Соне, назвала свое имя. Констанция только что вернулась из министерства иностранных дел где работала в отделе печати. Извинившись, она просила подождать, пока приготовит кофе.

Когда Констанция принесла кофе, Сиснерос комментировал гостям фотографии роскошного семейного альбома. Из рассказа постепенно вырисовывалась интересная картина перевоплощения молодого легкомысленного аристократа в сознательного борца революции, вставшего в ряды компартии в самые трудные дни республики.

Мать мечтала увидеть Игнасио рыцарем ордена Калантравы [Религиозный и военный орден, основанный в XII веке для борьбы с мавританцами], а он стал летчиком. Дворянское происхождение, принадлежность к королевской авиации, связи с высшими правительственными кругами» казалось, должны были привести его в стан Франко, куда переметнулись две трети офицеров ВВС, а он, не колеблясь, встал под знамя Испанской республики. Незаурядные летные и организаторские способности по достоинству были оценены правительством, назначившим его командующим ВВС. В грозные дни защиты Мадрида он по-настоящему оценил роль различных партий в борьбе и решил, что должен стать коммунистом. И не было для Игнасио странным, что

совершенно самостоятельно пришла в компартию и Констанция…

Далеко за полночь Птухин проводил Соню в гостиницу.

— Завидное у Констанции и Игнасио взаимопонимание. Для мужчины многое значит, когда женщина видит в нем того, кем он хочет быть. Я думаю, что мужчина где-то даже больше нуждается в духовной поддержке, чем женщина. Он менее откровенен в проявлении своих чувств, и это не эгоизм, не черствость. Это скорее всего мужская сдержанность. И если женщина уловит в его глазах момент, когда необходима ему поддержка, то мужчина свернет гору. Так, по-моему, у Сиснеросов.

У входа в гостиницу Птухин взволнованно проговорил:

— Не знаю, веришь ли ты в судьбу, Соня, но иначе чем объяснить, что нам нужно было уехать за тысячи километров от России, чтобы найти друг друга. Как будет дальше?.. Но без тебя я не могу.

Повернулся и быстро ушел.

Глава VII
РОЖДЕНИЕ ДЕРЗКОГО ПЛАНА

К началу октября 1937 года Франко начал сосредоточивать на Арагонском фронте войска, оснащая их новым вооружением, щедро поставляемым «нейтральными странами». Сюда перебазировались лучшие асы легиона «Кондор». Многие из них щеголяли личными фюзеляжными эмблемами, изображавшими скрещенные мечи, тигров, леопардов, анаконд и тузы всех мастей. Нередко эмблемы снабжались афоризмами, выражающими жизненное кредо их владельцев. Например: «Иду в бой и возвращаюсь!» Самоуверенно, коротко и просто. Видимо, такому асу еще не приходилось возвращаться домой по земле с парашютом на плечах. Республиканским летчикам предстояло таким еще доказать, что из боя можно и не вернуться. Все эти «мечи», «тигры», «анаконды» скрытно сосредоточивались в десяти километрах от Сарагосы на аэродроме Гарапинильос.

Птухин уже слышал от летчиков, что в районе Сарагосы большое скопление зенитных орудий, плотным огнем обстреливающих наши самолеты при подходе к городу. Почему именно здесь?

Что они там так бдительно охраняют? Наблюдения с горы Монте-Оскуро и доклады разведчиков позволили установить скопление авиации. Это уже наводило на размышления о том, что намечается наступление, для поддержки которого создается авиационная группировка. Не исключалось предположение и того, что фашисты готовились нанести по аэродромам

республики массированный удар. Это больше всего тревожило Птухина, поскольку самолетов у республики осталось катастрофически мало. Поставкам из Советского Союза большинство европейских государств чинило препятствия, а промышленность Испании давала в сутки один И-16 и не более двух И-15. Птухин подсчитал, что господство в воздухе можно удержать, если сбивать по восемь самолетов противника на каждый сбитый свой.

Позвонили из Бахаралоса. Серов доложил, что звено Евгения Антонова «заарканило» «фиат». Пленный летчик с Гарапинильоса! Такая удача может только присниться!

Всю дорогу до Бахаралоса Птухин молчал, изредка бросая шоферу:

— Нельзя ли побыстрее, Сервандо?

Сервандо любит Хосе и прощает ему эти оскорбительные просьбы. Видимо, генерал здорово задумался и не замечает, что нога Сервандо давно «утопила» в пол акселератор и машина едва вписывается в повороты дороги.

Серов и Антонов ждали Птухина на краю аэродрома.

— Где пленный? — спросил Птухин, пожимая руки встречающим.

— Один вот, — Серов показал на новый «фиат» с большим черным котом во весь фюзеляж, — а другой в сарае, дрожит от страха.

— Не знает дурных примет, вот и не повезло, — пошутил Агальцов, приехавший вместе с Птухиным.

— Насколько мы поняли, этот итальянец из вновь прибывших, район знает плохо, но пилот классный, — начал Антонов, — когда понял, что мы хотим его взять живьем, такой показал полет на бреющем между кустиков, позавидуешь. Только пулеметными трассами и управляли им до самого приземления.

* * *

Напряженно всматриваясь через окно сарая в лица прибывших, итальянец клял себя за то, что не выполнил требования командования: в плен не сдаваться. «Летчик должен найти в себе мужество и покончить жизнь самоубийством…» А он, когда тройка истребителей зажала его между трассами, послушно шел как щенок на поводке.

В том, что его расстреляют, он не сомневался. Страшно было подумать, что начнут пытать, как это порой делали с пленными его собратья по оружию. Он хорошо помнит, как, заблудившись и

приняв за свой, на аэродром Сеговия приземлился русский летчик. Трудно сказать, сколько франкисты издевались над ним, но когда его, окровавленного, с петлей, захлестнутой на шее, водили по городу, вид его был ужасен. Наглумившись над летчиком, они его убили.

Птухин вошел, итальянец сразу же спросил:

— Меня не будут пытать, меня не убьют?

— Скажи ему, Соня, никто не собирается с ним расправляться.

С самого начала Птухин решил проверить, намерен ли пленный говорить правду. На карте северо-западнее Сарагосы он умышленно обвел кружок и спросил пленного:

— Гарапиниьос?

Итальянец, обрадованный, что ему обещали сохранить жизнь, с готовностью указал точное расположение аэродрома.

А через двадцать минут перед Птухиным лежал подробный план размещения стоянок самолетов, бензохранилищ, складов боеприпасов, зенитных орудий. Над крестиками, обозначавшими самолеты, стояло их количество и тип. Общая цифра перевалила за сто. «Редкое скопление. Как у нас в Люберцах или на Центральном аэродроме накануне парада», — подумал Птухин.

Пленного увели.

Завороженно глядя на листок, Птухин обратился к Агальцову:

— Что скажешь, Мартин?

— Думаю, фашисты не будут долго держать в бездействии такую армаду самолетов на одном аэродроме.

Если верить итальянцу, они завтра утром действительно нанесут удар. Но как его упредить? Наши «Р-зет» тихоходны, пока подойдут к аэродрому, поднимут на ноги всю ПВО. Тут нужна внезапность.

— Вот именно внезапность! — Птухину показалось, что Агальцов разгадал его замысел. — Это первое. Во-вторых, бомбардировщиков у нас мало. Пока они продерутся через заслон зенитного огня, станет еще меньше. Кроме того, как видишь, самолеты расположены в одну линию. То есть цель узкая, вероятность поражения будет невысокой. Стало быть, остается одно — штурмовка истребителями!

— Удар истребителями по аэродрому? Что-то не припомню такого случая в истории авиации. Это до сих пор была задача бомбардировщиков.

— Необычно?! Противоречит взглядам? Тогда я напомню тебе Ленина. На курсах я выучил его записку. «Конница при низком полете аэроплана бессильна против него. т. Склянский! Не можете ли Вы ученому Х, У, *2*… заказать ответ (быстро):

аэропланы против конницы?» [В. И. Ленин. Записка Э. М. Склянскому. Полн. собр. соч., т. 51, с. 43]. Тогда это тоже противоречило взглядам. Ну как, возражения есть?

Агальцов засмеялся.

— Так ведь и Ленин сначала решил проконсультироваться с учеными и не с одним, чтобы объективность была выше. А ты с кем проконсультируешься? Со мной? Я в этих вопросах такой же теоретик, как и практик. Потом, помнишь, Ленин дальше пишет, что «…один «практик», И. Н. Смирнов, смеется-де-чепуха». Если твоя затея провалится, найдется достаточное количество «практиков», чтобы посмеяться или сказать куда хуже, чем чепуха. Ну как перспектива?

— Ничего, такое можно пережить. Мы ведь с тобой уже одну идею осуществили, над которой сначала тоже смеялись. А теперь уже многие летчики успешно сбивают ночью. Потом есть оправдание. Все ученые далеко, советоваться не с кем, да и некогда. Послушай, решение будет такое. — Карандаш Птухина быстро забегал по обратной стороне карты. — Удар нанесут две эскадрильи И-15: Смирнова и Чиндосвиндо. Пять эскадрилий И-16: Девотченко, Плещенко, Смирнова, Сарауса и Гусева будут их прикрывать. Всю истребительную группу возглавляет Еременко. Для отвлечения внимания пошлем бомбардировщики Сенаторова десятью минутами раньше нанести удар по Сарагосе. Главное, чтобы никто не знал об операции до самого вылета.

— Заманчиво. Когда ты думаешь нанести удар?

— Завтра с рассветом. — Птухин посмотрел на часы. — В 5.57.

— Может быть, сегодня, перед наступлением темноты, когда самолеты все сядут?

— Вот именно, когда сядут! А когда они сядут? Ты же знаешь, группа прикрытия барражирует, пока не приземлится последний самолет. Итальянцы иногда садятся уже почти в темноте. Нет, это ненадежно. Именно с рассветом, пока фашисты глаза не продрали.

* * *

Евгений Саввич вместе с Соней, наблюдателями и испанцем-телефонистом затемно приехали на вершину горы Монте-Оскуро, откуда была видна Арагонская низменность и лежащая далеко внизу Сарагоса. Птухин волновался все больше и больше по мере приближения рассвета, чаще поглядывая на восток и на светящийся циферблат часов. Несколько раз он вскакивал и

напряженно замирал: чудился гул самолетов.

— Рано. По времени летчики сейчас завтракают, — успокаивала Соня.

— Ты думаешь, можно что-то проглотить в такой… — Птухин запнулся. Вспомнил, что сам строго требовал от летчиков, чтобы на голодный желудок не садились в кабину.

Вместе с нарастанием гула засветились вершины Иберийских гор. Истребители шли четким плотным строем, словно отрабатывали групповую слетанность на виду у своего комбрига в Бобруйске. От этого на душе стало спокойнее. Птухин сверил время пролета наблюдательного пункта и остался доволен.

Еще не утих гул последнего самолета, а по долине навстречу стал густо распространяться грохот разрывов. Затем место вражеского аэродрома обозначилось медленно поднимающимся облаком черного дыма.

Первым от радости закричал испанец-телефонист. Затем, перебивая его, закричал Сервандо: «Вива Русия! Вива хенераль Хосе!» А гул уже не стихал, он перекатывался, смешиваясь с эхом от близко расположенных гор.

К полудню весть о блестящей победе республиканской авиации разнеслась по всей Испании. Точно еще никто не знал потерь франкистской авиации, но все называли значительную цифру. К вечеру, ссылаясь на самые различные источники, каждый знал, что разъяренный Франко без суда расстрелял не то двух, не то пять генералов, не то двадцать, не то пятьдесят солдат комендантской службы. В одном можно было не сомневаться — козлов отпущения нашли.

— Мой генерал, здесь нет вашей фамилии, но это о вас, — протянул Сиснерос газету «Фремте Рохо». — Переведите, сеньорита Соня.

Под фотографией трех И-15 была помещена большая статья «Мощные крылья нашей авиации!». Оригинально поздравил Птухина Рохо:

— Когда кончится война, я снова начну читать лекции в колледже, и мне будет приятно сказать, что я был хорошо знаком с автором разгрома авиации на Гарапинильосе.

Спустя неделю Штерн вызвал к себе Птухина и зачитал шифровку из Москвы. Нарком Ворошилов по поводу Гарапинильоса коротко, но восторженно написал: «Наша авиация, как всегда, на высоте! Нашим летчикам «ура!». Еще через день пришло сообщение, что постановлением ЦИК СССР Птухина и Агальцова наградили орденами Ленина.

Поздравляя Агальцова с наградой, Птухин заметил:

— Гарапинильос — это урок, из которого нужно сделать и

нам важные выводы. Дома мы часто концентрируем большое количество самолетов на аэродромах. И даже в приграничной полосе, надеясь на «авось пройдет».

Глава VIII
ТЕРУЭЛЬСКИЙ ВЫСТУП

1937 год для республики завершался вихрем событий. Правительство переехало из Валенсии в Барселону. Теперь здесь находился и главный штаб ВВС. К концу октября прекратил существование Северный фронт. Пал последний его бастион — страна шахтеров Астурия. Франко уверовал в скорый захват Мадрида и торопился сосредоточить силы на Гвадалахарском направлении для наступления на столицу.

Уже несколько дней и ночей генерал Рохо и Штерн не выходили из штаба, разрабатывая новую наступательную операцию, которая должна не только спасти Мадрид, но и ликвидировать самый опасный участок фронта — Теруэльский выступ. Подобно острому клину, он глубоко вдавался в территорию республики, создавая угрозу рассечения ее на две части. Министр обороны Прието, уже давно не веривший в возможность сопротивления, махнул рукой на деятельность генерального штаба, и Рохо был рад, что Прието хоть не мешает.

По распоряжению Рохо к Теруэлю скрытно подтягивались войска. Замысел предусматривал отсечение тремя ударными группировками Теруэльского выступа, окружение города, выравнивание линии фронта.

Штерн информировал Птухина о замысле операции и изложил задачи авиации в ней. Они были слишком большими для малочисленной авиации и слишком трудны условия их выполнения. Необычно сильные морозы и обильные снегопады прибавляли лишние заботы и без того вымотавшимся вконец людям. Иногда снега наметало столько, что без очистки аэродромов невозможно было рулить, не только взлетать.

— Мартин, что делать? Если мы не наладим очистку взлетной полосы, можем сорвать операцию.

— Надо поговорить с людьми, летчиками, механиками. Все должны понять, что иного выхода у нас нет, как самим в ночь перед полетами расчищать взлетную полосу.

Люди собрались в большом каменном помещении на краю аэродрома. Все толпились у трех наполненных углями тазов. Для углей специально жгли недалеко от помещения костер. Оттирая замерзшие уши, испанцы шутили, что это русские привезли с собой мороз, которого не помнят даже старики.

Никто не заметил, когда исчез испанский механик Томас Паласон. Но в самый разгар обсуждения сложной обстановки он вдруг появился и, пробравшись к Птухину через толпу, привел за собой громадного роста пожилого испанца. Паласон объяснил, что сам он уроженец здешних мест, а это его отец — алькальд [Алькальд — староста общины] деревни, расположенной рядом с аэродромом, хочет говорить с генералом Хосе.

— Пусть летчики отдыхают ночью, и пусть генерал Хосе не беспокоится. К утру весь аэродром будет вычищен крестьянами нашей деревни.

Он говорил о присутствующих в третьем лице и говорил медленно, спокойно. От этого появилась твердая уверенность — за аэродром беспокоиться не надо. Свалилась гора с плеч. Птухин с волнением тряс грубую и громадную, как лопата, ладонь алькальда, говоря слова благодарности на смешанном русско-испанском языке.

Когда все стали расходиться, к нему с Агальцовым подошел еще один механик, и протянул лист бумаги, на котором был изображен автомобиль с длинными усищами, как у кота.

— Что это? — недоумевая, спросил Птухин.

— Эта машина чистит снег. Вот впереди две метлы, привод от колес сделать нетрудно… — торопился объяснить механик, видимо, боясь, что его не станут слушать.

— А что, Хосе, — вспомнил вечером Агальцов, — конечно, его «автоматическая метла» не чудо техники, но отрадно, что люди беспокоятся, думают, ищут выход из трудного положения.

В самый разгар подготовки операции, не выдержав нагрузки, свалился Сиснерос с подозрением на инфаркт. Теперь вся ответственность за действия авиации ложилась на плечи Птухина. Несколько поправившись, Сиснерос попросил генерала Хосе навестить его.

Командующего трудно было узнать, так он осунулся. Настроение его было подавленным.

— Мой генерал, я знаю вашу занятость, ценю ваше время, но уехать, не попрощавшись, считал бы бестактным.

— Как уехать, куда? — удивился Птухин, для которого отъезд командующего ВВС в такое время казался не оправданным даже болезнью.

— Слышу осуждение в вашем возгласе, но поверьте, я не по доброй воле уезжаю. Официально меня посылает мое правительство лечиться в вашу страну. Но я-то знаю цену этой заботы. Помните, я вам рассказывал, что был другом военного министра Прието? Когда мы с женой вступили в компартию, Прието не мог смириться с тем, что его командующий ВВС —

коммунист. Министр и настоял, чтобы меня отправили лечиться в СССР в надежде на то, что после возвращения я уже на стану командующим. Я рад, что вам будут помогать такие честные и преданные люди, как Попурелли [Попурелли — командующий истребительной авиацией республики] и Нуньес Маса [Нуньес Маса — начальник штаба ВВС]. Желаю вам успеха!

* * *

Сухопутные войска еще только сосредоточивались, а авиация уже начала действовать по глубоким резервам противника по плану Теруэльской операции. Сегодня бомбардировочная группа Сенаторова идет на ответственное задание, и Птухин приехал к нему на аэродром Лерида задолго до вылета.

— Понимаешь, Александр, задача у тебя очень сложная. Ты должен провести группу точно по пунктиру, разделяющему Испанию и Францию. Если отклонишься на территорию Франции — скандал, если будешь идти глубже над Испанией, могут обнаружить мятежники. Строго на траверзе развернешься на Памплону. От вашего удара по фашистской дивизии зависит, получат мятежники ко времени начала операции подкрепление или нет. Прикрытия вам не будет, все истребители брошены на поддержку наступления.

С рассветом 15 декабря республиканские войска неожиданно для мятежников начали наступление. Две эскадрильи «Р-зет», прикрываемые истребителями групп Маркиляса, Сарауса и Плещенко, обрушились на окопы противника, расположенные на самой неприступной горе Санта-Барбара. Застигнутая врасплох, авиация мятежников не смогла оказать серьезного сопротивления. К исходу следующего дня завершилось окружение Теруэля.

Несмотря на радостное известие, Штерн, к которому Птухин прибыл на КП фронта, расположенный в железнодорожном туннеле в горе Охос Негрос, был озабочен.

— Хосе, то, что докладывают ваши разведчики о движении войск противника из Сарагосы к Теруэлю, очень тревожно. Несмотря на окружение Теруэля, темп наступления очень низок, фронт легко прорвать, и тогда трудно будет удержать город. Все силы бросьте на уничтожение подходящих резервов.

Оправившись от неожиданного удара республиканцев, Франко гнал войска под Теруэль, снимая их с других фронтов. Изо дня в день увеличивалось число фашистских самолетов в воздухе. Прилетевший с задания Евгений Степанов рассказал, что

атаковал какой-то новый самолет мятежников, у которого в кабине, помимо летчика, есть стрелок с пулеметом, прикрывающий заднюю полусферу. Вскоре стало известно, что это новый бомбардировщик «Юнкерс-87».

В разгар боев пришел вызов в Москву командира истребительной группы Ивана Еременко. Птухина это огорчало.

— Не вовремя ты уезжаешь, Иван, — посетовал Птухин, прощаясь с ним.

— Моя бы воля, до победного конца остался. Но ничего, меня есть кем заменить, Гусев не хуже. Волнует появление пикировщиков Ю-87. Что это за птица, сколько их будет, как с ними бороться. Война показывает, что скорость пятьсот уже мала. Нужны пушки на истребителях, надо увеличивать высотность и скороподъемность. И-16 уже устарел, а про И-15 и говорить нечего.

— Да, Иван, вопрос, каким должен быть истребитель, и мне не дает покоя ни днем ни ночью. Нужно, чтобы уже сейчас вступили в сражение советские конструкторские бюро с немецкими. Когда в этих схватках наши КБ выйдут победителями, тогда и наши летчики победят…

Теперь над Теруэлем разыгрывались воздушные бои, каких не видывало небо Испании. Фашисты эшелонировали группы в 30–40 самолетов по высотам от двух до пяти тысяч метров. Шла борьба за верхний эшелон. Кто выше, тот владыка положения. Командование республиканских ВВС тактике фашистов противопоставило свою тактику. Теперь в самые верхние эшелоны назначались самые лучшие мастера воздушного боя.

Утром 22 декабря начался бой, который запомнили летчики обеих воюющих сторон. Над Теруэлем, как обычно за последние дни, «висела» группа фашистских самолетов. И то, что четырем эскадрильям республиканцев, появившимся здесь, фашисты навязали бой, не было странным. Необычным показалась поспешность, с которой они ринулись в атаку, без попытки занять выгодное тактическое положение. Это заставило насторожиться командира группы Гусева. Так делается, когда хотят связать боем истребители, чтобы бомбардировщики могли без помех работать над целью. Но опытным взглядом он успел убедиться, что бомбардировщиков нет.

В считанные минуты число самолетов возросло до полутора сотен крутящихся до высоты пяти тысяч метров.

Все чаще стали падать сбитые самолеты. Были моменты, когда почти одновременно повисали на парашютах сбитые летчики республиканцев и мятежников. Такого упорства фашисты еще не проявляли в воздушном бою.

Вот И-16, резко завалившись на крыло, пошел круто вниз. Было похоже, что повреждено управление. Атаковавший его Ме-109, предвидя скорую победу, ринулся следом. После безрезультатной пулеметной очереди фашистский летчик решил нагнать свою жертву и с короткой дистанции сразить наверняка. И-16 шел прямо на склон горы. Высота падала катастрофически, но Ме-109 быстро его нагонял: 300, 200, 100 метров отделяют их друг от друга. Но вот И-16 резко взмыл вверх перед самым склоном горы. Тотчас то же самое сделал и Ме-109, но, имея почти в два раза больший вес, он «просел» и плашмя ударился в гору…

При соотношении сбитых самолетов пять к семи в пользу республиканцев бой постепенно затухал. Противники на пределе горючего уходили домой.

От взятого в плен итальянского летчика выяснилась причина лихого упорства фашистов в прошедшем бою. На смену частей, разгромленных в ходе штурмовки Гарапинильоса, прибыли летчики высшей школы воздушного боя итальянских ВВС, которым была поставлена задача отомстить за посрамленную честь.

…Постепенно выдыхалась самая крупная наступательная операция республиканцев, которая с успехом могла бы закончиться разгромом фашистских войск. Министр Прието, с самого начала не веривший в наступательный характер Народной армии, трижды объявлял операцию законченной и трижды снимал часть войск и авиации с Теруэльского фронта.

Птухин понимал, что операцию спасти уже не удастся. Он видел, как тяжело переживают все, кто не жалел сил в борьбе с фашистами. В феврале 1938 года его вызвали в Москву, когда захват Теруэля мятежниками был очевиден.

Он вложил в эту операцию весь свой опыт, накопленный дома и здесь, в боевой обстановке. Теперь истребители с успехом штурмовали фашистские аэродромы, и ни у кого не вызывало удивления, что результат при этом был хороший. У него где-то даже появилась мысль, что нужно создать специально истребитель для штурмовок наземных целей. Вроде «летающего танка». Чтоб было крыло, броня и вооружение, и летать он должен на самой малой высоте, «между кустиков». Но над этим следовало еще подумать.

Грустно было расставаться с испанскими и советскими друзьями, продолжавшими борьбу. Он видел эту искреннюю грусть и у них.

Еще грустнее было оттого, что так и не удалось встретиться со своим старым другом со времен гражданской войны Иваном

Пидголой. Иван погиб в разгар Теруэльской операции. Страшная занятость, видимо, не позволяла и ему, Пидголе, так же как и Птухину, выкроить минуту для личной встречи. В ходе Теруэльской операции они оба были почти рядом, на одном фронте, что, несомненно, облегчало возможность встречи. Но Пидгола был на передовой, а он, Птухин, мотался по аэродромам. Однако Птухин надеялся, что в редкие случаи приезда на К.П фронта мог встретиться с Пидголой, который иногда бывал там. Ему рассказали, что последний приезд Пидголы совпал с бомбардировкой командного пункта. Прямо у входа в туннель, где был расположен КП, его убило осколком бомбы. Какая нелепость! Ведь войди он на секунду раньше в туннель, ему не страшна была бы никакая бомбардировка. Но советник, который рассказывал о его гибели, утверждал, что он и на передовой не укрывался от артобстрела и бомбежки, за что прослыл среди испанцев бесстрашным. Тяжко терять друга, а главное, в будущем не будет возможности прийти поклониться его могиле.

* * *

Для всех было удобнее, если бы Евгений Саввич с Соней сели на поезд в Барселоне и доехали бы до пограничного города Портбоу. Сервандо же такой план никак не устраивал. Он хотел быть последним, с кем генерал Хосе и сеньорита Соня простятся на испанской земле.

— Не обижай его. Мы не имеем права отказать ему в этом.

Соня взяла Птухина за руку.

— Хорошо, Сервандо, пусть будет так, как ты хочешь.

Сервандо грустил по-настоящему глубоко. Он вел машину молча и не спеша те десятки километров, которые раньше пролетал как на крыльях. Последняя поездка с генералом Хосе! Птухин положил ему руку на плечо, предложил сигарету, пытался расшевелить забавными историями из дорожных приключений. Даже такой случай, когда уставший Сервандо по дороге в Мадрид завез их в расположение противника, не мог сегодня вызвать улыбку у шофера, хотя раньше он от души хохотал над этим воспоминанием.

На перроне, не скрывая слез, Сервандо уткнулся в грудь Птухину. Растроганно тот гладил его по спине и, сам еле сдерживаясь, бормотал:

— Ну, ну, Сервандо, будь мужчиной… Мы еще встретимся. Обязательно встретимся… Ты приедешь в Москву… Война закончится, и это станет возможным.

Высунувшись из вагона, они долго махали одинокой фигуре на перроне.

Поезд вошел в туннель. Когда он кончился, Евгений Саввич и Соня были уже на территории Франции…

Глава IX
НА СВОЕЙ ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ

Не без волнения входил Птухин в кабинет нового начальника Управления ВВС Локтионова. Он был знаком с ним давно, еще по службе в Белоруссии. В отличие от других «пехотинцев» в авиации Александр Дмитриевич в душе остался преданным древнейшему роду войск. Он не летал и не стремился научиться. Тем не менее добросовестно исполнял возложенные на него партией обязанности начальника Управления ВВС.

Локтионов встретил Птухина приветливо. Только в такие моменты можно было убедиться, что этот на вид сумрачный человек с наголо обритой головой и большим нависающим лбом может так обаятельно улыбаться.

— Здравствуйте, дорогой Евгений Саввич, рад вашему благополучному возвращению. Примите мои поздравления в связи с присвоением вам звания комкора. Загорели, но осунулись. Оно и понятно, не на курорте были…

— Александр Дмитриевич, я бы хотел знать полную ясность о моих отчетах по командировке и перспективах дальнейшей службы.

— Да, да, — посерьезнел Локтионов. — Нарком выразил неудовольствие по поводу ваших докладов. Он считает, что, однажды сделав неверные выводы, вы просто до сих пор упрямитесь. Поэтому ваши доклады не попали к товарищу Сталину, несмотря на то, что он о них спрашивал. По этому вопросу надо поговорить со Смушкевичем, он в курсе дела. Я сейчас приглашу его.

Смушкевич вошел, сдержанно поздоровался.

— Яков Владимирович, нам троим надо уточнить взгляды на опыт войны авиации в Испании, которые лягут в основу требований к конструированию новых самолетов, — обратился Локтионов к Смушкевичу.

— Видите ли, Евгений Саввич, о качествах нашей авиации было много отчетов до вас, они хорошо известны правительству. Выводы из них существенно отличаются от ваших. Поэтому, естественно, сложилось впечатление, что вы сгустили краски в характеристике недостатков авиационной техники и тактики, — начал Смушкевич.

— Разве в моих отчетах только эмоции? Там ведь расчеты, факты, анализ.

Понимая, что сейчас многое зависит от того, насколько проникнется объективностью его доводов Локтионов, Евгений Саввич по памяти стал излагать основные положения недавно написанного им отчета. Он доказывал необходимость пушечного вооружения на истребителе, поскольку немецкие протестированные бензобаки почти не страдают от пуль ШКАС [ШКАС — авиационный пулемет калибра 7,62 миллиметра]. Птухин приводил количество пострадавших летчиков из-за отсутствия бронирования кабин, а также факты о том, как это бронирование осуществлялось кустарным способом механиками самолетов. В вопросах управления воздушным боем Птухин считал обязательным установку на самолетах радио, подкрепляя это примерами, когда подсказом можно было существенно повлиять на исход схватки. Так же обстоятельно он доказывал отсталость существующего взгляда на одновременное применение в воздушном бою скоростных И-16 и маневренных И-15. Последние привязывали к себе И-16. В конце он поставил вопрос о необходимости перехода звена от трехсамолетного состава к четырехсамолетному, состоящего из двух пар и хорошо зарекомендовавшего себя в воздушных боях в небе Испании.

— Это моя точка зрения, отказаться от нее в угоду кому бы то ни было я не могу и не имею права. Ради этого авиации отдано двадцать лет жизни, — уже взволнованно закончил он.

Локтионов слушал внимательно, изредка делая пометки в тетради. Смушкевич заметил, что конструкторы считают наши И-16 и СБ на уровне времени.

— А вы? — спросил Птухин.

Вопрос относился к обоим. Но никто не ответил. Неожиданно Локтионов спросил:

— Кем бы вы хотели работать?

— От командира эскадрильи до командира бригады. Сейчас идет перестройка на полковую систему, для меня это ново, я вижу в этом большую перспективу.

— А как вы смотрите, если вас оставят в аппарате Управления ВВС?

— Я летчик, без систематических полетов не могу. Мое место в строю.

— Хорошо, я доложу о нашем разговоре наркому Ворошилову.

Дни тянулись невыносимо долго, несмотря на то, что друзья старались отвлечь Евгения Саввича от невеселых дум. Анатолий Серов с утра приносил целую пачку билетов в музеи, кино,

театры, раскладывал на столе и, заставив Птухина отвернуться, тыкал пальцем в билет, спрашивал: «Сюда?» — «Нет». — «Сюда?» При этом бодро приговаривал: «Наконец-то ликвидирую свою эстетическую неграмотность». Анатолий дарил дружбу без оглядки на обстоятельства.

2 марта Серов позвонил очень рано и спросил: «Вы дома?» Потом почти начальственно добавил: «Ждите меня!» — и бросил трубку.

Птухин уже устал от его культпоходов и без радости подумал о том, что еще придумал этот неугомонный человек.

Серов на этот раз пришел без билетов, но зато тотчас развернул газету «Известия» и ткнул пальцем в строчки, выделенные красным карандашом:

— Глядите: «За особые заслуги перед Родиной наградить… комкора Птухина Евгения Саввича орденом Ленина и боевого Красного Знамени».

В длинном списке награжденных Анатолий стал выискивать фамилии друзей-летчиков: «Годунов, Панфилов… Смотрите! Соня Александровская! Орденом Красной Звезды!»

В этот же день Птухина пригласил к себе Локтионов.

— Рад за вас, поздравляю с наградами и назначением на должность командующего ВВС Ленинградского военного округа.

Птухин не сомневался, что Локтионову пришлось изрядно употребить свой авторитет, отстаивая его назначение.

В ту же ночь Птухин вместе с Прониным, которого Евгений Саввич взял к себе в заместители начальника штаба бригады, выехали к месту новой службы.

* * *

Словно усталый конь, отфыркиваясь белыми клубами пара, «Красная стрела» вошла под арку Московского вокзала. Птухин с Прониным едва успели выйти из вагона, как к ним подскочил молоденький лейтенант. Представившись адъютантом командующего войсками округа командарма второго ранга Дыбенко, он доложил, что прислан встретить командующего ВВС округа. Птухин был очень тронут вниманием прославленного героя гражданской войны Павла Ефимовича Дыбенко.

Ни он, ни Пронин никогда ранее не бывали в этом легендарном городе и попросили провезти по центру.

Юркая «эмка» развернулась на площади и, разбрызгивая грязный мартовский снег, стала пробираться сквозь толпу привокзальных пешеходов.

Адъютант любил свой город и гордился тем, что может блеснуть знанием его. Полуобернувшись к приезжим, он стал комментировать каждую улицу и чуть ли не каждый дом.

— Главная улица Ленинграда — проспект Двадцать пятого Октября, или, как называют коренные ленинградцы, Невский проспект, начинается вот отсюда, от Знаменской церкви. Это самый красивый проспект Советского Союза…

Птухин вошел в кабинет командующего войсками Ленинградского военного округа Павла Ефимовича Дыбенко, когда тот стоял у окна с газетой «Известия» в руках. Он был взволнован.

— Читали? — спросил он после того, как Птухин представился. — Это очень серьезно. — И стал цитировать: — «Завтра может быть поздно, но сегодня время для этого еще не прошло, если все займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира…» Вот, сожрали Австрию, а Франция и Англия за это больше похвалили, чем осудили Гитлера. Кто же теперь на очереди? Чехи? Поляки? Словом, подбираются к нашим границам. Агентура докладывает, что финны строят пограничные укрепления капитально, с размахом. А мы? Нам надо укрепляться в два раза быстрее. Особенно совершенствовать аэродромную сеть. Если финны нападут, то это будет, вероятно, зимой. Летом на территории тысячи озер и миллионы болот — особенно не развернешься. Значит, нашей авиации надо осваивать ледовые аэродромы.

Да, это была почти программа действий для командующего ВВС округа.

Аэродромы округа разместились на громадной территории. Знакомство с боевой подготовкой авиационных полков комкора огорчило. Ряд командиров частей и соединений мало уделяют внимания личной летной подготовке. Показалось, что даже нет такого рвения к полетам, какое было раньше, например, в Бобруйске. Это же уму непостижимо! Два комбрига на маршруте в 150 километров дважды теряли ориентировку и садились на вынужденную для опроса местных жителей! Как ямщики, да и то подвыпившие. Вот и результат: сломана стойка шасси.

Старший летчик-инспектор округа Иван Журавлев [И. П. Журавлев — впоследствии генерал-полковник авиации] словно знал, что он нужнее всех сейчас командующему

— Заходи, садись, давай порть настроение с утра пораньше.

— У меня служба такая, — улыбаясь, начал доклад Журавлев. — Я заготовил приказ по аварии в Порхове.

Птухин быстро пробежал листок, отложил в сторону.

— Так, что ты предлагаешь для командиров? Опять выговор?

Они привыкают к ним как к портупее. Один мне сказал, что, когда у него нет выговора все равно по какой причине, он чувствует себя как бы не по форме одетым. Нет, Журавлев, в наших приказах есть что-то неживое и нудно-однообразное. Ведь сама по себе авария — печальный факт, а ты еще развел такую панихиду. После этого летать не захочешь. Нет в приказе оптимистического вывода. О потере ориентировки двумя именитыми военачальниками нужен особый приказ. Не такой, как обычно. С юмором! Особенно в той части, где дается описание их подготовки к полету. Идея такая: «Мы все знаем, все можем, нам все нипочем». Это разгильдяйство, и над ним посмеяться не грех. Я думаю, от такого приказа пользы будет больше, чем от разноса.

— Товарищ командующий, все знают, что приказы сочиняю я, смеяться будут надо мной, — возразил Журавлев.

— Будут. Если остроумно напишешь — то над ними, если плохо — то над тобой.

Начальник штаба ВВС округа А. П. Некрасов бегло пробежал проект журавлевского приказа. Потом, медленно опускаясь в кресло, начал сначала:

«18 июля 1938 года два больших командира собрались совершить полет по маршруту: Луга — Псков — Порхов. Они взглянули с высоты своего величия на столь мелкие отрезки пути, немного посовещались и к обоюдному удовольствию обнаружили, что все знают, все умеют и все им нипочем…»

Некрасов глубоко вздохнул, покрутил шеей, расстегнул ворот мундира, чувствуя, что в данный момент он мешает нормально дышать.

Такого в его практике еще не было: «Не иначе как Зощенко начитался…» Однако командующий внимательно прочитал приказ и, расхохотавшись, подписал его, добавив: «Молодец, Журавлев!»

Всю неделю на аэродромах округа приказ был главной темой разговора. Многие знали его наизусть и даже предлагали включить в программу художественной самодеятельности. Несмешно было только героям нового литературного жанра — приказ-новеллы.

* * *

В апреле, будучи в Москве, Птухин встретил своего бывшего начальника штаба Смоленской бригады Александра Новикова. С тех пор как они расстались, судьба жестоко обошлась с Александром Александровичем: похоронил жену, не успел

оправиться от семейной беды, грянула беда служебная. Теперь его направляли снова в Смоленск.

— Неужели ты согласился поехать в Смоленск?

— В моем положении, Евгений Саввич, выбирать не приходится.

Птухину и в голову не приходило отделаться банальным сочувствием. Помочь! Но как? Пока Новиков продолжал рассказ, Евгений Саввич решил. У него освобождается должность начальника штаба ВВС округа. Но еще неизвестно, кого дадут! А тут перед ним талантливый штабист.

— Пойдешь ко мне начальником штаба?

Новиков от неожиданности замер, пытаясь понять, насколько серьезно предложение Птухина.

— Ну что, — вывел его из оцепенения комкор, — согласен или нет?

— Так ведь не утвердят меня. Масштаб-то какой! Птухин начал действовать и добился утверждения

Новикова. А вскоре от Александра Александровича пришла телеграмма с сообщением о приезде. Птухин встречал его на вокзале. Александр Александрович выскочил на перрон, когда поезд еще не остановился. Они обнялись.

— Давай вещички, и ко мне.

— У меня дети, Евгений Саввич, — Александр Александрович показал в сторону подходивших к ним ребят.

— Ого, полвагона и все Новиковы! — рассмеялся Птухин. — Ничего, разместимся. По-русски: «в тесноте, Да не в обиде». Куда вам в гостиницу? Детям в номере неудобно. Создадим второй «коммунальный» штаб ВВС. Все, что не успеем на работе, обмозгуем за обеденным столом!

С приездом Новикова штаб заработал, как отлаженные часы, ритмично и точно. Теперь командующий ВВС на своем красном И-16 спокойно улетал на самые отдаленные аэродромы.

Особое беспокойство у него вызывала истребительная бригада ПВО. Это было основное соединение прикрытия Ленинграда, и ему хотелось быть уверенным в его высокой подготовке. Поэтому, когда прислали помощником командира этой бригады Александра Бормана, Птухин обрадовался вдвойне. Как много прошло времени и событий с тех пор, как Саввов назвал их учлетами.

В августе пришла телеграмма от Военного совета ВВС: комкор Птухин обязан отбыть на курсы усовершенствования командного и начальствующего состава при Академии Генерального штаба РККА. Отрываться от любимого дела, друзей и сослуживцев всегда грустно. Если бы не на учебу, можно было и отговориться.

* * *

К своему удивлению, Птухин заметил, что учеба на курсах не увлекала так, как раньше — при инженерной академии. «Отчего это? — спрашивал он себя. — Собственный опыт, стаж или сильный уклон теперешнего преподавания в сторону академизма?» Материалы казались знакомыми истинами, но упрощенными и высушенными, словно цветы в гербарии. Гораздо полезнее были беседы с теми, кто воевал в Испании или на Дальнем Востоке. Много часов просидел Птухин со своим брянским однополчанином Алексеем Благовещенским [А. С. Благовещенский — впоследствии генерал-лейтенант авиации], только что вернувшимся из Китая. Алексей был интересным собеседником, умевшим дать глубокий анализ большим воздушным боям с японскими летчиками.

В день XXI годовщины РККА весь курс построили для торжественного приведения к военной присяге, после чего зачитали приказ о назначении слушателей на должности. Птухин оставался на своем прежнем месте. Благовещенского назначили в Ленинградский военный округ командиром 57-й истребительной бригады ПВО. Ради этого Птухин побывал несколько раз в Управлении кадров ВВС.

* * *

В сложнейшей международной обстановке 1939 года собрался XVIII съезд ВКП(б). Съезд призывал советский народ к бдительности. «Мы не боимся угрозы со стороны агрессоров и готовы ответить двойным ударом на удар поджигателей войны…» — заверил Сталин с трибуны съезда.

Но для этого нужно было держать порох сухим.

По возвращении в Ленинград Птухин застал перемены — округом командовал командарм второго ранга Кирилл Афанасьевич Мерецков. Он еще зимой до приезда Птухина обследовал округ и сделал неутешительные выводы относительно его готовности. С Птухиным они были знакомы по Белорусскому округу. И сейчас, при первой же встрече, Кирилл Афанасьевич сразу начал о делах:

— Мы сделали запрос в Генеральный штаб относительно оборонительных сооружений линии Маннергейма, но разведка, видимо, не имеет точных сведений, потому что отписалась политико-экономическим обзором Финляндии. Отсутствие разведданных с нас не снимает ответственность, а усложняет

работу. К следующему заседанию Военного совета округа подготовьте справку о возможном характере боевых действий авиации в различные времена года, а также что необходимо от округа или Наркомата обороны для ведения этих действий успешно. На днях будьте готовы: все члены Военного совета вместе с Ждановым отправятся осматривать южную границу округа — от Чудского озера и на юг.

Из штаба Птухин вышел поздно. Начиналась пора незабываемых ленинградских белых ночей.

«Все, решено, беру Соню и пойду гулять! Давно обещал. Так могут и белые ночи кончиться… Да, совсем забыл, у меня же дома гость! Сам пригласил Виктора Годунова потолковать о его делах и забыл».

Евгений Саввич поспешил домой.

За чаем Виктор изложил свою просьбу перевести его в Ленинград. После ранения в воздушном бою под Сарагосой ему необходимо специальное лечение, которого в Бобруйске нет. Годунов летал и хотел летать долго. Для этого нужно было лечить раненую руку. А тем, кто хотел летать, Птухин отказать не мог.

Проводив Годунова, Соня и Евгений Саввич медленно шли по светлому ночному городу. Соня не устает восторгаться белыми ночами:

— Наверное, трудно представить белую ночь без Ленинграда. Ленинград создан для поэзии и любви… для серенад, — Соня стала загибать пальцы, — для живописи…

Евгений Саввич продолжил.

— …Для обучения молодых летчиков полетам ночью, — теперь стал загибать ее пальцы он, — для групповых ночных полетов и вообще для полетов двадцать четыре часа в сутки…

— У тебя, кроме полетов, есть еще что-нибудь в голове?

— Ты! — обнял он жену за худенькие плечи. Соне очень хотелось узнать, кто же на первом месте, но она сдержалась, не желая ставить его в неловкое положение. И так все было ясно: большинство выходных дней он не бывает дома. Словно угадав ее мысли, он убежденно заговорил:

— Не сердись на меня, Соня. Иначе я не имею права. Нам надо как можно больше летать ночью. Неизвестно, сколько времени на тренировки отпустит нам противник. Вероятнее всего, мало.

Соня вспомнила недавний разговор мужа с Благовещенским у них дома. Евгений Саввич убеждал:

— Необходимо в белые ночи переключиться на ночную работу, чтобы в течение двух месяцев все сто процентов летчиков постепенно перешли к полетам в темные осенние ночи.

Благовещенский усомнился, что все могут летать ночью.

— Что ж, тогда дневных летчиков списывать из авиации?

— Зачем списывать? Можно перевести в разведывательные, транспортные отряды. Но истребители должны стать все ночниками.

* * *

Почти каждый месяц Сталин вызывал Мерецкова для доклада о подготовке округа к отражению возможных провокаций Финляндии, поскольку там катастрофически нарастал антисоветский психоз, захватывавший широкие слои населения. Как результат шюдкоровской [Шюцкор — реакционная организация буржуазии и кулачества в Финляндии] пропаганды студенческий союз заявил правительству о желании часть своих каникул бесплатно отработать на строительстве линии Маннергейма.

Все яснее обнаруживались и цели Германии. Премьерой разыгранной провокации в Глейвице Германия открыла шлагбаум на польской границе. Началась вторая мировая война. С этого момента стала реальной угроза нападения фашистской Германии на СССР через Прибалтийские страны. По договору с Литвой, Эстонией и Латвией началось строительство советских военных баз на территории этих государств. Ответственность за оборонные мероприятия в Эстонии была возложена на руководство Ленинградского военного округа. Мерецков вместе с Птухиным объехали всю Эстонию, намечая районы строительства укреплений и аэродромов. Результаты рекогносцировки они докладывали Сталину на даче.

Птухин и раньше несколько раз встречался со Сталиным на приемах после воздушных парадов, но общаться так близко, за одним обеденным столом, еще не приходилось. Порядка доклада никакого не было. Внешне это было похоже на беседу, где, естественно, больше задавал вопросы Сталин. И когда раздался вопрос: «А как товарищ Птухин мыслит использовать авиацию с аэродромов Эстонии в случае конфликта на финской границе?» — Птухин от неожиданности растерялся. Он выждал время и, чтобы скрыть волнение, стал медленно излагать свой план. Сталин слушал не перебивая. Будучи тонким психологом, он, видимо, изучал логику мышления командующего, о котором уже много слышал и знал.

— Товарищ Птухин, вы должны хорошо себе представить всю полноту ответственности, если хоть одна бомба упадет на

Ленинград.

Эти слова были убедительнее любого приказа.

Зима началась рано, с сильными морозами и обильными снегопадами. Уже в начале ноября озера стали пригодны для базирования авиации. Птухин подтянул истребители на аэродромы Карельского перешейка. Самым близким к границе оказались полки 59-й бригады. Условия для летного состава были тяжелыми, и комкор считал своим долгом постоянно находиться на передовых аэродромах. Сам лично отрабатывал с летчиками управление воздушным боем в различных условиях и различными группами. Неоднократно можно было наблюдать такую сцену. На летном поле хороводом, расставив руки в стороны, летчики то приближались, то расходились вокруг командующего, имитировавшего руками эволюции самолета. «Полет» проходил при полной тишине, изредка нарушаемой эпитетами командующего в адрес несообразительных.

Разведданные говорили о возможной войне с Финляндией в самое ближайшее время. Число финских дивизий, придвинутых к границе, росло изо дня в день. Стали известны слова члена внешнеполитической комиссии парламента Финляндии Фрича, заявившего после осмотра укреплений на Карельском перешейке, что Финляндия к войне готова. 10 октября финское радио сообщило о начинающейся эвакуации населения из стокилометровой приграничной полосы на Карельском перешейке и Финском заливе, из городов Хельсинки, Вийпури, Тампере.

Птухин, помня слова Сталина, пробовал держать прогретыми моторы самолетов передовых полков в течение суток. Но через неделю обнаружилось, что, если сорокапятиградусные морозы продержатся еще два месяца, к концу года округ окажется без бензина. Командующий искал выход из положения. Наконец появилось решение, которое самому Евгению Саввичу показалось сначала авантюрным. Он рискнул поделиться им с Прониным. Тот неожиданно нашел его остроумным и надежным. После этого командующий дал указания: установить дежурство ответственного командира на станции Левашово с целью наблюдения за проездом представителя Финляндии Паасикиви. Если тот проехал в сторону Москвы, готовность обычная. Если он возвращается в Хельсинки, в первые сутки держать прогретыми моторы всех самолетов, далее — только передовых полков. Пронин сам инструктировал каждого дежурного командира.

25 ноября 1939 года Паасикиви проследовал из Москвы.

…Прогретые за ночь моторы сделали авиацию Ленинградского округа способной подняться в воздух вслед за командой «Боевая тревога».

Теперь, с началом войны, Птухин становился командующим ВВС 7-й армии, на которую возлагалась задача нанести основной удар на Выборгском направлении. Возглавил армию Мерецков.

Как назло, зарядили туманы, переходящие в низкую облачность. Авиация бездействовала, а в ней была острая необходимость, поскольку войска продвигались крайне медленно. Птухин не находил себе места, с ненавистью глядя на серое облачное одеяло, накрывшее фронт по всему горизонту. Бездействовала авиация и противника, но это Птухина мало утешало. Шло наступление, а самолеты сидели на аэродромах, если не считать отдельные вылеты мелких групп, в то время как планировались массированные действия.

В штабе армии стали раздаваться голоса, связывающие первые неудачи наступления с бездействием авиации, естественно, адресуя упреки Птухину. Кое-кому показалось, что это мнение разделяет и командующий армии Мерецков. Один из крупных работников штаба, подбодренный молчанием Мерецкова, сначала осторожно, потом громче стал высказываться о том, что Птухин слишком «по-мирному» бережливо относится к летному составу, боится рисковать. Дальше больше!

Мерецков прекратил все эти пересуды одной фразой:

— Птухину я доверяю как себе, и если он не разрешает вылет, то это, значит, единственно разумное решение.

В середине декабря поздно вечером, когда член Военного совета ВВС Агальцов перечитывал разведсводку, зазвонил кремлевский телефон.

— Вы знаете остров Даго?

— Да, товарищ Сталин.

— Там надо построить аэродром для эскадрильи И-16, и как можно быстрее.

— Но там сплошные леса.

— Вы что, не знаете, как среди лесов города вырастают?

— Ясно, товарищ Сталин.

В трубке раздался щелчок, все смолкло. Агальцов перевел дух и немедленно стал звонить Птухину.

— Хосе, — они по привычке иногда еще называли друг друга испанскими именами, — твоя задача такова: нужно срочно построить аэродром на Даго. Сейчас я звоню Мерецкову, попрошу помочь всем, что потребуется. Сообщай мне каждый день, как идут дела.

На следующий день почти следом за Птухиным Агальцову позвонил Сталин и был приятно удивлен тем, что уже два батальона приступили к работе.

— Кто ответствен за работу?

— Птухин, товарищ Сталин, — с готовностью ответил Агальцов.

К Новому году на укатанный аэродром сел полк И-16. Агальцов немедленно доложил Сталину.

— Как полк? — удивился Иосиф Виссарионович.

— Мы построили не на эскадрилью, а на полк.

— Это хорошо. Птухин молодец, — тихо и мягко сказал Сталин. И Агальцов по голосу понял, как он при этом скупо улыбнулся в усы. «Надо срочно передать разговор Птухину, — подумал Агальцов, — это для него значит больше, чем награда».

Со второй половины декабря все чаще стали появляться просветы в облаках. Пользуясь этим, Птухин поднимал все шесть полков бомбардировочной авиации для ударов по крупным военным объектам — Хельсинки, Котко, Лахта. Такого массированного применения наша авиация еще не знала. Началась отработка взаимодействия командиров авиационных бригад с общевойсковыми. Имея превосходство в воздухе, Птухин стал использовать истребители для штурмовок железнодорожных эшелонов и автоколонн, как это делал в Испании. Снова, словно зубная боль, возникла неудовлетворенность стрелковым вооружением самолетов.

Пока шла подготовка к штурму линии Маннергейма, по просьбе Мерецкова была сфотографирована вся основная полоса обороны в крупном масштабе. На основе фотосхем Мерецков окончательно уточнил план прорыва, с которым поехал на доклад к Сталину. Он изложил и предложение Птухина: наравне с артиллерийской провести и авиационную подготовку наступления, что в практике применения ВВС было новым. Сталин подробно ознакомился с этим предложением и поставил условие завершить разгром белофиннов до весеннего разлива.

В начале января 1940 года на базе Ленинградского округа был организован Северо-Западный фронт во главе с командармом первого ранга Тимошенко. Птухин, назначенный командующим авиацией фронта, сосредоточил основную массу самолетов в направлении удара 7-й армии Мерецкова, у которого теперь авиацией командовал Герой Советского Союза комкор С. П. Денисов.

Постепенно осуществлялось намерение Птухина сосредоточить всю авиацию в одних руках. Но возникло новое осложнение.

Пока не надо было давать команду на вылет и потом нести за это ответственность, присланные Управлением ВВС в полки и бригады советники из числа участников боев в Испании и на Дальнем Востоке считали своим долгом вмешиваться в

организацию предстоящих боевых действий. Иногда это были дельные советы, а иногда… Все чаще стали поступать жалобы от командиров частей и соединений на вмешательство советников в прямые обязанности командиров. Действуя через голову командующего авиацией фронта, они докладывали прямо начальнику ВВС Смушкевичу. Создавалась напряженная обстановка в частях. И это накануне наступления, когда командующему никто не должен мешать.

О своем решении удалить всех советников из частей Птухин доложил на Военном совете фронта.

— А нельзя ли найти смычку в работе командиров и советников? — переспросил член Военного совета Жданов. — Все-таки «ум хорошо, а два — лучше».

— Можно, но на это нужно время, у нас его нет, и не исключено, что в решающий момент ум зайдет за разум.

Тимошенко согласился с мнением Птухина.

* * *

С началом артподготовки авиация нанесла удар по точно известным укреплениям противника, затем в ходе наступления последовательно стала сопровождать боевые порядки сухопутных войск. Птухин вместе с Тимошенко, начальником артиллерии Вороновым [Н. Н. Воронов — впоследствии Главный маршал артиллерии. Был добровольцем в Испании] с командного пункта Мерецкова следили за результатами ударов авиации. Кирилл Афанасьевич, только накануне получивший впервые радиостанцию, теперь моментально сообщал результаты авиационной поддержки.

Наступление развивалось успешно. Можно было выкроить минутку навестить в госпитале раненного в воздушном бою Пронина. По дороге из штаба округа в госпиталь на углу Садовой и проспекта 25-го Октября взгляд Птухина остановился на человеке, одетом в старое летное кожаное пальто и надвинутой на глаза пилотке. Это при морозе-то в 18 градусов. Фигура этого человека показалась Птухину знакомой. Шофер притормозил, и Евгений Саввич узнал одного из командиров истребительных бригад Белорусского округа.

— Алексей Кулдин? — осторожно спросил Птухин. Тот вымученно улыбнулся и вяло отдал честь.

— Садись в машину, поехали.

— Не стоит, товарищ комкор.

— Если я тебе комкор, то приказываю! — Птухин сдвинул

брови.

Кулдин все стоял на тротуаре.

— Зачем это, Евгений Саввич? Рискуете. Даже не все родные принимают.

— Ладно, переживем, поехали.

Кулдин два года назад был отстранен от работы.

Оставив Кулдина в своем кабинете, Птухин отправился к Тимошенко, от него к Жданову, где застал Николая Николаевича Воронова.

— Конечно, Евгений Саввич, мы устроим его, поможем, но почему прямо заместителем командующего ВВС армии? Он ведь более двух лет не соприкасался с авиацией, многое за это время изменилось… Потом ему надо отдохнуть от всего пережитого, а вы сразу в работу. А каковы его планы, интересовались?

— Нет, Андрей Александрович, не спрашивал, не буду. Я уже встречался с такими. Главное для них — скорее возвратиться в дело, почувствовать свою необходимость, доверие. А забыть отверженность можно только в коллективе, когда коллектив с тобой считается как с равноправным. Ему сейчас отдых моральный важнее отдыха физического. В способностях его я не сомневаюсь. Он был одним из лучших командиров бригад.

Птухин видел, как одобрительно кивнул Воронов и приветствовал испанским жестом поднятой правой руки, сжатой в кулак. Жест не ускользнул и от Жданова. Он улыбнулся.

— Ну что ж, коль вы ручаетесь! Будем требовать.

Через три дня совершенно преобразившийся полковник Кулдин представился командующему ВВС в связи с вступлением в должность.

* * *

Трещала хваленая линия Маннергейма. 7-я армия обходила с северо-запада Выборг, за которым открывалась совершенно не защищенная столица Хельсинки. Еще до того, как пришло указание Главного Военного совета РККА о прекращении огня, руководство фронтом знало, что время войны исчисляется уже часами.

В апреле 1940 года заседание Главного военного совета. ЦК ВКП(б) подвело итоги финской кампании. Несмотря на победу, встала необходимость разобраться в причинах расхождения действительности с лозунгом «На удар врага мы ответим тройным ударом». Резкой критике была подвергнута вся система боевой подготовки видов Вооруженных Сил и родов войск, ее

слишком большая условность и «тепличный характер». О действиях авиации на Северо-Западном фронте делал доклад Птухин. Несмотря на то, что авиация с задачами, возложенными на нее, справилась успешно, в отчете командующего ВВС фронта основное внимание было уделено недостаткам, вытекавшим из децентрализации управления, слабого вооружения, отсутствия радио, низкой подготовленности к полетам в сложных погодных условиях днем и ночью.

— Если мне не изменяет память, вы подобное писали и в отчете по спецкомандировке? — спросил Сталин.

Птухин ответил утвердительно.

После заседания Сталин заметил, что Птухин заслуживает высокой награды, тем более что его заслуги в Испании оценены недостаточно.

Вскоре на столе у Сталина оказалось составленное Мерецковым и подписанное Тимошенко представление на присвоение комкору Птухину звания Героя Советского Союза. А через неделю рано утром, поднятый с постели телефонным звонком, Птухин услышал в трубке радостный голос Жданова:

— Спите? А надо давно плясать! Не догадываетесь? Ну, полно вам! Поздравляю с присвоением Героя Советского Союза! Рад за вас искренне, Евгений Саввич!

Птухин от волнения не своим голосом тихо повторял:

— Спасибо, Андрей Александрович, большое спасибо…

Особой заботой партии и правительства стала реконструкция авиационной промышленности. К концу 1941 года страна должна была иметь авиационных заводов в два раза больше, чем имела в 1939-м. Налаживалось производство новых типов самолетов:. Як-1, МиГ-3, Пе-2, Ил-2. Реализация этих планов позволила бы иметь к концу 1941 года комплект самолетного парка ВВС и создать резерв. Для этого нужно было время.

Глава X
ЦЕНА ПЕРЕДЫШКИ

— Здравствуйте, товарищ Слюсарев [С. В. Слюсарев — впоследствии генерал-лейтенант авиации], садитесь. Вам, видно, сказали в управлении кадров, что я просил назначить вас ко мне заместителем по бомбардировочной авиации. Мне о вашей работе рассказывал Копец, да я и сам наблюдал за вами еще в вашу бытность в Петрозаводской армии… Мне уже делали упрек, что я перехватываю кадры. А кому же хочется, чтобы с ним работали не лучшие?

Слюсарев смотрел на шагающего по кабинету командующего

и вспоминал первую встречу с ним, когда в начале войны координировались действия авиации 7-й и 8-й армий. Тогда в предложениях командующего ВВС 7-й армии Птухина оказались предусмотрены все подробности взаимодействия и представителям 8-й армии во главе с Копцом оставалось только принять план действий. Еще поразила тогда черта комкора четко определять границы работы. Но как только были выяснены все служебные вопросы, он сразу же заговорил на приятельские темы с Иваном Копцом, будто только ради этого и приехал. После ухода Птухина ему и комиссару Андрею Рытову [А. Г. Рытов — впоследствии генерал-полковник авиации] Копец признался, что, сколько знает комкора, все время завидует птухинской оперативности и конкретности мышления…

— Главных задач округа сейчас две, — прервал воспоминания Слюсарева Птухин, — освоить территорию, отошедшую по договору с Финляндией, и в корне пересмотреть нашу боевую подготовку частей. На совещании Главного Военного совета справедливо указывалось, что авиация обучалась в тепличных условиях. Война требует гораздо строже, чем мы думали. Да вы и сами убедились. Плохие погодные условия в этой войне преподали нам тяжелый, но нужный урок. Важно правильно сделать выводы из этого урока. Летать при безоблачном небе можно научить и медведя. Тут ума много не требуется. Все видно: капот, горизонт, земля, и не нужно никакого образного представления положения самолета в пространстве. Мы должны добиться и добьемся, чтобы в первую очередь летчики-бомбардировщики нашего округа были не хуже летчиков спецполка Стерлигова [Б. В. Стерлигов — основатель штурманской службы советских ВВС. Был Главным штурманом ВВС. В декабре 1939 года под командованием Стерлигова был сформирован из опытных летчиков бомбардировочный полк для действий ночью и в сложных метеорологических условиях]. Надо до мелочей изучить и использовать их опыт подготовки летчиков и особенно ЗОС [ЗОС — сокр. Земное обеспечение самолетовождения]. Наконец, необходимо обобщить опыт боевых действий авиации округа. Все-таки сделано сорок семь с половиной тысяч самолето-вылетов. Есть примеры успешного выполнения боевых заданий в сложных погодных условиях.

Возможно, следует положить их в основу методики обучения и широко пропагандировать. Мы сейчас пропагандируем геройские подвиги наших летчиков, одиннадцать раз приземлявшихся на территории противника, чтобы спасти боевых друзей, севших там на вынужденную. И это правильно. Но нам не менее важно пропагандировать успешное выполнение задания в

трудных погодных условиях. Не скрою, когда я добивался вашего назначения в наш округ, то надеялся возложить эту трудную задачу на вас.

Немного подумав, Птухин продолжил:

— Наша победа в финской кампании — это только передышка. Цена этой передышки дорогая очень. Но, чтобы она не стала дороже, необходимо использовать ее бережно, ведя счет на дни, часы, может быть, даже минуты. В соответствии с приказом № 120 наркома обороны по боевой подготовке на летний период начнем перестройку обучения летчиков. Никаких послаблений! Как на войне, даже труднее. Пусть на войне потом покажется легче, чем на учении. У нас составлен план проверки частей. Начнем с Мурманского направления. В деталях с планом вас познакомит начальник штаба Новиков…

Это было похоже на конец разговора, потому что командующий взялся за телефон, прочитав записку, положенную адъютантом.

— Степан Акимович, что же это вы? Честное слово! Зачем такие формальности! Я всегда рад вас видеть… Конечно, жду… Да нет, никаких срочных дел нет…

Комбрига Степана Акимовича Красовского Птухин встретил у двери. Для него Степан Акимович остался уважаемым старшим комиссаром, как когда-то в Клементьевских лагерях, где Птухин был всего лишь командиром звена. Теперь служебные положения их существенно изменились. Красовский во время войны командовал авиацией 14-й армии Мурманского направления и подчинялся командующему авиацией Ленинградского военного округа Птухину.

У них было что вспомнить. У обоих путь в авиацию был далеко не легким. Вспомнили друзей и сослуживцев. От души посмеялись над чудачествами общего своего командира Ширинкина, который, отрабатывая срыв в штопор на высоте сто метров, врезался в землю на «ньюпоре», сломал ногу и уже на носилках со слезами на глазах причитал: «Погиб красный воздушный ас Ширинкин». Вспомнили и совсем еще свежие события финской войны, успехи и неудачи боевых вылетов.

* * *

Авиация округа со стороны напоминала сезонный перелет птиц. Одни полки улетали на полевые аэродромы по плану боевой подготовки, другие — осваивали новы-; места базирования, третьи — перегоняли самолеты для новых

формирований. ВВС никогда еще не готовились так интенсивно, как сейчас. Недавно сменивший Ворошилова нарком Тимошенко выводил работу армии на форсированный режим. Было увеличено учебное время для мотопехоты до девяти часов в сутки, для пехоты — до десяти часов. А для авиации, шутили летчики, нарком сократил учебное время сроком от зари до зари.

Руководящий состав армии находился под впечатлением недавно прошедших боев в финской кампании. Генеральный штаб в мартовской директиве потребовал, чтобы опыт частей, принимавших участие в войне, был в кратчайший срок изучен и сделан достоянием всей Красной Армии.

На ближайшем Военном совете округа командующий Мерецков по-новому определил характер подготовки войск:

— Надо сделать так, чтобы боевая подготовка округа представляла собой единый процесс двусторонних учений войск, прерываемых для разбора этапов этих учений…

После совета он задержал Птухина в кабинете:

— Евгений Саввич, хочу поделиться с вами мыслями, не дающими мне покоя. В прошедшей войне у нас не возникала необходимость применения больших танковых групп. Но мне думается, в будущей войне это неизбежно. По-видимому, авиационная поддержка таких групп — дело нелегкое и имеет существенные отличия от поддержки пехоты. Есть проблема и еще — это высадка крупных воздушных десантов в глубине территория противника. Здесь пока бесспорно только одно, — роль авиации огромна. А конкретный характер ее действий при этом не изучен. Это вопросы, которыми вам предстоит заняться в ближайшее время. Первые опытные учения мы начнем с отработки высадки тактического десанта, постепенно увеличивая его масштабы.

* * *

До того, как начнутся учения совместно с сухопутными войсками, Птухин решил провести их у себя в авиационных частях. Давно уже не поднимается с рассветом красный «ишачок», на котором командующий любил «разминать кости». Теперь Евгений Саввич стал редким гостем и в штабе ВВС округа. Почти каждый день ряд полков участвовал в учении, и если Птухин не руководил им сам, то обязательно присутствовал на этих учениях.

Вскоре в округе началось учение по выброске тактического воздушного десанта. Птухин приехал на место предстоящего приземления, чтобы оценить качество штурманских расчетов. В

точно указанное время над полем показался первый ТБ-3, и из него один за другим стали сыпаться парашютисты. Строго на определенной высоте раскрывались парашюты, и они, словно семена одуванчика, зависали в воздухе. Уже масса их ступеньками приближалась к земле. Но вот за одним из прыгнувших вместо привычного купола вдруг вытянулся длинный белый мешок. Птухин во всю мощь голоса закричал:

— Запасной парашют!

Еще секунда, и парашютист нагнал ранее выпрыгнувшего, заскользил по куполу его парашюта. Этого торможения оказалось достаточно, чтобы запутавшийся ком парашюта обогнал падающего человека и перевернул его. Путаясь в стропах чужого парашюта, десантник падал вниз головой. От деформации купола резко возросла скорость снижения ранее выпрыгнувшего парашютиста.

От надвигающейся катастрофы у Птухина сжалось сердце. Подобное, даже более страшное, он видел еще в Испании, когда благополучно выпрыгнувшего из горящего самолета республиканского летчика, попирая всякие нормы гуманности, стал расстреливать франкистский истребитель. После первой же очереди, словно нитки, лопнули перебитые стропы, и летчик с душераздирающим криком камнем упал на землю. Но то была война. А сейчас в мирном небе на его глазах в считанные секунды трагически обрывалась жизнь двух молодых парней.

…Едва только парашютист проскочил ниже своего напарника, как тотчас вдруг резко перевернулся вверх головой и, казалось, замер. До земли оставалось не больше ста метров.

Птухин подскочил к машине, возле которой, глядя в небо, оцепенело стоял шофер.

— Гони!

Когда командующий на ходу выпрыгнул из автомобиля перед приземлившимися двумя десантниками, те, бледные от пережитого, стояли, крепко обнявшись.

Завидев Птухина, один из них, вскинув окровавленную руку к шлему, сделал шаг навстречу:

— Товарищ комкор, боец Зеленое…

— Что с рукой? — перебил Птухин.

— Стропами, когда захватил его парашют. — Он показал на своего спасенного товарища.

— Какой же вы молодец! Герой! Вы посмотрите, — обратился он к подоспевшим командирам, — не растерялся! А какая реакция! Настоящая истребительская! Комбат, представьте к награде. А это вам от меня. — Птухин стал поспешно расстегивать ремешок своих любимых часов.

Он дал указание выяснить причины перехлестывания стропами купола парашюта и доложить ему. Учения продолжались. Десант занимал оборону…

* * *

Люди и техника работали на пределе возможного. За людей Птухин еще мог поручиться, но старая техника уже не выдерживала. Она, как организм много лет прожившего человека, несмотря на строгий контроль врачей, таила в себе массу непредвиденных сбоев.

…Это был на редкость «черный» день. Четыре летных происшествия. К одному из упавших самолетов пришлось добираться на лошадях, заседланных моторными чехлами. Вдвоем с командиром полка Птухин проехал двадцать пять километров.

Самолет лежал метрах в ста на небольшой лужайке. Уже издали было видно наполовину свесившееся через борт тело летчика, как будто собиравшегося вывалиться из кабины. Широкая полоса крови ярко выделялась на борту и центроплане. Недалеко сидели стайкой притихшие вездесущие деревенские ребята. Напуганные видом летчика, они боялись подойти к самолету ближе.

— Дядь, он чегой-то долго висит так, поди, кровью изойдет, — обратился один из них к подъехавшим военным.

— Кто из вас видел, как самолет упал? — спросил командующий.

— А он не упал. Он кружился, кружился, так и сел, — мальчишки каждый по-своему изобразили движение самолета, в котором нетрудно было узнать плоский штопор.

Самолет казался почти целым. Из-за слоя пыли трудно было разглядеть, что он растрескался на отдельные части.

— Смотрите, нет правой половины стабилизатора, — позвал Птухина командир полка, — она нам очень нужна для восстановления причины катастрофы.

Командующий окликнул ребят:

— Надо найти вот эту штуку, — он показал на левую часть стабилизатора, — она где-то здесь недалеко.

Птухин внимательно осмотрел кабину. Похоже, что летчик расстегнул привязные ремни и, видимо, пытался выпрыгнуть во время вращения самолета, но не смог преодолеть центробежную силу.

К вечеру, когда Птухин вернулся на аэродром, его ждало уже

четвертое по счету сообщение, теперь от Благовещенского. Вместе с Журавлевым он вылетел к нему. После приземления на пробеге они увидели, как им навстречу бежал сам командир дивизии. Вскочив на плоскость СБ, Благовещенский наклонился к Птухину и, перекрывая шум моторов, доложил, что у него на полевом аэродроме Макушкино летчик не смог сбросить конус после стрельбы, зашел на посадку, зацепился за дерево и упал…

— Кто у вас летает буксировщиками? Недоучки? Таскай конус сам, если не можешь никому доверить!

Нервы командующего сдали. Возможно, он бы продолжил, но мешал шум моторов и усталость. Благовещенский спрыгнул с плоскости.

— Давай в Ленинград, — услышал Журавлев по СПУ [СПУ — самолетное переговорное устройство] голос командующего. — Пусть к утру доложат о причинах.

Возвратился в штаб Птухин поздно. Прошел в кабинет, сел за стол, подпер голову рукой. Устал. Не хотелось думать о работе: «Хорошо бы поехать в отпуск, все равно куда. Только бы с Соней. Соня! Что ты сейчас делаешь? Наверное, уложила дочурку спать и ждешь, когда я приеду. А вот четверо летчиков сегодня домой не приедут. Тоже наверняка есть дети, которые спят и не знают, что уже остались без отцов».

Самое страшное — это сообщать женам о гибели мужей. Евгений Саввич всегда, будучи командиром бригады, это делал сам и испытывал притом чувство вины уже за то, что первым приносил тяжелое известие. В этих случаях он не мог никакими доводами разума отделить чужое горе от своего. Гибель летчика всегда оставалась горем его личным…

Когда Журавлев, приоткрыв дверь, попросил разрешения войти, Птухин, не меняя позы, слегка кивнул в знак согласия.

— Товарищ командующий, какие будут указания? — тихо спросил Журавлев.

— Какие тут указания! Иди отдыхай. На сегодня хватит: налетались, наездились, наскакались. Впрочем, зови сюда Слюсарева и Златоцветова. — Птухин взял себя в руки. — Нельзя предаваться одним переживаниям, от этого число происшествий не уменьшится.

* * *

Соня открыла дверь в тот момент, когда Евгений Саввич поднял руку, чтобы нажать кнопку звонка.

— Ты не болен?.. Нет? У тебя на работе неприятности? —

допытывалась она.

— Почему ты так решила?

— Ну, во-первых, ты не приехал на машине, во-вторых, необычно медленно поднимался по лестнице, в-третьих, твое лицо…

— Что ты, Соня, — Евгений Саввич тяжело положил ей руки на плечи. — Просто жарко. Неприятностей у меня нет, а болеть сейчас преступно, хотя очень хотелось бы полежать, почитать книги и никаких встреч, кроме как с тобой и врачом…

Это было в его натуре — не приносить в дом служебные неприятности. Но сегодня ему, кажется, не удалось скрыть свое состояние после нагоняя, полученного на Военном совете округа.

Сам являясь членом Военного совета, Птухин и не предполагал масштабов разноса. Об этом можно было, правда, догадаться по обращению командующего Мерецков, когда тот в отличие от привычного «салют авиации» хмуро посмотрел, не ответив на уставное приветствие…

— Расскажите, товарищ Птухин, в какие сроки вы планируете разбить все самолеты округа? — недобрым голосом спросил Кирилл Афанасьевич.

Один вопрос чего стоит! Речь шла о последней серии аварий. Птухин посмотрел на Жданова, начальника штаба округа Чибисова и понял, что в вопросе командующего округом нужно меньше всего усматривать юмор. Потом, когда рассматривались другие вопросы боевой подготовки, обида несколько притупилась. Он подумал, что с Мерецкова спрашивают в правительстве не только за авиацию, но за весь округ отнюдь не мягче, чем Мерецков с него. Это он знал точно…

Евгений Саввич сидел, положа руки вокруг тарелки остывающего супа, и медленно катал хлебный шарик-Звонок он не слышал.

— Женя, — вошла жена, — пришел Годунов, ты приглашал его…

Соня обрадовалась, что это выведет его из тяжелых раздумий.

— Годунов? Ах да, проводи его в кабинет.

Виктор Годунов стоял с рукой на перевязи через шею. Птухин вспомнил, что тот упал на раненую руку и снова сломал ее.

— Садись. Вот что, друг ситный, видно, хватит тебе летать. Иди на штабную работу, а то ты именно из-за своей несчастной руки сломаешь себе голову.

Птухин задумался, припоминая свободные должности.

— Заместителем начальника штаба полка по разведке, устраивает? — И тут же назвал часть и место базирования.

— Так точно, товарищ командующий!

— Ну вот и хорошо. Соня! — позвал он. — Напои нас чаем.

Обняв Годунова за плечи, Птухин повел его в столовую.

* * *

В июне 1940 года командование войсками Ленинградского округа принял бывший командир 70-й стрелковой дивизии Михаил Петрович Кирпонос, прославившийся в боях с белофиннами и удостоенный за это звания Героя Советского Союза. Его дивизия входила тогда в 7-ю армию Мерецкова, где в начале войны Птухин командовал авиацией, поэтому он хорошо знал Михаила Петровича. Еще ближе он познакомился с Кирпоносом в ходе февральского наступления Северо-Западного фронта. По замыслу операции, с началом артподготовки авиация стала наносить удары по укрепрайонам противника и далее перешла на сопровождение боевых порядков наступающих частей.

О том, что это сопровождение осуществляется неудачно, первым заявил командир 70-й дивизии Кирпонос. Птухин поехал к нему на командный пункт.

— Какое же это сопровождение, товарищ комкор? — возмущался командир дивизии. — Посмотрите, как далеко от моих боевых порядков бомбят ваши летчики. За это время, пока мы преодолеем расстояние, финны успеют не только оправиться после бомбардировки, но и забыть о ней.

Птухин стал разбираться. Оказалось, наводчики авиации, выделенные из числа пехотных командиров, боясь, что летчики ударят по своим, с большим запасом обозначили передний край. Птухин вызвал в качестве наводчиков своих авиационных представителей. Стали бомбить близко. Но Кирпонос не унимался, настаивая действовать еще плотнее:

— На винтовочный выстрел, вот как надо, — требовал он.

— Так зачем вам тогда винтовки? — пошутил Птухин. — В атаку-то не на кого будет идти, авиация за вас все сделает.

Но ему нравилась настойчивость Кирпоноса.

Теперь Михаил Петрович стоял во главе всех войск округа, в том числе и авиации, и Птухин подчинялся ему. Новый командующий сразу же предложил ряд важных мероприятий по укреплению боевой готовности округа, в том числе полевые поездки руководящего состава дивизий и корпусов по Карелии и Кольскому полуострову для оценки возможностей прикрытия и развертывания ударных сил. В нем чувствовался уже зрелый военачальник крупного масштаба, и Птухин надеялся, что с Кирпоносом они в короткое время выполнят задачи по подготовке

округа к предстоящей войне.

Глава XI
НА ОСОБЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ

Вторая мировая война была в разгаре. В течение апреля — мая пали Дания, Норвегия и Бельгия. Используя советский опыт прорыва линии Маннергейма, немцы успешно справились с линией Мажино, и 22 июня 1940 года командующие группами армий «А», «Б», «С» торжественно отметили в Париже успешное завершение плана «Гельб», обозначавшего разгром Франции. С этого момента усилилась дипломатическая возня вокруг Венгрии и Румынии, судьбу которых нетрудно было предугадать.

Естественно, Советское правительство и Генеральный штаб РККА учитывали складывающуюся обстановку, проводили соответствующие мероприятия.

26 июня 1939 года Главный Военный Совет РККА счел необходимым преобразовать Киевский военный округ в Особый (КОВО) со всеми вытекающими из этого последствиями.

Сталин был убежден, что в случае агрессии Германия главный удар направит на Донбасс, чтобы завладеть основной сырьевой и промышленной базой СССР. Поэтому он проявлял особую заботу о Киевском округе. КОВО усиливался войсками, техникой, кадрами. Срочно вызванного из Монголии генерала Георгия Жукова, уже отличившегося полководческим талантом, назначили на должность командующего войсками КОВО.

Летом 1940 года Птухин был назначен командующим авиацией КОВО.

* * *

— Товарищи, приказом 03252 я переведен в Киевский особый военный округ. — Птухин грустно улыбнулся. — Благодарю вас всех за помощь, которую вы оказывали мне, желаю плодотворной работы на благо нашей Родины… Может, кого и обидел, не обессудьте, на работе все может быть, не на курорте же… Александр Александрович, второй раз за меня остаешься. Прямо судьба. Не миновать третий раз, — тряс он руку Новикову, который вновь вернулся в штаб округа после расформирования 8-й армии, где возглавлял авиацию.

Бывший командующий ВВС Ленинградского военного округа прощался с собравшимися сотрудниками штаба, которые поздравляли его не только с новым назначением, но и

присвоением ему звания генерал-лейтенанта.

…Птухин был очень тронут, увидев на вокзале в Киеве своего питомца из Бобруйской бригады Платона Смолякова. Здесь же оказался и начальник штаба ВВС округа генерал Николай Алексеевич Ласкин. Птухин знал, что он будет у него начальником штаба, но не думал о встрече с Николаем Алексеевичем вот так вдруг, на вокзале. В Брянске они служили в одной бригаде. Николай Алексеевич возглавлял тогда штаб бригады, а Птухин был для него одним из четырех командиров эскадрилий. Потом, после Брянска, они виделись изредка на совещаниях в округе, а после Испании вот сегодня впервые. Теперь Ласкин подчинялся Евгению Саввичу. «Если я сейчас же не задам нужный товарищеский тон нашим отношениям, потом перестройка займет много времени, а может оказаться и безрезультатной», — подумал Птухин при виде его.

Ласкин был интересным человеком, со сложной биографией. Намного старше Птухина, он происходил из дворянской семьи и имел все, что необходимо офицеру с солидным артиллерийским образованием для сравнительно легкого продвижения по «табели о рангах». Однако в первую мировую войну он переучился на летчика, стал одним из отважных офицеров этого романтического рода войск и был отмечен наградами за боевые заслуги.

С первых дней победы революции Ласкин не скрывал своего происхождения, хотя и не любил разглагольствовать о причинах, побудивших его встать под красное знамя революции. Это был один из честнейших военспецов, которыми могла гордиться Красная Армия.

Сейчас перед Птухиным стоял все тот же элегантный, чуть пополневший генерал и сдержанно улыбался.

— Здравствуйте, Николай Алексеевич. — Птухин первым приложил руку к пилотке, отдавая честь.

Поехали сразу же на улицу Чкалова в штаб округа. Штаб в этот день охватила какая-то торопливая нервозность — ждали приезда Жукова, возвращавшегося из ознакомительной поездки по округу.

Ласкин предложил, пока нет Жукова, представиться начальнику штаба округа генералу Пуркаеву, только что приехавшему из Германии, где он был военным атташе.

— Хорошо это или плохо, — говорил по пути Николай Алексеевич, — но по характеру он похож на Георгия Константиновича Жукова: сух, официален, ни одного лишнего вопроса, ни одного лишнего ответа. Специалист! Такие рождаются завернутыми в мобилизационный план или боевой приказ.

Птухин постучался, вошел, доложил. Прежде чем предложить сесть, Максим Алексеевич Пуркаев откровенно рассмотрел через сильные стекла пенсне стоящего перед ним генерала Птухина. Протянул руку.

— Садитесь. Кроме банальных вопросов о самочувствии, я вам сейчас ничего задать не могу. Как и вы, еще не знаю округа. По крайней мере т, ак, как это надлежит начальнику штаба. Думаю, и у вас ко мне вряд ли возникли деловые вопросы.

Птухин ответил, что это действительно так.

— Как говорится, познаем друг друга в труде, — сказал на прощанье Максим Алексеевич.

«Действительно суховато, — подумал, выходя, Птухин, — но для работы это не так уж и плохо». Евгений Саввич представился Жукову.

— Что знаешь о своей авиации, генерал?

— Пока немного. Тридцать пять полков базируются в страшной тесноте. Это с чужих слов, остальное нужно смотреть самому и как можно быстрее.

— Вот именно. Езжай, или, как у вас, летай, изучай, к концу месяца доложи состояние частей. И потом ни одного дня нелетного! Хорошо помни опыт финской. А то у вас как наступление, так нет летной погоды. Мы не члены Осоавиахима, для нас подготовка к войне конкретна и именно с Германией. Осенью на учениях авиация должна показать, на что она способна!

В августе Птухину с великими трудностями удалось добиться перевода Слюсарева на должность своего заместителя. К большой радости Евгения Саввича, командовать 36-й истребительной дивизией ПВО приехал старый друг Александр Борман. Одновременно с ним Птухуну представился новый командир 19-й бомбардировочной дивизии Александр Богородецкий [А. К. Богородецкий — впоследствии генерал-лейтенант авиации], о котором Птухин слышал в 30-е годы как об участнике «звездных перелетов» в Москву.

Это был все молодой, энергичный народ, но малоопытный для таких масштабов командования. Проводя первое свое совещание с командирами соединений, Птухин, объективно оценив их оперативную подготовку, мысленно резюмировал: только бы не началась война раньше, чем они окрепнут.

До конца лета красный И-16 командующего, перегнанный из Ленинграда Платоном Смоляковым, перелетал с аэродрома на аэродром. И его посадка означала для полка учебно-боевую тревогу. После отбоя Евгений Саввич вместе со штабом ломал голову над сокращением сроков подготовки к вылету по тревоге.

Значительно труднее было устранить скученность самолетов на аэродромах. Полевые аэродромы строились медленно и почти без всякого оборудования. Главное, не было цистерн под бензин, и никто их не обещал. Самое тяжелое положение с емкостями сложилось у Бормана.

— Придумай, Саша, что-нибудь, но цистерны надо достать любыми способами! Иначе мы не сможем рассредоточиться, — не столько приказывал, сколько просил Птухин.

Когда командующий вернулся из очередной поездки, Ласкин шумно ворвался к нему в кабинет.

— Евгений Саввич, ваш Борман-то жулик! Да, да! Звонил окружной прокурор. Дело заводят. Он незаконно устраивает сделки с колхозами и заводами. Сено с аэродромов меняет, а оно государственное. Вот дожили! Командир дивизии — меняла-барышник! Уже пятьдесят кубометров емкостей наменял!

— Постой! Он цистерны для чего выменял, огурцы солить, что ли? На огурцы ему одного ведра хватит. А в колхозе сено сейчас дороже, чем цистерны! Вот и меняют.

— Так ведь незаконно. Это прокурор сказал.

— А ты думаешь, прокурор понимает, что такая скученность самолетов — это тоже незаконно? Или ты заодно с прокурором?

— Да нет, конечно.

— Ну так объясни прокурору. Он юридический крючкотворец, а ты штабной. Вот и устройте турнир, кто кого. Если не справишься, зови меня на помощь. А Борман молодец! Пятьдесят кубометров! Надо, чтобы другие командиры не продешевили сено!

* * *

Сентябрьское учение 41, 97 и 99-й стрелковых дивизий с применением авиации закончилось успешно. На предварительном разборе нарком Тимошенко лестно отозвался о действиях авиации. Ласкин, широко улыбаясь, наклонился к Птухину, чтобы поделиться распиравшей его радостью, когда услышал:

— Таким образом, подготовку авиации округа можно в целом признать удовлетворительной…

— Вот те на, — зашептал Николай Алексеевич, — точно как в студенческом анекдоте: материал знаете на «отлично», ставлю вам «удовлетворительно».

Сразу после разбора к Птухину подошел Мерецков.

— Я смотрел на вас, Евгений Саввич, когда нарком говорил об авиации. Трудно было удержаться от улыбки, глядя, как

изменилось выражение вашего лица после окончательной оценки. При прежнем наркоме вы бы получили «пять с плюсом», а Семен Константинович на похвалу скуп, особенно когда вопрос касается оперативной подготовки молодых кадров. Стоит на том. что всякому умению нужно дать вызреть, укрепиться…

Нарком поставил в известность, что в конце года состоится совещание командного состава армии. Намечено обсудить характер применения видов Вооруженных Сил в современной войне.

Действительно, вскоре пришло подтверждение из Генерального штаба, где было указано, что от КОВО основной доклад должен сделать генерал армии Жуков, а остальным командующим видами Вооруженных Сил готовиться к выступлениям. Жуков предупредил всех, что доклад будет готовить полковник Баграмян [И. Х. Баграмян — впоследствии Маршал Советского Союза], которому нужно представить все справочные данные.

Это была сравнительно легкая задача. Более сложную поставил начальник Управления ВВС П. В. Рычагов, приказавший выполнять в зимний период полеты только на колесах. Но для этого нужно было чистить или укатывать снег на взлетной полосе. А чем? Начальник авиации этого не указал. Не мог ничего посоветовать своим командирам дивизий и Птухин, когда знакомил их с приказом. Техники не было, и людей не хватало. Обильные снегопады за короткий срок сводили к нулю всю работу аэродромного обслуживающего персонала, разгребавшего снег лопатами. Затрещали планы боевой подготовки. А летать нужно было ежедневно!

Разговор с Рычаговым по телефону не дал результатов, за исключением неуверенных обещаний прислать технику для очистки снега. Птухин искал выход, тормошил комдивов, все время напоминая, что время уходит.

Вскоре стало известно, что Богородецкий потихоньку летает на лыжах. За ним последовали и другие. Возобновились ежедневные вылеты. Птухин был рад. Но появилась другая сложность. Теперь командующему было неудобно прилетать на аэродромы дивизии, где командиры явно нарушали приказ. Пришлось вызывать их к себе в штаб.

Богородецкий вошел в кабинет с каким-то смущением, доложил, что прибыл по вызову.

— Ну, как дела с полетами?

— Летаем понемногу, товарищ командующий. — Он решил проверить, что известно Птухину о его нарушениях.

— Понемногу нельзя, есть план.

— Так ведь зима, трудно чистить…

— Что ты мне морочишь голову. Думаешь, я не знаю, как ты летаешь на лыжах? Ну и летай! Только не забывай и о тренировке на колесах. При устойчивой погоде сразу же чистить полосу — и на колеса!

— А мы так и делаем, товарищ командующий! И как только пришлют снегоочистители, снимем лыжи совсем. А как другие выходят из положения?

— Другие? По-всякому, в основном как ты, нарушают. Но мы далеко от Москвы. А вот в Московском округе — боятся нарушать. Есть полки, которые практически не летают.

Совещание, о котором говорил нарком, открылось 23 декабря 1940 года в Доме Красной Армии. Первый доклад начальника Генерального штаба Мерецкова об итогах и задачах боевой подготовки задал совещанию деловой тон. Кирилл Афанасьевич призвал сосредоточиться на анализе недостатков, путях их устранения в короткие сроки. Начал он разбор с Наркомата обороны и Генерального штаба.

Птухин следил за выступлениями и вычеркивал у себя в блокноте вопросы, уже поднятые выступающими. И когда на четвертый день совещания в зале прозвучало: «Слово предоставляется командующему авиацией Киевского особого военного округа генерал-лейтенанту авиации Птухину», у него осталось всего три вопроса. Важно было их коротко и доходчиво изложить.

— Современное развитие авиации все меньше оставляет надежды на вторую атаку. Отсюда вытекает требование к вооружению самолета, обеспечивающему уничтожение противника первой очередью. Если начнется в ближайшее время война с Германией, то из истребителей нам встретятся: Ме-110, Хе-190, Ме-109, у которых секундный залп соответственно: 8; 3,3; 1,9 килограмма. Полагаем, что к этому моменту наши части получат самолеты: ЛаГГ-3, Як-1, МиГГ-3. Залп их соответственно равен 3,2; 1,78; 0,73 килограмма. Как видите, есть значительное отставание. Но залп залпу рознь. Наши залпы главным образом из пулеметов калибра 7,62 и 12,7 миллиметра, а у немцев только Ме-109 имеет одну пушку, а остальные по две. При высокой бронированности самолетов наши залпы подобны горсти гороха о броню, не говоря о низкой эффективности стрельбы по наземным целям. Этот вопрос был поднят на основе опыта войны в Испании, но до сих пор ни руководство ВВС, ни конструкторы не поняли его неотложность.

Птухин посмотрел на часы и решил, что в оставшееся по регламенту время успеет осветить еще только один вопрос. Он

сказал о нуждах округа, обратив внимание на недопустимо близкое расположение имеющихся аэродромов к границе и продолжающееся строительство новых на таком расстоянии, которое позволяет обстрел их дальнобойной артиллерией с чужой территории.

Выступление было одобрительно встречено участниками совещания и руководством.

В перерыве его подозвали Мерецков и Жданов. Андрей Александрович крепко пожал руку:

На следующий день в субботу после приезда из Москвы Птухин затащил Ласкина к себе домой на обед. Николай Алексеевич сопротивлялся, но вяло, а Птухин был настойчив. Чувствовалось, что они соскучились друг по другу, успев привязаться за сравнительно короткий срок совместной работы.

— Здравствуйте, глубокоуважаемая Софья-прекрасная, — галантно прикоснулся губами к руке Сони Николай Алексеевич, — не обессудьте за непрошеный визит.

— Сразу видно старорежимного интеллигента. Его и на работе так зовут: «интеллигент штаба», — смеялся Евгений Саввич. — У Николая Алексеевича все «милейшие», «уважаемые», даже когда ругается. Представляешь, Соня, сегодня слышу крик в коридоре. Выхожу, а это мой начальник штаба распекает командира: «Как вы могли, почтеннейший, не выполнить приказ, это же преступление! Не вынуждайте меня к крайним мерам, извольте сейчас же сделать то-то и то-то», — копировал Ласкина под общий смех Птухин. — Ну, в общем, все в высочайшем стиле. Оказывается, командир закончил составлять документ поздно и не пришел к начальнику штаба, полагая, что тот, как все нормальные люди, уже отдыхает дома. А «милейший интеллигент штаба» заработался, встал на вахту в ночную смену. За десяток молодых тянет.

— Тяну, тяну. Армия для меня все. Меня убить легче всего. Скажи: «Ласкин, ты уже не военный» — и я готов — клади под образа.

— Вы все там какие-то маньяки. Ведь Евгений Саввич, пожалуй, первую субботу, очевидно, в связи с окончанием года обедает дома.

Софья Михайловна была права. Несмотря на обед и домашнюю обстановку, разговор шел вокруг служебных дел. Оба очень хорошо понимали, что война не за горами, оценка состояния округа вообще и авиации в частности была далеко не такой оптимистической, как пелось в песнях.

— Знаете, Николай Алексеевич, у меня все больше складывается убеждение, что мы постоянно и почти слепо

пытаемся втиснуть вопросы использования авиации в те узкие рамки, в которых проходили войны в Испании и на реке Халхин-Гол. Я и сам после испанской командировки придерживался таких взглядов. Но уже в конфликте с Финляндией масштабы использования ВВС оказались значительно больше. Наше распыление авиации по армиям приемлемо для малых войн, но для будущих больших столкновений оно неприемлемо. Централизация в одних руках — вот единственная возможность массированного ее использования на необходимых направлениях. Я в этом убедился, когда командовал ВВС Северо-Западного фронта. Обратите внимание, уже совершенно определенно наметилась тенденция крупномасштабного применения авиации. Опыт массированных ударов фашистской авиации в Польше, во Франции. Размах! Правильно нарком Тимошенко в заключение совещания упрекнул, что руководящий состав ВВС плохо изучает этот опыт. Было много выступлений, и толковых выступлений, а единого мнения не получилось. Как планировать операции ВВС на направлении главного удара? Как навязать противнику свою волю? А если будет массированное вторжение авиации противника в наше воздушное пространство, как его отравить? Я вот отмечал, примерно половина выступающих тяготеет к старым, устоявшимся взглядам…

— Чем вы это объясняете, Евгений Саввич? — перебил Ласкин.

Птухин помедлил.

— Мне думается, причин несколько. Посмотрите на наш руководящий состав ВВС, он на девяносто девять процентов состоит из участников войн в Испании или на Халхин-Голе. Следовательно, сильная привязанность к своему личному опыту. В силу различных обстоятельств многие пришли в руководство с должностей командира полка и даже эскадрильи, соответственно со своим масштабом мышления. Отчасти виновна и наша военная наука. Как вы думаете, по каким вопросам в ней самая большая неясность?

— Надо полагать, по вопросам обороны.

— Да! Поэтому доклад Тюленева [И. В. Тюленев — генерал армии. В то время командовал Московским военным округом] «Характер современной оборонительной операции» слушали разинув рот. Но ведь он говорил в основном о проблемах, не о деталях, и главным образом о действиях наземных войск. Место ВВС в этой операции пока не раскрыто. И речь шла об армейской оборонительной операции. А в масштабах фронта? О такой обороне и слов не было. Неужели нельзя ее предположить? Тут есть над чем подумать, и весьма срочно. Кстати, начальник

Главного управления ВВС определил нам тему теоретической разработки «Действия ВВС по уничтожению крупных механизированных соединений противника, прорвавшихся в глубину нашей территории». Срок представления — до первого апреля. Распределите силы для сбора и обработки материалов с учетом последних войн в Европе и наших крупных учений. Ну а теперь поговорим о заботах наших насущных…

Ласкин рассказал, что строительство КП в Тернополе идет нормально и к апрелю обещают закончить полностью.

— К апрелю? Это не так уж нормально. Надо подумать, как ускорить, возможно, помочь своими силами.

* * *

С первых дней нового 1941 года в округ стали поступать новые самолеты: МиГ-1, ЛаГГ-3, Як-1, Пе-2, Ил-2. Сталин ежедневно интересовался ходом освоения новой техники. Поэтому и штаб округа докладывал итоги в Управление ВВС ежедневно. Однако организация переучивания была несовершенной. Приказ требовал осуществлять переучивание на полевых приграничных аэродромах, где тем более не хватало техники для очистки и уборки снега. Вместе с новыми оставались на стоянках и старые самолеты. Скученность мешала работе и служила хорошей мишенью в случае внезапного нападения противника.

Пользуясь правом друга, Борман решил поговорить с командующим по ряду вопросов переучивания. Он вошел в кабинет, когда Птухин говорил с кем-то по телефону ВЧ. Евгений Саввич жестом показал на стул. Видно было, что разговор не из приятных.

— …Что я предлагаю? Я предлагаю то же самое, о чем написал вам. Переучивание проводить на тыловых аэродромах по одному полку от дивизии. А остальные пусть поддерживают боевую готовность на старых типах… Какая здесь выгода? Все выгоды изложены в тексте… Да, надо делать, но и рассуждать тоже не мешает, особенно перед тем, как делать, даже в вашем положении… Ясно, понятно, до свидания.

Птухин в сердцах бросил трубку.

— Вот такие дела, Саша, тебе пересказать тему разговора?

— Нет, Женя, не надо, все понял.

— А ты, Саша, по делу или мимоходом?

— Мимоходом. — Борман передумал начинать разговор.

— Тогда у меня к тебе дело. Облетай всю систему ВНОС

[ВНОС — воздушное наблюдение, оповещение и связь] округа, определи ее возможности и недостатки, особенно оповещение истребительных частей.

— Так, Женя, ведь это не мое дело.

— Твое, твое, а то назначат тебя вот туда. — Птухин показал на телефон ВЧ. — Так хоть будешь знать, нужное даешь приказание или так себе.

* * *

Горячка переучивания усиливалась с каждым днем. В середине января после декабрьского совещания из Москвы вернулся Жуков уже начальником Генерального штаба. Едва ли не первым, кого он пригласил в кабинет, был командующий ВВС округа, от которого потребовал доложить итоги освоения новой техники.

Говоря об организационных недостатках, Птухин видел, как опускались густые брови Георгия Константиновича, а по углам губ образовывались глубокие складки. Это был признак крупного недовольства. Но смягчать и приукрашивать обстоятельства Евгений Саввич не собирался.

— И когда же летчики округа станут боеготовыми на новой технике?

Птухин назвал реальные сроки.

— Да вас за такие сроки надо снять и разжаловать, — не поднимая головы, чеканил каждое слово Жуков.

— Если это ускорит переучивание, вам не следует задерживаться с моим разжалованием, товарищ генерал армии.

Голова Жукова наклонилась еще ниже над столом. Птухина он знал хорошо еще по совместной службе в Белорусском округе, ценил деловые качества и откровенность. Сам же предлагал Сталину его кандидатуру на должность начальника ПВО страны. Птухин не тот человек, которого можно запугать. Жуков уже жалел о сказанном.

Через три дня Жуков снова пригласил Птухина.

— Вы, конечно, знаете о только что сформированном Главном управлении ПВО? Это особое направление обороны, на которое, к сожалению, только сейчас, в преддверии войны, серьезно обратили внимание. Короче, вас вызывают в Москву к наркому, а вероятнее всего, к Сталину, чтобы назначить на должность начальника этого управления.

Птухин был захвачен врасплох. Первая мысль мелькнула, что Жуков добился своего, его снимают, вот только без разжалования.

— Но почему? Еще много здесь надо сделать. Потом… я бы не хотел.

По тому, как Птухин почти по-граждански произнес: «Потом я бы не хотел», Жуков понял его смятение и по-доброму улыбнулся.

— Для профсоюза это убедительно. А вы думаете, я хотел стать начальником Генерального штаба? Не вздумайте Сталину привести такой довод. Для него нужны веские аргументы, а у вас их, мне думается, нет.

Жуков был прав. После назначения нарком просил Птухина не задерживаться в Киеве и к концу января приступить к своим обязанностям. Да и как задерживаться, если Сталин предупредил, что к февральскому заседанию ЦК, специально по организации ПВО, необходимо подготовить справку.

* * *

— Ну вот, Соня, конец моей летной работе, теперь я настоящий столичный чиновник, — жаловался Птухин, с нелюбовью рассматривая свою новую квартиру на Арбате в доме Моссельпрома. А где-то теплилась надежда вернуться к прежней работе.

Птухину еще не приходилось заседать так много, как теперь. Сам он собирал совещания редко, чаще ездил по частям. Многие командиры повторяли его поговорку, что, когда летчик идет на совещание, он выключает мотор, а с выключенным мотором боевая готовность не повысится.

Для доклада о состоянии ПВО страны на совещании ЦК Птухину отвели двадцать минут.

Глядя на Сталина, Молотова, Ворошилова, Птухин не мог понять, какое на них производит впечатление его доклад. Только Тимошенко, иногда кивая головой, что-то записывал «вечным пером» на листе бумаги.

— Что является центральным моментом в ваших предложениях? — покачивая в такт словам негорящей трубкой, перебил его Иосиф Виссарионович.

— Передача истребительных полков, оперативно выделяемых ВВС, в полное подчинение Главного управления ПВО, то есть создание самостоятельной авиации ПВО.

С этого момента начался обмен мнениями. Начальник Главного управления ВВС Павел Васильевич Рычагов сказал, что такое мероприятие излишне и сопряжено с большими трудностями, поскольку вслед за разделением авиации встанет необходимость делить снабжение ВВС. Проще усовершенствовать

систему оповещения и подъема истребителей по сигналам ВНОС. Свой «центральный момент» Птухин отстоять не смог. Сказывалось сильное волнение Евгения Саввича, с трудом осваивался он с манерой Сталина ходить вдоль стола за спинами сидящих. Кроме того, надо было быть предельно внимательным, чтобы ответить на вопрос, который мог задать Сталин неожиданно.

Принятое постановление ЦК ВКП(б) существенно меняло организацию ПВО страны. Было определено тринадцать зон ПВО. Руководство силами и средствами в этих зонах возлагалось на заместителей командующих войсками округа по ПВО. Тридцать девять истребительных авиационных полков ВВС получали задачу обеспечивать прикрытие этих зон. Для обеспечения ПВО крупных городов и важных объектов дополнительно выделялись части и соединения зенитной артиллерии. Постановлением предусматривалось сосредоточение основных сил ПВО на западном, «угрожаемом», направлении глубиной до 900 километров с включением нефтеносных районов Кавказа. Специально для прикрытия Москвы намечалось сформировать истребительный авиационный корпус. Оборонная промышленность получила задание обеспечить ПВО новыми системами автоматического управления огнем зенитной артиллерии и радиолокационными станциями типа РУС-1 и РУС-2. Помня по опыту войны в Испании, какую роль играет подготовка населения к отражению воздушного нападения противника, Птухин уделил особое внимание проведению совместных тренировок и учений системы ПВО и многомиллионной организации МПВО [МПВО — местная противовоздушная оборона].

Несмотря на то, что работы было невпроворот, мучительная тоска по самолету и полетам, которые теперь даже виделись во сне, становилась все ощутимее. Затаенное желание вернуться в КОВО не только не ослабевало, но крепло с каждым днем. Часто приезжавшие в Москву Ласкин, Пуркаев и новый, но хорошо знакомый командующий войсками округа Михаил Петрович Кирпонос бередили душу огромными делами округа.

Было известно, что должность командующего ВВС округа до сих пор не занята.

Он и раньше намекал наркому о своем желании, а теперь настойчиво просил освободить его от этого высокого поста.

В начале апреля нарком объявил, что просьба удовлетворена и Птухин возвращается на свою прежнюю должность.

— Разберитесь там внимательно, обстановка на границе округа осложняется с каждым днем. Надо быть готовым к

вероломству Германии, — сказал на прощанье Семен Константинович.

Да, обстановка в КОВО действительно была очень сложной. Это он знал еще в Москве, поддерживая связь с округом, и из информации в Наркомате обороны. С октября 1940 года по март 1941 года было 37 наруше-. ний немецкими самолетами границы СССР. Число нарушений росло и уже за 20 дней апреля составило 43! Все маршруты проходили над строительством укрепленных районов через аэродромы и вдоль железных дорог. Изо дня в день увеличивалось количество немецких войск на границе, прокладывались новые железные дороги. На территории Польши немцы построили и восстановили более ста аэродромов.

В штабе округа появление Птухина было встречено с нескрываемой радостью. А сам он теперь воспринимал все окружающее как после затянувшегося отпуска, когда необходимо наверстать упущенное.

С Михаилом Петровичем Кирпоносом они обменялись двумя-тремя словами приветствия и сразу заговорили о деле, весьма неотложном.

Поступление новых самолетов происходило очень медленно.

Особую тревогу вызывало состояние аэродромов.

Выполняя решение ЦК ВКП(б) по строительству и оборудованию аэродромов, руководство НКВД, получив указание провести строительные работы между посевной и уборочной, не считалось с мнением округа и начало работы сразу на большинстве аэродромов. И без того стесненная, авиация теперь вынуждена была ютиться на пятачках приграничных аэродромов большими массами. И это все в пору интенсивного переучивания и сложной обстановки.

Кирпонос и Птухин обратились к первому секретарю ЦК Украины Хрущеву с просьбой помочь завершить строительство аэродромов. Но тот, увлеченный хорошими перспективами на урожай, нашел мудрым решение закончить работы на аэродромах в короткое время и передать рабочую силу на уборку урожая.

Вскоре позвонил Жуков. Он делал это часто, интересуясь делами округа. Однако на этот раз обращение его было прямо к Птухину.

— По линии погранвойск докладывают, что фашисты случайно залетают на нашу территорию, теряя ориентировку. Вы этому верите?

— Нет, конечно, не верю.

— Так докажите это! Словом, мне нужна полетная документация немецких летчиков, чтобы добиться разрешения у правительства сбивать их. Все ясно?

На следующий день, подводя итоги сборов командиров соединений, Птухин обсудил с ними задачу: посадить любым способом «заблудившийся» самолет. А чтобы обеспечить тишину для постов наблюдения, он приказал советским самолетам в полосе 50 километров от границы не летать.

— Прежде чем вас отпустить, я сделаю всем символический подарок. — Птухин открыл небольшой ящик. — Пусть этот подарок напоминает вам, что нет для нас ничего сейчас дороже, чем время. — Он стал вручать каждому небольшой будильничек, добавляя: — Заводите его, пусть он вас разбудит вовремя.

В этот же день Слюсарев улетел на приграничные аэродромы, чтобы поставить задачу дежурным истребителям.

15 апреля обнаглевший фашист решил «заблудиться» до самого Киева. Были подняты истребители. Над Ровно летчики звена И-16 увидели на высоте три тысячи метров возвращающийся фашистский двухмоторный бомбардировщик. Вызывающе нагло выделялась на киле огромная свастика. Покачивая с крыла на крыло, ведущий дал сигнал: «Идем в атаку». Истребители, едва не цепляясь животами, проскочили над пилотской кабиной. Спутной струей сильно встряхнуло немецкий самолет. От неожиданности пилот выпустил управление… Глядя, как звено заходит на повторную атаку, он, не веря в прочность своей машины, решил садиться. Выбрав подходящую площадку, летчик, не выпуская шасси, плюхнул машину на каменистый грунт.

Теперь, когда немцам больше не угрожали назойливые истребители, можно было подумать и о воинском долге. Пилот включил систему подрыва аэрофотоаппаратов. Грохнул взрыв. Подбежавшим крестьянам фашисты начали совать в руки пачку денег, повторяя: «Wo ist Grenz?» [Где граница? *(нем.)*]

Когда приехали военные, оба летчика сидели под кустами со связанными руками.

Работники НКВД поместили летчиков в гостинице, забрав документы и полетную карту, составленную из листов Львов — Киев. Очухавшись от первого испуга и уверенные в том, что фотоаппараты взорваны, немцы довольно красочно рассказали, как были расстреляны без предупреждения советскими истребителями. К тому моменту, когда Слюсарев из-под Львова добрался до Ровно и связался с Птухиным, сообщение о «преступных» действиях летчиков-истребителей с завидной оперативностью достигло Москвы и, соответственно преломившись, поступило в округ в виде приказа об аресте летчиков звена истребителей.

Ареста летчиков Евгений Саввич допустить не мог. Птухин

осмотрел самолет-разведчик, поставил охрану, дал команду опечатать наши самолеты-истребители до приезда комиссии. К счастью, система подрыва подвела немцев. Из восьми фотоаппаратов три остались невредимыми, а на обшивке самолета, кроме пробоин от камней, не было ни одного пулевого отверстия. Кассеты с фотопленкой срочно доставили в Киев.

Посмотрев пленку и фотосхему маршрута съемки немецких разведчиков, Жуков тут же позвонил Сталину и попросил принять его и Птухина.

Вместе с фотопленкой и схемой Птухин расстелил на столе полосу карты в масштабе съемки, на которой, как и на схеме, были надписаны железнодорожные узлы по дороге Львов — Киев, ряд аэродромов, строительство которых, казалось, хранилось в секрете, а также сооружение укрепрайонов в приграничной зоне. Все молчали. Казалось, комментарии и не нужны.

— Что же вы предлагаете, товарищ Птухин?

— Я знаю — дан приказ избегать конфликтов, но мне известно, что немцы стреляют по нашим пограничникам, засылают шпионов. Потом принимают наши протесты, извиняются… И все начинают сначала…

— Что вы предлагаете конкретно, товарищ Птухин? — перебил Сталин.

— Сбивать и приносить извинения. Я не вижу иного пути пресечь шпионские полеты.

— Генеральный штаб подумает и даст указания.

В первых числах мая пришла директива наркома с задачами округа на случай нападения. Обсуждение директивных мероприятий было бурным. Михаила Петровича Кирпоноса смущала необходимость выдвижения к границе основных сил округа, в то время как он был сторонником крупного резерва для нанесения контрудара. Естественно, в этом случае им не допускалась возможность внезапного нападения. Начальника оперативного отдела полковника Ивана Христофоровича Баграмяна беспокоила малая глубина обороны и отсутствие сил в резерве командования округа. Генерал Пуркаев высказал предположение, что должна быть еще директива о передислокации крупных сил в округ из глубины.

Авиации предписывалось находиться в готовности к перелету на запасные аэродромы по особому приказу. Птухин с Ласкиным взялись за обеспечение связи всех аэродромов с командным пунктом в Тернополе. Специальной связи не было, Пришли к выводу, что любыми способами нужно «вытянуть жилы» из начальника связи генерала Добыкина.

После совещания работали сутками, оставляя минимум

времени на еду и сон. У некоторых командиров в кабинетах появились солдатские кровати.

Май кончался. Начальник разведки полковник Бондарев доложил Птухину, что за май было 91 нарушение воздушной границы и задержано 113 шпионов и диверсантов, все больше с радиостанциями.

В первых числах июня с инспекторскими целями приехал заместитель начальника ВВС Федор Иванович Фа-лалеев. Несмотря на свое высокое положение, он с большим тактом представился своему бывшему командиру. Оба с интересом рассматривали друг друга. Они не виделись с момента, когда Птухин уехал в Испанию. Времени как будто прошло немного, а сколько событий! Поговорили о делах. Птухин просил добиться разрешения на перелет полков на запасные аэродромы, очень опасаясь большой скученности на приграничных аэродромах. Он сказал Фалалееву, что несколько аэродромов напоминает ему Гарапинильос. Пробыв немного в штабе округа, Федор Иванович поехал осмотреть эти аэродромы.

* * *

Вторая неделя июня началась с заседания Военного совета округа. Кирпонос нервничал. Обстановка накалилась до предела. Открывая совет, он сказал:

— Обстоятельства так быстро изменяются, что есть необходимость принять ряд мер предупредительного характера, поскольку доклад в Москву и ожидание приказа могут не поспеть за событиями.

Все знали о личном приказе Сталина, запрещающем какие-либо действия в приграничной зоне без его разрешения.

Слово было предоставлено начальнику разведки.

— Мы имеем проверенные данные о выселении за границей в зоне двадцати километров местных жителей. Ежедневно в районы, граничащие с нашим округом, прибывает до двухсот эшелонов с войсками и имуществом. На территории Польши во всех лечебных учреждениях заменен персонал на немецкий. За июнь нарушено воздушное пространство пятьдесят пять раз.

— Сбивать их надо. Я хорошо помню фашистов по боям в Испании. Это такие наглецы, что будут плевать в физиономию, пока не схватишь их за горло, — вставил Птухин.

— К сожалению, мы еще не имеем разрешения хватать их за горло. Надо найти способ помешать вести разведку, Евгений Саввич, и пока без стрельбы.

Михаил Петрович информировал совет, что им отдан приказ занять передовую полосу укрепленного района. Под общее согласие он изложил ряд мероприятий приведения войск в боевую готовность.

По замыслу командующего, войска округа должны были четырьмя армиями прикрыть государственную границу протяженностью около тысячи километров от реки Припять до Липкан. Основные усилия округа командующий сосредоточил на Львовском направлении, где разворачивалась 6-я армия И. Н. Музыченко. Всем частям приказывалось иметь при себе половину боекомплекта. Птухину Кирпонос поставил задачу усилить авиационную группировку 6-й армии, а также совместно с войсками ПВО обеспечить прикрытие Киева, Львова, Дрогобыча, Фастовского железнодорожного узла и мостов через Днепр в районах Киева, Черкасс, Канева и Янова.

С одобрения командующего Птухин решил провести сборы командиров частей и соединений в районе Львова с целью познакомить их получше с границей, облетать приграничные аэродромы и после сборов скрытно передислоцироваться. Однако в самом начале сборов позвонил Пуркаев и предупредил, чтобы он воздержался перебазировать авиацию. Генеральный штаб отменил приказ Кирпоноса о занятии передовой полосы. Как бы в подтверждение преждевременности инициативы командования КОВО, 14 июня ТАСС устами радио и прессы успокоило общественность.

На следующий день командиры, присутствующие на сборах, обступили командующего с вопросом: «Как это все понимать?»

— Правительство всеми мерами хочет предотвратить войну.

— Но это не повод для того, чтобы спокойно скрестить руки на груди. Это скорее напоминание нам, что каждая минута, каждый час и день, выигранные в дипломатической битве, должны воплотиться в более высокий уровень выучки летчиков, частей и соединений. Цените эти минуты, товарищи. Возможно, каждая из них станет предметом пристального изучения грядущих поколений, избавленных от ига фашизма. И мы будем достойны этого времени.

Сборы подходили к концу. Птухин готовился к их разбору. Но из штаба сообщили, что пять И-16, обнаружив три германских самолета, оттеснили их к Львову. Один из них сел в 20 километрах северо-западнее Львова, на окраине села Куличкув в районе строящегося укрепрайона. К самолету поспешил воентехник Пастухов с группой красноармейцев. Летчику предложили выключить мотор, а затем зелеными ракетами дали сигнал садиться и другим.

Птухин поехал к месту посадки немцев. Командир НКВД уже составлял протокол опроса Пастухова и красноармейцев. Узнав, кто такой Птухин, он, ссылаясь на инструкции, нехотя отдал полетные карты и разрешил осмотреть самолеты. С помощью переводчика удалось узнать, что эти самолеты связи только что перебазированы из Греции. На вопрос, с какой целью их сюда перебросили, старший поспешил ответить, что им ничего не известно.

Пока Птухин на своем Як-1 летел до Киева, решение звонить наркому определилось. Кирпонос без колебаний поддержал. «Звоните». И все-таки, когда он сел к аппарату В4, рука задержалась. Он знал, что нарком уважает настойчивость, но до определенного предела. Но в этот миг вспомнились самодовольные физиономии фрицев. Он уже не первый раз встречался с немецкими летчиками, садившимися на вынужденную, и отмечал их вызывающее поведение:

«Наглеют с каждым днем, — подумал Птухин. — Ведут себя как туристы, недовольные гостеприимством страны. Совершенно не чувствуют себя нарушителями, которым полагается нести строгую ответственность перед советскими законами за шпионские полеты над нашей территорией. Да и не признают себя шпионами, даже пойманные с поличным. Отказываются грубо, нахально, не пытаясь оправдываться. Отчего это? Видимо, чувствуют твердую защиту. Скорее всего перед полетом получают убедительный инструктаж, что с ними ничего страшного не произойдет, даже если сядут на вынужденную. Возможно, убеждены в скорой выручке.

Вспомнился совершенно вопиющий случай, когда к «заблудившемуся» экипажу вплотную пристроился наш летчик и показал рукой, чтобы самолет шел на посадку. Но летчик-нарушитель, самодовольно улыбаясь, пригласил жестом следовать за ним на запад. Как рассказывал наш истребитель, сбить фашиста ничего не стоило. Тогда Евгений Саввич подивился выдержке нашего летчика-истребителя, отметив про себя, что он бы сам, пожалуй, на его месте не стерпел… Все! Больше никаких колебаний! Надо добиваться разрешения хотя бы на предупредительную стрельбу. Все-таки это убедительнее, чем покачивание с крыла на крыло и «приглашение» идти на наш аэродром. Прилетят к себе, расскажут, что русские летчики пересмотрели «нормы гостеприимства» непрошеных гостей.

Птухин снял трубку. Минуты через две в телефоне прозвучало:

— Говорите.

Птухин как мог спокойнее и короче изложил последний

случай: количество нарушений, игнорирование немцами сигналов идти на посадку и умолк. В тот же миг нарком сказал:

— А вы не горячитесь, товарищ Птухин. До свидания.

Птухин, обмякший, долго сидел у телефонного стола. Не хотелось ни думать, ни что-либо делать.

В субботу, во второй половине дня, Евгений Саввич собрал всех командиров соединений. В штабе было известно, что ефрейтор 222-го саперного полка Альфред Лисков перебежал к нам и сообщил о начинающемся сегодня ночью наступлении, о чем генерал Пуркаев уже доложил Жукову.

Птухин предупредил командиров дивизий.

— Это последний наш сбор здесь. Штаб округа уже выехал в Тернополь. С понедельника и мы будем там. Разлетайтесь по частям, вскрывайте свои оперативные планы, готовьте полки к боевым действиям.

* * *

В опустевшем штабе было тихо. Евгений Саввич работал долго. С особой тщательностью он анализировал ежедневные итоги освоения новых самолетов. Темпы росли. Они вселяли надежду в ближайшее время перевооружить половину всех полков, создать предпосылку успешного, на первых порах, отражения противника. Эта половина стала каким-то заветным числом, своеобразным рекордом, который он хотел преодолеть как можно быстрее. С внутренней радостью он выводил красным карандашом новое число летчиков, впервые вылетевших на ЛаГГах, МиГах, Яках, «Пешках» [«Пешки» — так между собой летчики называли самолет Пе-2]. Правда, мало их, этих самолетов, но он знал, что летчика «сделать» труднее, чем самолет, и это его забота.

Птухин посмотрел на часы, решил домой не ехать. Жена, три недели назад подарившая ему вторую дочь, устает за день. Не стоит ее беспокоить, пусть отдыхает. Утром можно заскочить за вещами — и в Тернополь. Возможно, до следующей субботы.

Мысли о жене и детях всегда приятно успокаивали. Он очень хотел сына, который обязательно стал бы «орёликом», настоящим истребителем, которому Птухин-старший передал бы все свое искусство пилотирования. Но, когда ему сообщили, что родилась дочь, он просил передать жене, что давно решил назвать свою вторую дочь Наташа. Она похожа на него. Жаль, что чаще всего видел ее спящей: днем, когда заскакивал на обед, или поздно вечером. Старшую, Лиду, он видел все-таки чаще.

* * *

Казалось, он только сомкнул глаза, откинувшись в глубоком кресле, как вдруг резко, словно сигнал тревоги, прозвучал телефонный звонок. Докладывал дежурный по штабу.

— Товарищ командующий, началась война! Бомбят аэродромы!

Растерянности не было. Мозг работал четко, аналитически: «Внезапное нападение. Видимо, массированный удар по передовым аэродромам. Надо выяснить обстановку. Главное, организовать отражение». Он быстро придвинул телефон:

— Слюсарев! Срочно на аэродром! Вылетаем на КП в Тернополь!

На выходе из штаба он задержался возле дежурного, посмотрел на часы: «Какая рань! Жаль будить». Потом взял телефонную трубку:

— Алло, Соня, ты особенно не волнуйся, но мне срочно нужен мой чемоданчик для поездки. Я сейчас заскочу, и сами собирайтесь на дачу… Да, да, началась, но это ненадолго. Мы управимся быстро, не волнуйся! Вернемся с победой! Иначе быть не должно!

Монино — Москва, 1977 год

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемый читатель, книгу, которую вы только что прочитали, написал не профессиональный писатель, а летчик Михаил Павлович Сухачев. Это не только его первая книга, но и первое литературное произведение вообще.

Родился Сухачев в 1929 году в деревне Сечино Орловской области. Детство было трудным — мать одна кормила и воспитывала девятерых детей. И наверное, она бы не смогла вырастить их всех, если бы семья не перебралась в Ленинград и не устроилась жить (а мать — работать уборщицей и истопником) при 99-й образцовой общеобразовательной школе. Учителя школы приняли в судьбе детей активное не только материальное, но и духовное участие.

Именно там в школьном кружке еще в 6-летнем возрасте Миша построил свою первую авиационную модель. Учителя школы помогли развитию и другой способности мальчика — любви к рисованию. Начиная с 9-го класса он уже занимался в студии при Академии художеств.

Одно время небо и живопись серьезно конкурировали в выборе Михаилом Павловичем жизненного пути.

Небо пересилило.

И Сухачев поступает сначала во II Ленинградскую спецшколу ВВС, потом — в Борисоглебское авиационное училище имени Чкалова. И, наконец, Военно-воздушная академия имени Ю. А. Гагарина, где позже он защитил кандидатскую диссертацию, стал доцентом.

Это учеба. А работа, она шла всегда параллельно учебе — летал на реактивных самолетах-истребителях.

И вероятнее всего, Михаилу Павловичу, очень занятому преподавательской работой во все той же академии имени Ю. А. Гагарина, не довелось бы взяться за литературный труд, если бы не одна очень интересная встреча в Центральном Доме авиации и космонавтики: вечер памяти генерал-лейтенанта Евгения Саввича

Птухина, который собрал всех его друзей, соратников и учеников. И когда закончил делиться воспоминаниями о Евгении Саввиче последний выступающий, Сухачев твердо решил, что напишет о Пту-хине книгу.

Летчик-истребитель, решивший написать книгу о летчике-истребителе, действует по-истребительски решительно. Колебаний, сможет ли он осилить новый для себя труд, не было. Была цель: о таком самородке летчике-истребителе, талантливом военачальнике нашей отечественной авиации, герое испанской

войны должны знать не только летчики. И здесь очень помогли люди, с которыми служил, воевал и дружил Евгений Саввич. Их оказалось очень много — несколько десятков человек, желавших увековечить память генерала Птухина в грядущих временах.

И в первую очередь откликнулась вдова, верный друг и соратник по испанской войне *Софья Михайловна Александровская.* Приняли в книге живейшее участие и:

О. С. Птухина — сестра Евгения Саввича;

П. И. Батов — дважды Герой Советского Союза, генерал армии;

С. А. Красовский — Герой Советского Союза, маршал авиации;

Ф. А. Агальцов — Герой Советского Союза, маршал авиации;

С. *Ф. Ушаков* — Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации;

И. П. Журавлев — Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации;

Г. М. Прокофьев — Герой Советского Союза, генерал-майор авиации;

А. С. Благовещенский — Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации;

С. В. Слюсарев — Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации;

В. В. Найнешвили — генерал-лейтенант авиации;

А. К- Богородецкий — генерал-лейтенант авиации;

А. А. Туржанский — генерал-лейтенант авиации;

А. В. Борман — генерал-лейтенант авиации;

Моркиляс Леопольд — испанский летчик;

Антонио Ариас — испанский летчик;

Л. Е. Смоляков — генерал-майор авиации;

А. С. Пронин — генерал-майор авиации;

В. А. Годунов — генерал-майор авиации;

А. Г. Лозыченко — полковник;

С. И. Шингарев — полковник;

И. А. Панфилов — полковник;

А. И. Семенова;

А. Н. Петрова-Чусова;

Работники музея ВВС в Монине и особенно сотрудник музея полковник в отставке *В. К. Тихоненко.*

Всем им редакция приносит свою благодарность.

И последнее — редакции очень бы хотелось узнать мнение читателей об этой книге. Возможно, она попадет в руки человека, которого жизнь сводила в какие-то годы с Евгением Саввичем. В этом случае редакция убедительно просит известить ее об этом —

новые сведения о Птухине были бы очень полезны для автора, продолжающего собирать материалы о жизни Евгения Саввича.